

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2018

Экономические реформы в КНР:
круглый стол ПДВ

●
Россия — Япония:
асимметрия интересов

●
Торговые связи российских
регионов с КНР

●
Особая экономическая
зона Сямэнь

●
Рыбопромысловое районирование
океанических зон России

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2018

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Анган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

Содержание

Круглый стол в ПДВ

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике.....	4
---	---

ПОЛИТИКА

<i>Л.Е. Васильев, А.Ф. Клименко.</i> ШОС: правда и вымыслы.....	42
<i>В.В. Кузьминков.</i> Россия — Япония: асимметрия интересов.....	49
<i>Е.И. Нархова.</i> О современных подходах Вьетнама к урегулированию споров в Южно-Китайском море.....	57

ЭКОНОМИКА

<i>Л.Б. Вардомский.</i> Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов.....	65
<i>А.В. Афонасьева.</i> О развитии и роли инновационного бизнеса вернувшихся специалистов (<i>хайгуи</i>) в Пекине.....	77
<i>Р.А. Варфаловская.</i> Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США.....	85
<i>Вэй Лянь, Лю Япин.</i> Особая экономическая зона Сямэнь: успехи, уроки, прогнозы.....	92

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>П.А. Балыкин.</i> Проблемы рыбопромыслового районирования в Тихом и Северном Ледовитом океанах.....	99
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>О.Н. Борох.</i> Дун Шицзинь о проблемах аграрной экономики республиканского Китая.....	110
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>М.С. Михалев.</i> Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты.....	123
<i>В.С. Морозова, К.С. Дубровская.</i> Трансформация социокультурных пространств России и Китая в условиях приграничья: современные реалии, тенденции, перспективы.....	135

ИСТОРИЯ

<i>А.В. Ломанов.</i> Американский гуманизм в контексте китайского консерватизма 1920-х годов.....	143
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>А.Ю. Сидоренко.</i> О концепциях китайской «новой исторической прозы».....	154
---	-----

РЕЛИГИЯ

В.Г. Шаронова. Русский храм на Янцзы (Окончание)163

РЕЦЕНЗИИ

М. Петрасяк. Развенчание мифа о Вьетнаме. Факты, фикция, вымыслы173

А.Б. Старостина. Алимов И.А. Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяшо VII—X вв.178

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Анатолию Евгеньевичу Лукьянову – 70 лет180

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2018 год182

Contents187

Summary189

Круглый стол в ПДВ

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике

3 октября 2018 г. редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» провела «круглый стол», приуроченный к 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике.

В обсуждении и дискуссии приняли участие: В.Я. Портяков, д.э.н., главный редактор ПДВ; А.В. Афонасьева, к.э.н., ученый секретарь Института Дальнего Востока РАН; О.Н. Борох, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Виноградов, д.полит.н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН; Л.Д. Бони, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; Е.С. Баженова, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН; Е.И. Кранина, к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН; Л.И. Кондрашова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Ломанов, д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН; В.М. Мазырин, д.э.н., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН; Л.В. Новоселова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Островский, д.э.н., руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; Э.П. Пивоварова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; С.С. Цыплаков, к.э.н., представитель Сбербанка в КНР; В.В. Чуванкова, к.э.н. ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Ниже приводятся выступления участников круглого стола.

DOI:10.31857/S013128120002800-1

В.Я. Портяков:

«Круглый стол» журнала, посвященный 40-летию начала экономической реформы в Китайской Народной Республике, мы проводим в очно-заочной форме. То есть некоторые коллеги, которые не могут участвовать в дискуссии «вживую», представили свои тексты.

У нас нет задачи осветить весь ход преобразований в пореформенном Китае — ни хронологически, ни структурно. Это достаточно детально сделано в многочисленных публикациях, в том числе сотрудников Института. Скорее, призываю всех поделиться своими размышлениями о том, что оказалось наиболее интересным, ценным, результативным в широкой палитре проведенных в Китае преобразований, а что, может быть, не получилось или получилось не так, как изначально задумывалось. Наконец, каждый участник вправе осветить те моменты, аспекты, эпизоды реформ, которые лично ему представляются особенно памятными, интересными.

Теперь по существу вопроса. Во-первых, я считаю сорокалетнюю историю экономической реформы в КНР историей успеха — при любых возможных оговорках. Во многом благодаря реформе Китая удалось войти в число ведущих государств мира

и в экономике, и в мировой политике. Радикально вырос уровень жизни большинства населения страны.

Во-вторых, целый ряд преобразований еще не завершен или только разворачивается. Это касается землепользования, охраны прав интеллектуальной собственности, многочисленных реформ в социальной сфере.

В-третьих, в китайских реформах много неожиданного и даже парадоксального. Известно, что в КНР любят подчеркивать рыночный характер реформ, частенько превозносят роль рынка и несколько пренебрежительно поминают «окостенелое плановое хозяйство». Однако в реальной жизни в стране не только сохранен, но и стал более дифференцированным и качественным инструмент средне- и долгосрочного планирования, применяемый как в народном хозяйстве в целом, так и во многих конкретных отраслях и сферах экономической жизни.

В-четвертых, принципиально важным, как показала практика преобразований, стала для КНР степень посильности бремени для населения. Здесь решающую роль играют не сами по себе темпы и масштабы преобразований, а готовность или неготовность граждан нести тяготы, нередко сопровождающие многие конкретные решения и действия в сфере реформ. Так, одним из ключевых эпизодов в истории китайских реформ стала попытка начать в мае 1988 г. реформу цен, может быть, уместная с точки зрения логики реформенного процесса, но не учитывавшая опасения дальнейшего роста цен у населения, уже подогретые высокой инфляцией предыдущего 1987 года. О важности этого момента, «засевшего» в народной памяти, свидетельствует недавнее напоминание на сайте газеты «Жэньминь жибао» о позиции Чэнь Юня, выступившего против предложенного плана быстрой реформы цен и заработной платы. Предостережениям Чэнь Юня не вняли, и сразу же после обнародования проекта реформы цен в стране начались массовая скупка товаров и изъятие населением своих вкладов из банков. В итоге не только не получилось «успешного прорыва» в сфере цен, но был нанесен ущерб всему процессу реформы, возник и ряд социальных проблем («Бэйцзин жибао», 10.09.2018). Развязкой растущего напряжения в обществе стали известные тяньаньмэньские события мая—июня 1989 г., имевшие не только политические, но и глубокие экономические причины. Напротив, когда в 1991 г. китайское руководство пошло на крупномасштабное волевое управление перекоса в ценах ряда важных видов продукции, протестов населения не последовало — сказался «посттяньаньмэньский синдром». Напомню, что с 1 мая 1991 г. цены на нормируемое зерно были повышены на 67%, на основные виды растительного масла — на 169%. Были также существенно повышены отпускные цены на нефть и нефтепродукты, уголь, чугун и сталь.

Что касается факторов, причин успеха экономической реформы в Китае, то я бы выделил в первую очередь оказавшееся весьма эффективным сочетание многочисленных экспериментов в различных сферах с интенсивным, раскрепощенным теоретическим поиском. Ведь до июня 1981 г., когда было принято «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР», в стране было позволено говорить достаточно прямо почти обо всем, выдвигать почти любые предложения, направленные на улучшение управления экономикой и развитие производительных сил. Памятна в этом отношении статья Ху Цяому «Действуя в соответствии с объективными законами, ускорить осуществление четырех модернизаций», опубликованная 6 октября 1978 г. — во вторую годовщину отстранения от власти пресловутой «четверки» во главе с Цзян Цин. Как гром среди ясного неба прозвучал в начале 1979 г. призыв Дун Фужэна отказаться от навязанной деревне системы народных коммун — всего через четыре года она сойдет с исторической арены. Последовательная критика левачества в начальный период реформ проторила дорогу развитию в Китае индивидуального, а затем и частного сектора экономики.

Обязательно должна быть упомянута «двухколесная» система цен, сделавшая возможным быстрый рост внепланового сегмента народного хозяйства и обеспечившая конечный успех перехода экономики Китая на рыночные рельсы функционирования.

В числе наиболее важных вех процесса преобразований в Китае я бы назвал «Решение относительно реформы хозяйственной системы» (1984), давшее старт реформе планирования, расширению сфер действия договорных и свободных рыночных цен. Начальное преодоление дефицита, насыщение рынка ходовыми потребительскими товарами пришлось именно на это время.

Чрезвычайно важный период — 1992–1994 гг. Сначала знаменитая поездка Дэн Сяопина на юг, подтолкнувшая Китай к ускорению рыночных преобразований. В 1993 г. — принятие официального партийного решения о повороте страны к рыночным реформам. А с начала 1994 г. — старт реформ в налоговой и банковской сферах, разворот к акционированию предприятий и к плюрализации форм собственности.

В целом, мне кажется, что при всей своей специфике в виде руководства компартии, которое Си Цзиньпин стремится вновь сделать тотальным, реформа в Китае, в полном соответствии с видением Фридриха Хайека, явилась в конечном счете производным от той свободы, которую периодически получали на разных этапах преобразований экономические агенты и простые граждане страны. Важно подчеркнуть, что эта свобода могла дать и давала экономический эффект только при наличии рынка сбыта для дополнительно производимой продукции. На первых этапах такой рынок обеспечивался самой по себе «экономикой дефицита», затем — появлением миллионов новых потребителей в самом Китае в лице сельских мигрантов и горожан с возросшими доходами. Далее все большую роль стали играть внешний рынок сбыта и обновляющаяся линейка потребительских товаров в самом Китае. Все это радикально отличается от реформы в России, породившей тотальное неоднократное сужение рынка сбыта товаров и услуг и споткнувшейся об этот барьер.

А.В. Виноградов:

Заявление Си Цзиньпина на XIX съезде КПК о предстоящем завершении модернизации в середине XXI века не меньше, чем 40-летний юбилей, побуждают вернуться к анализу китайских реформ, но уже не в хронологическом аспекте (причины, факторы, направления, этапы), а в историческом масштабе, чтобы попытаться определить их место и роль в истории.

Реформы вернули Китай в эпицентр мировой политики и геополитики. Китай стал второй державой мира, и только новая, стремящаяся к полицентричному, конфигурация мирового порядка удерживает от прямых аналогий его со сверхдержавой. Мечта Си Цзиньпина о великом возрождении была продиктована не только общими для всех китайских политиков XX века устремлениями, но и практическими успехами. Благодаря им Си Цзиньпин открыл формулу возрождения: Китай поднялся (в результате революции 1949 г. Мао Цзэдуна), обогатился (в результате реформ Дэн Сяопина) и переходит к усилению (в результате новой политики Си Цзиньпина).

Вслед за новым местом Китая шансы на широкое признание получила и его модель общественного развития. Но, главное, китайские реформы вернули Восток в мировую историю в качестве полноценного субъекта, указав на возможные перспективы Индии и других развивающихся стран. Восприняв экономическую систему Запада, Китай не отказался от своей идентичности — не только культурной, но и политической. И пока, во всяком случае, не претендует на универсальность, потому что решает не общие, «вечные» проблемы, свойственные всем без исключения европейским моделям, а национальные, и призывает последовать его примеру другие афро-азиатские государства.

Наконец, китайские реформы займут место в мировой истории в одном ряду с Великой Французской и Октябрьской революциями еще и потому, что в отличие от них изменили мир эволюционно. Среди множества характерных черт китайских реформ одна из главных состоит в том, что все реформы постепенно расширяют свою

предметную область, а в Китае, наоборот, они начались с ограничений, которые сфокусировали усилия на главном и не позволили им расплыться. Вскоре после 3-го пленума в марте 1979 г. были выдвинуты «4 основных принципа», сохранившие социалистические ценности, руководство компартии и окончательно утвердившие курс реформ, не позволив им перейти грань. Этим они коренным образом отличаются от реформ в СССР, которые не смогли остановиться и в конце концов привели к революционным потрясениям и посредственным результатам.

Успех китайских реформ имеет несколько причин. На 3-м пленуме после почти трех десятилетий «классовой борьбы» центр тяжести был перенесен на экономическое строительство и с теории на практику. В начале реформ ставились конкретные и очень умеренные с точки зрения окончательных результатов цели — «согреть и накормить», а в качестве перспективной — достичь «малого достатка» для всего миллиардного населения. Гигантская по экономическим масштабам, но скромная по меркам исторического развития задача. Однако в процессе достижения этих целей были решены многие другие задачи. Постепенно отдаляясь от теоретических схем под лозунгом «практика — критерий истины», КПК формировала собственные представления о социально-экономической и политической системе. Из частных успехов складывалась целостная и, в силу не идейно-теоретического, а практического характера преобразований, не похожая ни на что другое картина общественного строя: сочетание плана и рынка, организация специальных экономических зон, а затем и система «одно государство — два строя», привлечение иностранного капитала и технологий и одновременно жесткий идеологический и политико-административный контроль. С точки зрения европейских критериев развития (капитализма, социализма и их конвергенции), в Китае сейчас царит полная эклектика: в экономике сочетание ведущей роли общественной собственности и рынка; в политической системе авторитаризм и деление не на 3, а на 4 власти; во внешней политике — евразийский проект «Пояса и пути» без участия развитого мира и т.д. Однако жизнеспособность действующей модели заставляет задуматься о том, что в КНР формируется новый общественный строй — отличный и от западного, социалистического, и от традиционного китайского, надстраиваясь над всем историческим наследием Китая. В нем угадываются очертания совершенно нового мира, который еще не получил теоретического описания, но уже реально существует.

Китайские реформы изменили не только мир, они изменили теоретические представления о развитии, которые тоже были сформированы на Западе: капитализм, частная собственность и рынок, разделение властей, многопартийная система и т.д. Китай дал свой ответ на проблему детерминизма экономической и политической систем. В результате китайских реформ строгая детерминистская модель, которая лежит в основе европейской научной традиции, дала трещину. Точку в дискуссии об очередности экономических и политических реформ в социалистических странах поставил Китай. Теперь мы понимаем, что экономические и политические реформы всегда проходят синхронно, но их направления могут отличаться. Рыночные реформы в Китае не воспроизвели логику западного развития, экономический детерминизм не совладал с цивилизационным. Одновременно с экономическими реформами активно, но неброско начала меняться авторитарная система, но не в сторону демократизации, как требовал экономический детерминизм, а в направлении институционализации.

Начиная реформы, китайское руководство ограничилось практикой. После многочисленных ошибок Мао оно избегало и старых, и новых фундаментальных положений. Дэн Сяопин отважился лишь на тезис о китайской специфике, санкционировавший происходившие практические изменения. Теоретическую смелость в тот период проявляло советское руководство, ощущавшее приближение смены эпох и растущий запрос на реформирование социализма. Однако практического материала для правильного обоснования грядущих изменений у него было недостаточно. Советским лидерам не хватило проныцательности — «развитый социализм» (Л. Брежнев), «азбука марксизма» (Ю. Андропов)

пов), «ускорение» и «перестройка» (М. Горбачев). Надо признать, что китайские и советские руководители мыслили параллельно, но в разных системах координат и разными категориями: глобальными и всемирно-историческими, свойственными лидеру мирового социализма и сверхдержаве, и социально-экономическими и сугубо национальными, характерными для большой развивающейся страны Востока. М. Горбачев попытался концептуализировать ответ на вызовы глобализации новой универсальной доктриной — перестройкой социалистического строя. Его вывод о необходимости заимствовать у капитализма эффективные экономические механизмы и уйти от идеологической конфронтации ничем не отличался от китайского. Но сменив универсальные коммунистические ценности на общечеловеческие, СССР добровольно отказался от идентичности, потерял субъектность и контроль за собственным реформированием, что неизбежно привело его к поражению. Китай остерегался делать далеководущие выводы и ориентировался по ситуации — «сначала понюхать».

Ликвидация социализма в СССР подчеркнула китайскую идентичность. Но оснований, чтобы ее рассматривать в качестве альтернативной модели, тогда было еще недостаточно. Только успех на практике и, главное, формирование собственного категориального аппарата дают основание говорить о появлении самостоятельной модели и возможности ее сравнения с западной. Провозглашенные на XIX съезде КПК ориентиры зафиксировали это принципиальное изменение.

Завершение китайских реформ подводит итог первому этапу глобализации, основным содержанием которого, как мы сейчас понимаем, была демократизация и экономическая либерализация, в том числе социализма. Этот этап показал, что отличия в мире настолько глубоки, что даже общемировые тенденции не способны их ликвидировать, конвергенция закончилась. Важную роль в этом сыграл Китай. С этого начинается эпоха идентичности, которая ставит новые фундаментальные вопросы, например, каковы механизмы и цели развития, что такое политическое и т.д.

Э.П. Пивоварова:

Одним из главных событий в КНР 2018 года стало 40-летие начатой в 1978 г. экономической реформы.

Необходимость осуществить модернизацию народного хозяйства КНР была высказана Дэн Сяопином еще на Всекитайском совещании по вопросам развития науки в марте 1978 г., то есть накануне хозяйственной реформы, что требовало существенного повышения качественных параметров производительных сил страны. Ключом к осуществлению модернизации были названы наука и техника, что требовало ориентации на техническую реконструкцию в крупных масштабах.

Прозвучавший в опубликованной в «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г. программной статье президента АОН Китая Ху Цяому, озаглавленной «Необходимо следовать экономическим законам и ускорять четыре модернизации», тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран» стал одним из главных идейных ориентиров этого времени.

Состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва определил курс на более медленное, но более сбалансированное развитие, резко осудив прежнюю практику «ускоренного строительства социализма».

Во вступительной речи на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. Дэн Сяопин формулирует «основной вывод», сделанный в КНР на основе обобщения длительного исторического опыта: «Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая». В этих словах Дэн Сяопина содержится и ретроспективный взгляд на уже проделанный КНР путь социалистического строительства, и осмысление принципиально иной экономической политики, проводимой в стране с конца 1970-х годов, и установка на перспективу.

На протяжении всех лет реформы в КНР, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования вводили в практику страны то, что давало положительные результаты, хотя еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества. Именно такие инновации стали «прорывами» китайских ученых в экономической теории социализма и слагаемыми «социализма с китайской спецификой». В современном Китае они названы «наипервейшей движущей силой, ведущей за собой все развитие».

Накануне открытия 3-й сессии ВСНП в марте 2015 г. Си Цзиньпин, выступая на объединенном заседании Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, отметил, что проведение в жизнь «основного экономического строя», который характеризуется совместным развитием различных форм собственности при ведущей роли общественного сектора, является «фундаментальной политикой и основным курсом КПК».

Характерно, что уже в докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП в 2016 г. рекомендуется «более энергично «пробуждать жизнеспособность необщественного сектора экономики» и «без малейших колебаний» не только «поощрять и поддерживать», но и «направлять его развитие», а на 5-й сессии ВСНП в 2017 г. подчеркивается необходимость «стоять на позиции обеспечения равных прав, равных возможностей и равных правил для всех», продолжая либерализацию доступа на рынок субъектов негосударственной собственности.

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства во все не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества. В вытеснении несоциалистических форм хозяйствования, преобразовании их на основе повышения производительности труда и его организации на коллективных началах выделась В.И. Лениным экономическая стратегия государства в переходный период к социализму. Школа НЭПа состояла в том, чтобы научиться вытеснять несоциалистические хозяйства не волевыми актами, а экономическими методами, а научившись, сделать хозрасчет постоянным принципом социалистического хозяйствования. Относительно судьбы НЭПа В.И. Ленин высказался достаточно ясно: НЭП нужен лишь до тех пор, пока социалистические уклады наберут силу, и «Россия нэповская» превратится в «Россию социалистическую».

Позиции китайских ученых, называемые «прорывом» в теории вопроса о развитии при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств, заключаются в обосновании необходимости создания модели экономической системы по типу «сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств при ведущем положении общественной собственности». Причем плюрализм в формах собственности признается ими не только как неизбежная черта начального этапа социализма, продолжительность которого измеряется примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимая для удовлетворения многообразных потребностей человека данность общества вообще, т.е. не только общественные, но и традиционно рассматривавшиеся как несоциалистические типы хозяйств вписываются в модель «социализма с китайской спецификой».

Надо сказать, что пойдя по пути использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик, китайское руководство постепенно расширяло возможности рынка, но постоянно продолжало контролировать процесс «рыночнизации» и сохранять за государством ведущие позиции в экономике, в первую очередь, в стратегических отраслях народного хозяйства. И сейчас, на новом этапе «всестороннего углубления реформ» и заявлении о целесообразности допущения рынка в сферы деятельности и отрасли, ранее закрытые для негосударственного и иностранного капитала, можно с большой долей уверенности сказать, что китайское руководство пытается разрешить эту, не впервые заявленную, но очень трудно поддающуюся выполнению, задачу четкого

разграничения функций государственных органов и рынка, но не ослабляя государственное регулирование, а лишь совершенствуя его.

Не случайно уже с начала 2000-х годов новым руководителям страны рекомендовалось учесть «главный опыт» работы правительства в годы реформы — продолжать совершенствовать макрорегулирование и макроконтроль в сфере экономического и социального развития Китая, а когда внутренняя и внешняя обстановка становятся чрезвычайно сложными и макрорегулирование и макроконтроль оказываются перед дилеммой, необходимо, давая свободу «невидимой руке» рынка, как следует выявлять роль «видимой руки» правительства и тем самым стимулировать устойчивый рост экономики.

Именно поэтому, говоря о самых сложных проблемах, которые удалось решить в последние годы, когда трудностей оказалось «гораздо больше и притом более серьезных, чем в прошлом», нынешние руководители КНР не без гордости называют это результатом немалого опыта, накопленного в макрорегулировании за годы реформы, подчеркивая: «наши реформы уже “дают дивиденды”».

А.В. Островский:

За последние годы Китай перешел от высоких темпов экономического развития к более низким, что объясняется двумя причинами: внутренними — достигнутый высокий объем ВВП, определяющий большие сложности при достижении еще более высоких показателей ВВП, и внешними — связанными со значительным снижением спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса, а также из-за введенных США санкций на импорт китайских товаров. Переход в последние годы к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием «новая нормальность» (*синь чантай*), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. «Новая нормальность» обозначает стремление руководства КНР достичь к 2020 г. цели построения в Китае общества «малого благоденствия» (*сяокан*) и в новых условиях для решения этой задачи обеспечить устойчивое развитие при снижении темпов прироста ВВП.

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) Китай встретил огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. При оценке результатов социально-экономического развития Китая за этот период, по сравнению с результатами таких стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, Китай и Индия в начале 1980-х годов находились на одном уровне, в настоящее время Китай опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской. По данным на конец 2017 г., объем ВВП Китая составил 82,7 трлн юаней, или 12,5 трлн долл. По показателю ВВП (в пересчете по валютному курсу) Китай занимает 2-е место в мире после США и обеспечивает 30% вклада в мировую экономику. Одна южная провинция Гуандун по объему ВРП уже обгоняет объем ВВП России — 1,3 трлн долл.

Эти показатели социально-экономического развития Китая демонстрируют зримые успехи Китая в мире. В то время как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики. Особенно хорошо это заметно на примере сравнения темпов роста экономик КНР и США. Только во 2-м квартале 2017 г. темпы роста экономики КНР — 6,9% — более чем в три раза опередили США — 2,1%, а темпы прироста ВВП КНР в 2017 г. в целом также составили 6,9%.

Такая же сравнительная динамика прироста ВВП США и КНР прослеживается на протяжении двух последних лет. Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли: 1-е место по объему экспорта и 2-е место по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на между-

народном финансовом рынке, а китайская валюта — юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной. В социально-экономической сфере Китай тоже добился заметных успехов.

В Китае заметно увеличилась численность и доля городских жителей — с 711,8 млн человек (52,57% населения) в 2012 г. до 813,5 млн (58,5% населения) в 2017 г. При этом постоянно происходит рост душевых распределяемых доходов, который в 2017 г. составил 25 974 юаня в год на человека, медианный доход — 22 408 юаней на человека, среднемесячная зарплата рабочих-мигрантов из деревни составила 3485 юаней в месяц (примерно 34 850 рублей), а средняя номинальная зарплата в Китае — 67 569 юаней в год (или 5630 юаней, что равно примерно 56 300 рублей в месяц). При этом потребительская инфляция в КНР ниже, чем в России, и составила 1,6% в год (1,7% в городе и 1,1% в деревне). Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с началом XXI века. Хотя в Отчетном докладе было отмечено, что в последние пять лет в среднем создавалось 13 млн новых рабочих мест, произошел заметный рост охваченных пенсионным и медицинским страхованием, но по-прежнему растет разрыв в доходах между различными слоями и группами, городом и деревней, по-прежнему сохраняется неравный доступ разных слоев населения к различным общественным услугам — образованию, здравоохранению, дешевому жилью «экономического класса» и другим услугам.

Для реализации амбициозных планов в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина для ускорения совершенствования социалистической рыночной экономики и экономических перемен был намечен комплекс мер. В их основу была положена новая концепция регионального экономического развития, направленная на координацию между четырьмя основными регионами Китая (приморские провинции, Северо-Восток, центральный и западный районы). В отчетном докладе отмечалось, что «необходимо укреплять западные территории, «старую промышленную базу» на Северо-Востоке, выявлять роль центрального района, сделать восточный район ведущим в инновационной экономике, наладить механизм согласования и координации между регионами.

Было объявлено о продолжении ранее намеченной стратегии развития китайской деревни, которая направлена в Китае на решение «трех сельских вопросов» (крестьяне, село и сельское хозяйство). КПК выделила вопрос о системе землепользования как решающее звено в обеспечении населения продуктами питания в целом и зерном в частности. Было предложено перейти на второй этап развития системы земельного подряда и продлить сроки аренды земли крестьянами до 30 лет при стимулировании крестьян вступать в различного рода кооперативные объединения на селе.

Большое внимание в Отчетном докладе было уделено вопросу о совершенствовании рыночной экономики с упором на совершенствование системы имущественных прав и использование рыночных механизмов.

Еще одним важным моментом, на который следует обратить внимание, стал пункт в докладе о дальнейшем продвижении «открытости» в экономике, в центре которой должна стать реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь». При этом говорилось об одновременном развитии внешнеэкономических связей в приморских и внутренних районах, увеличении экспорта и импорта, развитии индустрии услуг, равенстве предприятий всех форм собственности и охране прав иностранных инвесторов и развитии зон свободной торговли и свободных портов.

Отдельным пунктом стратегии развития является постоянное повышение жизненного уровня населения страны. Было выделено семь основных направлений для решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедно-

стью; 5) развитие системы общественного здравоохранения; 6) обеспечение равного доступа населению к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения.

В последнее время в КНР стали еще больше внимания уделять развитию инноваций, так как Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения и экономический рост не может быть достигнут, как ранее, за счет привлечения на производство большого количества рабочей силы. В этом случае предусматривается опора на выдвинутую еще на XVII съезде КПК «концепцию научного развития». В «концепции научного развития» была обоснована необходимость перехода от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным методам, что предполагает повышение роли науки и техники в развитии экономики и создание инновационной экономики. Данная концепция предусматривает отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и между регионами страны.

За пять лет — от съезда до съезда — были сделаны и заметные достижения в области науки и техники. В частности, был осуществлен запуск человека в космос, осуществляется создание космической станции «Тяньгун» («Небесный дворец») и спуск под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 метров в Марианской впадине на Тихом океане. Только в прошедшем 2017 г. Китай добился заметных успехов в инновациях, в развитии науки и техники и реализации крупных проектов, к которым следует отнести создание рентгеновского космического телескопа, производство устойчивого к морской воде риса, добычу «горючего льда», введение в эксплуатацию в Шанхае автоматизированного порта Яншань, завершение строительства моста Сянган — Чжухай — Аомынь (Макао), запуск высокоскоростного поезда нового поколения «Фусин» и другие — всего 10 такого рода проектов.

На китайском рынке представлены все ведущие международные инвесторы, однако их роль неодинакова. В частности, объемы и доля инвестиций из США от валового поступления иностранных инвестиций в Китай существенно уменьшилась за 20 лет — с 6,5% в 1995 г. до 1,9% в 2016 г. Объем инвестиций из европейских стран плюс США, Канады и Австралии в последние годы обеспечивал примерно 7–9% валового объема иностранных инвестиций ежегодно, после финансового кризиса 2008–2009 гг. неуклонно снижался, а в 2016 г. составил 6,3% годового притока прямых иностранных инвестиций. Более того, на американском рынке объем прямых инвестиций из КНР существенно превышает объем прямых инвестиций из США в КНР. В частности, в 2015 г. объем прямых инвестиций из США в КНР составил 2,1 млрд долл., а из КНР в США — 7,6 млрд долл., в 2016 г. из США в КНР — всего 2,4 млрд долл., а из КНР в США — 8,0 млрд долл., то есть больше в 3,3–3,6 раза. Таким образом, в настоящее время степень зависимости американской экономики от китайских инвестиций оказывается существенно выше, чем китайской экономики от американских инвестиций. Судя по всему, Д. Трамп ввел импортные пошлины на товары из Китая на сумму 250 млрд долл. для того, чтобы уменьшить зависимость американского внутреннего рынка от китайских товаров и инвестиционного капитала.

В настоящее время стоит один вопрос: кто победит в ходе американо-китайской торговой войны и как это отразится на развитии мировой экономики. Некоторые эксперты считают, что у США позиции лучше, так как китайская экономика в большой степени зависит от внешнего рынка. Однако хочу отметить, что китайский внутренний рынок — самый большой рынок в мире, примерно 1,4 млрд человек, и доходы населения растут быстрыми темпами, что обеспечивает большую емкость внутреннего рынка не только в приморских провинциях, но и во внутренних районах страны. При этом Китай активно реализует выдвинутую в 2013 г. инициативу «Один пояс, один путь», что может обеспе-

чить дополнительный прирост внешней торговли со странами Центральной и Передней Азии, Западной Африки, Южной и Восточной Европы.

Сложнее ответить на другой вопрос. На мой взгляд, на первом этапе будет наблюдаться падение темпов роста мирового ВВП из-за взаимных санкций во время американо-китайской торговой войны, однако в дальнейшем за счет роста торговли Китая со странами «Пояса и пути» это падение будет компенсировано.

Л.В. Новоселова:

За последние 40 лет в результате непрекращающихся усилий, направленных на коренное реформирование созданной в предыдущий период централизованной плановой экономической системы, Китай превратился из глобального экономического аутсайдера в неоспоримого лидера современной мировой экономики. Ни одна из бывших социалистических стран не может похвастаться такими результатами во многом аналогичной по содержанию рыночной трансформации экономики. Успехи КНР выглядят особенно внушительно на фоне неубедительного состояния экономики в странах постсоветского пространства (включая Россию), экономические реформы в которых были начаты всего лишь на 10 с небольшим лет позже, чем в Китае. Возникает естественный вопрос: в чем состоят особенности китайского способа реформирования, позволившие этой стране добиться столь впечатляющих достижений, несмотря на несравненно худшие стартовые условия глубоких экономических преобразований?

В отличие от других стран «мирового социализма», экономические реформы в КНР осуществляются в условиях не слома, а, напротив, сохранения действующей политической надстройки и поддержания управляемости экономической системы. Это не только позволило руководству страны максимально сконцентрировать внимание на социальных и экономических вопросах, но и открыло возможность для осуществления постепенных, последовательных преобразований, а не обвальных «шоковых» реформ. В этом, как показала практика, состоит важнейшее преимущество китайского способа реформирования.

Постепенность преобразований, осуществляемых по принципу «переходить реку, нащупывая ногами камни», обеспечила несколько важных результатов. Прежде всего, в условиях крайней бедности населения она позволила максимально ограничить социальные и экономические издержки рыночной трансформации. Не случайно, в отличие от других стран, Китай сумел избежать так называемого трансформационного спада при переходе к рынку. Кроме того, продвигаясь от частного к общему, отталкиваясь от изменений на уровне микроэкономики и лишь затем переходя к системным макроэкономическим сдвигам, постепенность трансформации с самого начала позволила создать в экономике страны живую конкурентную среду и избежать появления в ней олигархических новообразований. Последние, как известно, исходя из собственных интересов, способны значительно деформировать сущность и направление экономических преобразований. В результате государство сохранило за собой все возможности для проведения по ходу осуществления реформ активной структурной и промышленной политики. Данное обстоятельство, в частности, позволило Китаю довольно быстро преодолеть последствия азиатского, так и последовавшего за ним мирового финансового кризиса.

Ключевым фактором активизации роста китайской экономики в годы реформы явилась общая децентрализация экономической системы при расширении как хозяйственных функций (включая инвестиционную составляющую), так и финансовой самостоятельности провинциальных и местных органов власти. Тем самым было достигнуто максимальное вовлечение в экономический оборот имеющихся в стране производственных ресурсов, а получаемые в результате реформ материальные выгоды и преимущества были распространены на широкие слои населения. Все это помогло обеспечить эффективность реформ и их общественную поддержку.

Следует особо отметить неуклонный, последовательный характер рыночных преобразований. Даже в условиях ужесточения внутренней политики и «закручивания

гаск» в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в конце 1980-х годов Китай сохранил курс на разгосударствление и либерализацию хозяйственной жизни с созданием основных несущих конструкций «социалистической рыночной экономики». Именно в 1990-е и в начале 2000-х годов шаг за шагом были проведены такие важнейшие преобразования, как реформа налоговой системы, реформа бюджетной системы и межбюджетных отношений, реформа банковского сектора, реформа инвестиционной сферы, реформа внешней торговли и валютной системы, создание финансовых рынков и т.д. Право частной собственности было закреплено в Конституции КНР. Все это уже к началу нового столетия позволило при сохранении важной роли государства и государственной собственности в экономике сформировать в Китае по преимуществу рыночный механизм распределения ресурсов вкрупне с целой системой институтов и инструментов макроэкономического регулирования. На долю частного сектора сегодня приходится 60% занятых и 70% ВВП, и эти показатели с каждым годом увеличиваются.

Ключевой элемент китайских экономических реформ — политика открытости по отношению к внешнему миру. Успех этой политики во многом связан с умелым использованием традиционных связей Китая с многочисленной и богатой зарубежной китайской диаспорой, обладающей большим влиянием в деловых кругах стран АТР. Создание благоприятного инвестиционного климата для иностранного капитала в сочетании с наличием обильной и дешевой рабочей силы позволило КНР уверенно интегрироваться в глобальную экономическую систему, встраиваясь в мировые цепочки добавленной стоимости по самым различным направлениям. Ориентация на внешние рынки сбыта и источники технологии в свою очередь обеспечили возможность сверхвысоких темпов экономического роста и нормы накопления. Естественным результатом всех этих процессов в 2001 г. явилось присоединение Китая к Всемирной торговой организации с последующим активным использованием ее возможностей в интересах дальнейшего укрепления позиций КНР на международном рынке.

Еще одно слагаемое успеха китайских реформ — прагматичная внешняя политика как продолжение политики внутренней. Концентрируя максимальные ресурсы на решении вопросов национального развития, Китай в период активных экономических преобразований, как правило, проявляет демонстративную неагрессивность и бесконфликтность на мировой арене, отказавшись от прежней тактики противоборства «острием против острья» в международной политике. Эффективность этого подхода очевидна. Ведь именно такая позиция в сочетании с мерами по дальнейшему открытию национальной экономики при твердом отстаивании принципа невмешательства во внутренние дела позволила КНР успешно выйти из-под санкций Запада, объявленных в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь. Более того, способствуя превращению Китая в одного из безусловных лидеров мировой экономики, такая политика в конечном итоге позволила ему существенно укрепить свои позиции и в глобальной иерархии геополитической силы.

Последним (по порядку, но не по значению) фактором успеха китайских реформ является весьма квалифицированное государственное управление. Основные алгоритмы этой работы отработаны за годы глубоких рыночных преобразований и показывают хорошую эффективность. Создание перспективной национальной стратегии тесно увязано с разработкой продуманной и непротиворечивой экономической политики, с подготовкой конкретных программ и проектов развития. При этом важная роль принадлежит научному сообществу в лице Академии общественных наук Китая, а также многочисленных экспертных центров, специализирующихся на изучении мировой экономики и экономики развитых зарубежных стран. Далее, шаг за шагом, следует формирование правовой основы предполагаемых к реализации мероприятий, определение источников их финансирования, а также выбор соответствующего макро- и микроэкономического инструментария. Все это сопровождается пристальным мониторингом, а если понадобится, то и корректировкой текущей ситуации в экономике и, наконец, получением искомого практического

результата. Так, целенаправленно и прагматично, работает ориентированный на национальные потребности и интересы механизм развития китайской экономики.

Л.И. Кондрашова:

Хотя не существует никаких временных стандартов проведения реформ, 40-летний срок, отделяющий нас от декабря 1978 г., и нерешенность многих насущных проблем дают основание говорить не о «реформе» в единственном числе, а о подлинной Эпохе китайской Реформации и Возрождения, которой пока не видно конца. За четыре десятилетия произошла целая серия экономических и политических реформ, различающихся степенью зрелости рыночной экономики. Достигнутые к настоящему времени успехи Китая многие называют «китайским чудом» превращения недавно еще отсталой страны в подлинного экономического гиганта и «всемирную фабрику» с поистине астрономическими масштабами производства и объема внешней торговли. Заслугой реформаторов можно считать сохранение целостности территории страны, поддержание необходимой политической стабильности, повышение благосостояния населения. Итоги кампании по искоренению нищеты в Китае признаются беспрецедентными в мировой практике. По мнению академика Сергея Глазьева, Китай становится лидером Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором формируется новое ядро экономического роста, соответствующее шестому глобальному технологическому укладу.

Отдавая должное китайским реформаторам, приходится признать, что беспрецедентный экономический подъем достался Китаю дорогой ценой огромных капиталовложений, серьезных экономических диспропорций, слишком высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка, катастрофического ухудшения экологической обстановки. Мобилизационная модель экстенсивного экономического роста породила значительную имущественную дифференциацию, возникновение целого ряда социальных противоречий. Серьезные претензии выдвигаются сейчас и по отношению к самому полустихийному ходу реформ («нащупывая камушки под ногами»), что вело к потере времени, экспериментальным издержкам, половинчатости многих начинаний. Это касается и реформы госпредприятий, и строительства «новой деревни», и манипуляций с административно-территориальным делением. Сейчас в китайской печати встречаются признания в том, что Китай вступил в глубоководье, где под ногами уже нет камушков, что «по существу все надо начинать заново»¹.

Уже к концу первого десятилетия XXI века стало очевидным, что реформистский процесс в силу своей протяженности и изменения внутренних и внешних условий просто не укладывается в рамки одной модели, что сложившаяся модель экстенсивного роста уже во многом себя исчерпала. Она основывалась на формуле: «высокие темпы роста — высокая капиталоемкость и материалоемкость производства — серьезное загрязнение природной среды — невысокая производительность труда — сравнительно низкая оплата труда». С повышением стоимости труда и ресурсов, постепенным замедлением темпов роста и с изменениями международной обстановки созрела необходимость корректировки дальнейшей траектории развития. Си Цзиньпин назвал важнейшей проблемой сегодняшнего дня «углубление реформы», достижение правильного соотношения рынка и государства, подтягивание социальной и экологической составляющей, проведение серьезных структурных преобразований, привлечение интенсивных факторов роста, укрепление территориальной целостности государства и наращивание «мягкой силы». За ориентир берется развитая экономика, базирующаяся на высокой оплате труда, высоком подоходном налоге, высоком потребительском спросе (с широким привлечением кредита), высоком качестве образования и здравоохранения. Именно этот смысл закладывается в китайский курс «новое нормальное состояние», «социализм с китайской спецификой в новую эпоху».

В сложившейся «симбиозной» социально-экономической стратегии Китая присутствуют разнородные элементы: государственная и частная формы собственности, крупное машинное и мелкое полутрадиционное производство, распределение по труду

и по факторам производства, высокая степень модернизации в приоритетных отраслях и трудозатратные технологии в других сферах, сосуществование «двух систем» (на территории КНР и в прежних колониях Гонконге и Макао). Ныне Китай — причудливая смесь исторически сложившейся умеренности и неожиданно вторгшегося потребительства, коммунистической солидарности и буржуазной конкуренции, господства авторитета и власти денег. Сравнение китайских реалий с ленинской политикой НЭПа дает основание зарубежным исследователям трактовать китайскую модель как «гибрид», сочетающий в себе неолиберальный режим в рамках партотократического государства². Сторонники «конвергенции по-китайски» считают китайскую экономическую систему капиталистической, а политическую систему — социалистической.

Избегая жестких философских дефиниций, которые могли бы быть интерпретированы как догматы, китайская общественная наука уделяет все большее внимание поискам модели, альтернативной одновременно обоим путям — и социалистическому, и капиталистическому (*tertium datur*, «третье дано»), а именно, свободного как от пороков бюрократического зажима, так и от подвохов рыночной анархии. Наиболее желательную перспективу можно сформулировать таким образом: не конвергентное общество, совмещающее черты капитализма и социализма, а альтернативное общество, основу которого составляет модернизированный механизм капиталистического хозяйствования, а социалистические принципы и ориентиры выступают в роли социальных ограничителей и модификаторов этого механизма.

На всех политических и экономических форумах особое внимание уделялось ликвидации «пяти дисбалансов»: между экономическим и социальным развитием, городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между человеком и природой, между внутренним развитием и «внешней открытостью». Лозунги «все во имя человека», «гармоничное развитие», «китайская мечта» нацеливают на повышение «качества» человека, прежде всего его познавательной способности, и «качества» общества, измеряемого степенью удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Именно это содержание закладывается в понятие «общества *сяокаи*» в духе известной идеологемы традиционного Китая, получившей вторую жизнь. В соответствии с традиционной трактовкой этого термина под «обществом *сяокаи*» понимается достижение материального достатка, т.е. удовлетворение насущных потребностей человека, и одновременно умеренность этих потребностей в расчете на совершенствование природы человека. «*Сяокан*» — это не общество аскетов, но и не общество жадных потребителей.

Намеченное «углубление» хозяйственной реформы не меняет ее общей рыночной ориентации, но настраивает на повышение значимости государственного макрорегулирования и дополнение рыночной конкуренции высокими моральными принципами, заложенными в китайской традиции и в марксистском учении. Однако китайский «рыночный социализм» настолько близок «государственному конфуцианскому капитализму» азиатского толка, что вопрос «кто — кого» (капитализм или социализм) нельзя считать окончательно решенным. Важно определить, какая доля капитализма безопасна для «социализма с китайской спецификой».

Самих китайцев и тех, кто наблюдает за развитием страны из-за рубежа, больше всего интересует вопрос о прочности «китайского чуда», находят открытые скептики, заявляющие, что пока не ясно, «чудо» это или эксперимент с неясными последствиями³. Пока уступки «рынку» не дают повода сомневаться в приверженности компартии социалистическим идеалам.

Новый этап китайской Реформации начинается с проведения широкомасштабной политической реформы, призванной создать политический механизм «социализма с китайской спецификой новой эпохи». Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне, централизацию с децентрализацией,

стабильность власти с широкой инициативой на местах. Единоличное правление при существовании развитой системы муниципалитетов и внедрением демократии в пределах правящей партии означает особую форму авторитаризма, обеспечивающую высокую эффективность управления. Общую социалистическую направленность стратегии развития подчеркивает введенный в Устав КПК тезис о совершенствовании институциональной системы, обеспечивающей положение народа как хозяина страны.

Логика пройденного Китаем пути вселяет надежды на успешное продолжение китайских реформ, рост национальной мощи и повышение благосостояния китайского населения. Безусловно, переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении «статус-кво», своих высоких прибылей и своего политического влияния. Для продолжения успешного китайского «марафона» необходимо: совершенствование авторитарного режима и госрегулирования, высокое качество и антикоррупционная элита, поддержание рациональной занятости и повышение доходов населения.

Завершение эпохи китайской Реформации можно ожидать к середине XXI века, когда в Китае будут заложены основы «общества *даун*». мироустройство в стиле *даун* означает преодоление трех «разрывов» — между отдельными людьми, между разными государствами и между человеческим сообществом и природой. Этот пока что утопический проект сродни достижению вечной мечты человечества о гармонии и справедливости, это аналог христианского идеала и марксистского коммунизма. При таком подходе понятие социальной справедливости оказывается нравственной категорией, совпадающей со «сверхзадачей» развития человечества — создание условий для максимального использования творческого (креативного), инновационного потенциала человека.

В.М. Мазырин:

Я хотел бы затронуть тему сравнения моделей рыночных реформ во Вьетнаме и Китае.

В 80-е годы XX века Вьетнам и Китай существенно скорректировали модели своего развития, перейдя от административно-командной к рыночной экономике. Такой переход обусловлен как внешними, так и внутренними причинами, он определяется воздействием целого комплекса факторов и имеет объективный характер. Сравнение общих черт и особенностей условий, стратегии и тактики, результатов реформ помогает выявить как закономерности, так и национальную специфику исторических по значению изменений в государствах так называемого переходного типа.

Сходство предпосылок и путей рыночных преобразований в рассматриваемых странах преобладает над различиями. СРВ и КНР приступили к рыночным реформам с небольшим временным разрывом — около 10 лет (соответственно в 1978 и 1986 г.) Следовательно, эти реформы начались в одну эпоху, в сходных исторических условиях и международной обстановке, которые КПК и КПВ считают в целом выгодными, отличающимися преобладанием позитивных моментов, включая процесс глобализации.

Изменения были продиктованы ведущими тенденциями развития мировой экономики, прежде всего усилением ее интернационализации и интеграции, ускорением научно-технического прогресса. Развитие сотрудничества и участие в конкурентной борьбе на мировом рынке потребовали укрепления рыночного характера, эффективности экономик КНР и СРВ путем их дерегулирования, вызвав глубокие институциональные изменения.

Наряду с действием общих для всех государств *внешними факторами* СРВ и КНР испытывали специфическое, причем нараставшее, влияние кризиса системы мирового социализма. Он выявил неотложную потребность кардинального изменения механизма централизованного управления и планирования, которая ощущалась особенно сильно на фоне динамичного роста экономик остальных стран Восточной Азии в 1960-е — 1980-е годы.

Стартовые условия реформ в обеих странах были во многом сходными в силу, прежде всего, исторических причин. Китай и Вьетнам — две азиатские страны с долгими историческими и культурными традициями восточной цивилизации, противоположными западной цивилизации. Цивилизация этих стран характеризуется как «конфуцианская культура», «китайский культурный ареал», указывая также на связь с Кореей и Японией. Следовательно, географическое положение Европы и Азии во многом предопределило различие исторических, культурных традиций Вьетнама и Китая, с одной стороны, и других соцстран и СССР — с другой. Оценивая выбранные ими модели развития, можно утверждать, что СРВ и КНР идут по своему особому «восточному» пути, который априори должен быть иным, чем у европейских союзников по блоку.

Китай и Вьетнам имели более низкий уровень экономического развития, чем другие соцстраны, их экономика носила аграрный характер, а сельские районы были более отсталыми. Большинство населения жило в сельской местности, занималось сельским хозяйством, использовало примитивные технологии и ручной труд. Индустриализация, призванная преодолеть отсталость, началась с запозданием. При административно-командной системе сложился разрыв между тяжелой и легкой промышленностью, неэффективно работал механизм управления, экономика переживала тотальный дефицит, распределение велось уравнилельно, что обусловило очень низкий уровень жизни. Это предопределило большую роль сельских районов в процессе реформ, помогло найти переходные формы хозяйства, отсутствующие в странах ЦВЕ и СССР. К тому же СРВ и КНР воспользовались преимуществом «идуших сзади», изучая опыт первопроходцев.

Что касается самого процесса реформ в обеих странах, то, несмотря на различия в длительности и содержании переходного периода, в них используются одни и те же общественные формы, политика и цели для ускорения развития. Среди *внутренних причин* это сходство определяется, прежде всего, кризисом административно-командной системы, который, нарастая, вынудил руководство Китая и Вьетнама пойти на серьезные изменения.

Переход к рыночной экономике путем системных реформ социализма представляет собой наиболее фундаментальную общую черту этого процесса. Обе страны решают аналогичные задачи в силу того, что их прежние экономические модели базировались на одинаковых принципах. Общность экономических институтов Вьетнама и Китая проявлялась в режиме собственности (господство общественных форм), управления (прямое планирование без участия рынка и цен как инструментов воздействия на процесс принятия решений) и распределения (по труду, но фактически уравнилельное).

Одной из определяющих общих черт реформ в СРВ и КНР является их проведение под руководством компартий, на схожей *идеологической платформе*. Выработка и реализация новой политики прежними элитами отличает Китай и Вьетнам от стран Восточной Европы и СССР, где коммунисты в лучшем случае инициировали переход к рыночной экономике и затем утратили власть в результате политического кризиса. Благодаря тому, что процесс преобразований в СРВ и КНР возглавили авторитетные партии, начальный этап перехода к рыночной экономике прошел легче. Они сумели сохранить стабильность и достигли быстрого роста, выведя национальные экономики из прежнего застоя. Это говорит о важности обеспечения политической стабильности, без которой возможна потеря контроля над ходом событий.

Руководящая роль компартий в процессе перевода экономики на рыночные рельсы предопределила декларирование обеими странами курса на социализм с собственной интерпретацией его существа и этапов. Для выработки и реализации новых подходов потребовалась коренная перестройка мышления (освобождение от идеологических догм) и теоретических взглядов партийно-государственного руководства и кадров⁴.

При этом в основу концепций развития в Китае положены переработанные идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина, а во Вьетнаме — идеи и практические советы Хо Ши Мина. В обеих странах заявлено о верности марксизму-ленинизму и социализму при

одновременном внимании к специфике местной ситуации и поиске собственного пути в свете проверенных идей.

Это составляет главное отличие Вьетнама и Китая от других стран с переходной экономикой. Лидеры КНР, формируя новый базис и сохраняя без глубоких изменений надстройку дореформенного периода, заявляют о том, что строят «социалистическую рыночную экономику», а СРВ — «ориентированную на социализм рыночную экономику». Сходство обеих концепций развития в основных чертах при различии некоторых формулировок можно проследить на разных примерах.

Одним из важных теоретических прорывов в Китае и Вьетнаме считается пересмотр представлений о рыночной экономике путем теоретического обоснования возможности ее совмещения с социализмом. В Китае по инициативе Дэн Сяопина в 1992 г. была опровергнута идея о том, что плановая централизованная экономика присуща только социализму, а рыночная — капитализму. Он рассматривал обе лишь как формы организации экономики. Социалистической в КНР признана такая рыночная экономика, которая не действует стихийно и даже помогает наиболее эффективно организовать использование национальных ресурсов. С этой целью к двум традиционным методам, применяемым для управления рыночной экономикой — монетарной и финансовой политике, в Китае добавлено централизованное планирование как метод регулирования на макроуровне. Оно реализуется через генеральный план социально-экономического развития страны и отдельные важные планы регулирования экономической активности⁵.

Вьетнаму, который был тесно связан с СССР, стоило большого труда освободиться от влияния традиционной, в основе советской, модели социализма. Согласно этой модели социалистическая экономика работает противоположно рыночной, причем к социализму можно прийти через мелкое производство, минуя капиталистическую стадию развития. IX съезд КПВ (2001) заявил, что партия и государство проводят долгосрочную политику развития «управляемой государством, опирающейся на рынок, ориентированной на социализм многоукладной товарной экономики». Вьетнам решил строить рыночную экономику и использовать методы рыночного регулирования, чтобы стимулировать производство и раскрепостить производительные силы. Это позволило использовать позитивные элементы и ограничить негативные аспекты рыночной экономики, защищая интересы трудящихся и всего народа⁶.

При анализе *стратегии и тактики реформ* видно, что Китай и Вьетнам выбрали осторожные, постепенные методы преобразований (так называемый градуалистский подход), следуя принципу «практика — критерий истины». Они не применяли «шоковой терапии» в больших дозах, сумев тем самым избежать краха прежней политической системы, развала экономики и социальных волнений. Этот подход позволил лидерам двух стран адекватно реагировать на реалии и своевременно корректировать свою политику, учитывать национальную специфику и особенности.

Китай и Вьетнам в первую очередь развернули экономические преобразования, считая их наиболее важными, и лишь затем постепенно начали проводить политические и административные реформы. Построение рыночной экономики оказалось невозможным без перестройки государственных институтов и законодательства, потребовало внести изменения в надстройку общества. Эти изменения отличаются особой тщательностью подготовки. В то же время они ведутся так, чтобы не сдерживать реформирование экономики. Правильное осуществление первых служило необходимой предпосылкой для плавного хода вторых. С другой стороны, политическая стабильность составляла важное условие эффективности экономических реформ. В таком подходе заключается основное отличие КНР и СРВ от стран ЦВЕ и России, которые взялись осуществлять политические и административные реформы очень резко, прежде чем создали основы нового экономического порядка, т.е. выбрали революционный, а не эволюционный путь перемен. В результате европейские страны испытали сильнейший спад, шок и нестабильность экономики, массовые протесты и социальный кризис⁷.

Следовательно, рыночные реформы в Китае и СРВ представляют собой не просто экономический процесс, а смену модели развития с ориентацией на магистральный путь человечества. Учитывая, что политическая надстройка в рыночных условиях неизбежно подвергается демократизации (причем чем успешнее работают рыночные механизмы, тем более спокойно протекают политические изменения), можно утверждать, что в обеих странах происходит системная трансформация.

В практике преобразований были учтены и территориальные различия в уровне развития каждой страны. Китай и Вьетнам начали рыночные реформы в южных, прежде всего, в приморских провинциях. Это логично, поскольку морские порты и прибрежные зоны имели более легкий доступ к мировым рынкам, в большей степени «созрели» для перемен. Сдвиги в приморских провинциях стимулировали процесс изменений в более отдаленных районах, что придало ему единый общенациональный характер. Такой подход опирался на концепции «точечного роста» и «локомотивов» экономического роста, ранее прошедших апробацию в Восточной Азии. Обе страны при этом следовали стратегии ускоренного социально-экономического развития: Китай осуществлял концепцию «трех шагов», а Вьетнам — индустриализацию и модернизацию.

Анализ общих черт развития Китая и Вьетнама в годы реформ показывает, что несмотря на различие стартовых условий, они достигли неоспоримых результатов, применяя схожую политику. Обе экономики росли быстрее, чем в других странах или в период до начала реформ. Удалось преодолеть кризис прежней системы, добиться стабилизации и роста производства, обращения и потребления. Ранее зависимая и дефицитная экономика, особенно в СРВ, стала развиваться в регулируемом режиме на рыночной основе. В разной степени повысились жизненные стандарты населения, обе страны на выгодных условиях интегрировались в мировое хозяйство.

В то же время при переходе к рынку Китаю и Вьетнаму, как и другим странам, пришлось решать во многом схожие сложные проблемы. Это трудности преобразования государственного сектора в рамках изменения системы собственности, сохранения прежней политической системы, преодоления имущественной дифференциации и социальных конфликтов между различными группами населения, городом и деревней, передовыми и отсталыми районами. В рыночной экономике получили распространение коррупция, дух наживы, преступность. В экономической сфере одной из основных проблем оказалось создание механизмов макроэкономического регулирования, включая банки и финансовые институты, налоги, страхование, рынок недвижимости. Для решения этих проблем потребовалось значительное время.

При переходе к рыночной экономике наряду с общими чертами выявились и определенные различия между Вьетнамом и Китаем. Они проявились в специфике исторических условий, стартовом уровне и темпах проведения реформ, соотношении внутренних и внешних факторов развития, потребовав выбора соответствующих мер и путей преобразований. Эти различия можно разделить на два типа. Первый определяется *объективными факторами* — природно-географическими и иными особенностями, влияющими на размер населения, площадь земель, почвы, этнический состав и т.п., внешним влиянием. Второй тип отличий зависит от проводимой политики, поэтому носит субъективный характер. Эти отличия возникли в период строительства социалистической экономики на основе применения собственных подходов к решению схожих проблем и во многом сохраняются сегодня.

Вьетнам не располагал благоприятными внешними условиями и преимуществами для перевода экономики на рыночные рельсы, какие имел Китай. Уже в ходе реформ ему пришлось сначала решать свои внутренние проблемы и лишь затем удалось использовать внешние факторы, в том числе помощь обширной эмигрантской общины на Западе, которую она оказывала своим родственникам. В целом воздействие внешних изменений на Вьетнам, как страну меньших размеров и роли в международной жизни, проявляется намного сильнее.

Хотя обе страны входили в социалистический блок, их позиции и отношения с остальными его членами были различными. КНР оказалась в конфликте с СССР и в определенной изоляции, что требовало поиска самостоятельных решений. СРВ, наоборот, вступила в 1978 г. в СЭВ и как его беднейший участник пользовалась различными преференциями в экономических отношениях с партнерами. Это, наряду с огромной помощью, приносило и негативный эффект, порождая зависимость, постоянный расчет на внешние источники средств, иждивенчество и инерцию. Здесь кроется одна из основных причин задержки экономических реформ, которые начались благодаря инициативе снизу и изменениям в других соцстранах. Перестройка и гласность в СССР в середине 1980-х годов, как и ранее начавшиеся реформы в КНР, дали сильный толчок пересмотру руководством Вьетнама курса развития.

Что касается внутренней *специфики рыночных реформ*, то можно выделить ряд особенностей. В двух странах перед началом реформ сильно различался уровень макроэкономической стабильности. В КНР они стали прямым следствием внутреннего экономического кризиса. Экономическая система Вьетнама также переживала кризис, но за счет иностранной помощи удавалось долго скрывать и сдерживать его. Императивы для реформ здесь возникли не только изнутри, но и извне.

Поэтому вьетнамские реформы начались под более сильным давлением, были поиском пути к национальному спасению.

При выработке и апробации новой политики Китай и Вьетнам применяли различные методы и последовательность шагов. Китай начал с дискуссий, решения теоретических вопросов: многие положения требовали пересмотра, для того чтобы партия преодолела ограничения, порожденные жесткими идеологическими принципами старой модели. Эти вопросы решались до внедрения новых установок в жизнь, хотя затем практика использовалась для дополнения теоретических представлений. Отличительной чертой КНР было поэтапное проведение пилотных проектов на местном и отраслевом уровнях. После проверки новых решений их применение расширялось как уже одобренных.

Во Вьетнаме практические изменения происходили сначала — сказались упомянутые причины, включая более широкое сохранение частного сектора и свободного рынка, более свободный порядок планирования, управления, соблюдения законов и т.п. Первым прорывом было «нарушение правил», которое позволяло людям вносить реальные изменения в действующую модель на низовом уровне. Здесь теоретические вопросы не ставились, как требующие неосложного решения, а практические изменения диктовались необходимостью выхода из тупиковой ситуации. В отличие от Китая, хозяйственные эксперименты проводились без формального разрешения, хотя табу нарушались исходя из доминирующих общественных настроений. Практические результаты, достигнутые на свой страх и риск на нижнем уровне, служили для проверки эффективности новых решений, а потом распространялись и утверждались. Причем руководство страны имело возможность корректировать свои установки в процессе выработки политики, что обеспечивало ее максимальную эффективность. Таким образом, страна прошла период экспериментов и дореформенной проработки новых форм хозяйствования, накопила «ферменты» рыночной экономики в недрах старой экономической модели, и политика обновления лишь помогла их активировать.

О.Н. Борох:

Китайская экономическая наука значительно изменилась за время реформ, с позиции сегодняшнего дня дискуссии конца 1970-х — начала 1980-х годов о характере действия экономических законов выглядят очень далекими от современных проблем. Тем не менее, в теоретических поисках китайских экономистов присутствует внутренняя историческая логика.

Первым шагом в направлении «раскрепощения» экономической мысли стало обращение к классическим марксистским текстам в интересах избавления от их догматического толкования. Затем последовал всплеск интереса к опыту экономических реформ

в социалистических странах Восточной Европы и их осмыслению восточноевропейскими экономистами. Знакомство с «Экономикой дефицита» Яноша Корнаи оказало заметное воздействие на китайские экономические круги. Постепенное расширение сферы изучения зарубежной мысли открыло путь к углубленному освоению отдельных западных экономических концепций — нового институционализма, теории прав собственности, теории общественного выбора. Обращение к западным идеям в условиях открытости внешнему миру сопровождалось выдвиганием лозунга включения китайской экономической науки в мировую. Практическое осуществление этой цели требовало от китайских экономистов овладения новым инструментарием, приведения научных публикаций в соответствие с более строгими международными стандартами.

Однако в начале нового века стало заметно, что эти процессы не являются однолинейными и необратимыми. Экономисты старшего поколения выражали все более заметную обеспокоенность распространением в вузах практики преподавания западных учений в ущерб нормативной политэкономии. Власти приняли меры поддержки марксистских экономических исследований. Опасность вытеснения марксизма современной западной экономической наукой миновала, оба течения вступили в период параллельного развития: их представители входят в разные профессиональные сообщества, проводят собственные конференции, печатаются в разных научных изданиях.

Все более заметным становится возрождение интереса к наследию китайской экономической мысли минувшего столетия и к экономическим идеям, сформулированным в ходе нескольких тысячелетий развития китайской культуры. Сначала в поле зрения исследователей попали труды китайских марксистов, оказавших влияние на формирование идеологии начального периода реформ (Сунь Ефан, Сюэ Муцяо). Следующим шагом стала позитивная переоценка наследия китайской «буржуазной» экономической науки первой половины XX века, содержащей осмысление опыта развития рыночной экономики в республиканском Китае. Внимательное изучение материалов той эпохи показало, что многие проблемы, стоявшие перед китайской экономической наукой, сохраняют актуальность и в наши дни, включая ее соответствие западным научным стандартам, использование зарубежных экономических теорий для решения проблем Китая, интернационализацию научных достижений. Современное звучание обрела идея создания «китайской экономической науки», которую марксист Ван Янань предложил еще в 1940-е годы.

Взаимоотношения между тремя течениями экономической мысли — марксизмом, западной наукой и китайскими традиционными идеями становятся все менее напряженными. Ушли в прошлое достигшие пика на рубеже XX и XXI веков споры о необходимости «полного заимствования» западной экономической науки или, напротив, об ограничении сферы ее применения по причине неспособности иностранных теорий решить насущные проблемы Китая. Нормативная «политэкономия социализма с китайской спецификой» готова использовать достижения западной экономической науки, при этом марксизм сохраняет за собой статус руководящей теории.

Стремление повысить мировой статус китайской экономической науки оказывает заметное влияние на исследовательскую работу. В качестве примера можно упомянуть фундаментальную «Историю экономической мысли в новой редакции» в одиннадцати томах под редакцией Гу Хайляна и Янь Пэнфэя. Структурно книга построена вокруг трех линий развития мировой экономической мысли — западной, марксистской и китайской. Примечательно, что в этой работе китайская экономическая мысль выступает и как исходная древняя историческая точка в развитии мировой экономической мысли, и как венец синтеза трех традиций в период реформ и открытости в КНР.

Провозглашенный в 2016 г. Си Цзиньпином лозунг создания общественных наук с китайской спецификой способствовал усилению марксистского и китайского традиционного компонентов в экономической науке. В преддверии 40-летия политики реформ и открытости были поставлены задачи системного обобщения накопленного опыта и вы-

явления закономерностей в интересах развития экономической науки с китайской спецификой. Эта наука призвана ориентироваться на решение проблем Китая, она должна выражать китайский взгляд на вопросы национального и глобального экономического развития, способствовать выдвиганию китайских планов решения экономических проблем и укреплению «права голоса» китайской экономической науки на мировой сцене.

Устремленность к соответствию западным стандартам изменила облик ведущих китайских экономических журналов, где произошло вытеснение общих теоретических публикаций специализированными текстами, наполненными математическими моделями. Приоритет создания общественных наук с китайской спецификой способствовал возвращению на страницы профессиональной экономической периодики текстов идейно-политического характера, которые появляются в современном научном оформлении. В качестве примера можно упомянуть статью Лю Вэя «Внутренняя логика экономических идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи» («Цзинцзи яньцзю», 2018, № 5), сопровождающуюся развернутой аннотацией на английском языке и набором классификаторов JEL (Journal of Economic Literature) по системе Американской экономической ассоциации.

Представленные в декабре 2017 г. на совещании ЦК КПК по экономической работе «экономические идеи Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи» стали важной вехой в развитии нормативной идеологии. Эти идеи включают в себя тезисы о необходимости усиления партийного руководства экономической работой, призывают помещать интересы народа в центр экономического развития, указывают на необходимость адаптации к «новой нормальности» замедления темпов роста ВВП, требуют придерживаться решающей роли рынка в размещении ресурсов и совершенствовании макроконтроля. Придание «экономическим идеям Си Цзиньпина» статуса «теоретической квинтэссенции, двигающей практику экономического развития» и «новейшего результата политэкономии социализма с китайской спецификой» окажет несомненное влияние на содержание дальнейших исследовательских поисков, осуществляемых представителями китайского экономического мейнстрима.

Почти четверть века назад в 1994 г. авторитетный экономист Линь Ифу опубликовал обретшую известность статью, в которой указал на необходимость движения китайской экономической науки в направлении «отуземливания» (*бэньтухуа*), соответствия научным стандартам (*зуйфаньхуа*) и интернационализации (*гоцзихуа*). В ней он предположил, что XXI век станет веком китайских экономистов, которые смогут создать новые теории благодаря сопричастности грандиозным экономическим преобразованиям в Китае.

Сопоставив свои былые ожидания с реальностью сегодняшнего дня, Линь Ифу заметил, что в сфере стандартизации научных экономических публикаций достигнут осязаемый прогресс. Наметилось заметное продвижение в сфере интернационализации: китайские ученые публикуют за рубежом все больше статей. Однако говорить о наступлении «века китайских экономистов» еще рано. Новые идеи и концепции, способные вызвать международный интерес, пока в Китае не появились. Проблема заключается в том, что многочисленные статьи китайских экономистов в авторитетных научных журналах, как правило, проверяют на китайском материале западные гипотезы либо развивают их. Такой путь облегчает публикацию статей за рубежом, но мешает появлению авторитетных ученых, способных обрести влияние в мировых экономических кругах.

Линь Ифу указал на три источника обновления китайской экономической теории — это опыт китайской практики, основные принципы исторического материализма Маркса и исследовательская парадигма современной экономической науки. Достижения Китая за годы реформ трудно описать имеющимися теориями, поэтому добиться научного успеха можно путем создания новых концепций исходя из новых явлений. Учение Маркса о базисе и надстройке напоминает, что базис развивающихся и развитых стран отличается, поэтому институты надстройки тоже не могут быть одинаковыми. По мне-

нию Линь Ифу, при всей важности марксизма китайским ученым нужно научиться излагать свои трактовки китайских явлений с помощью общепринятых моделей, чтобы их поняли экономисты из других стран, не имеющие марксистской подготовки.

С учетом идеологических ограничений и трудностей в продвижении творческих научных поисков достижение этих целей может потребовать немало времени. Однако обозначенный Линь Ифу комплекс «отуземливания», стандартизации и интернационализации продолжит играть роль ведущего целеполагающего фактора в развитии китайской экономической науки.

В.В. Чуванкова:

За прошедшие 40 лет Китай добился огромных успехов как в экономической, так и в социальной сферах, и стал второй экономикой мира. На сегодняшний день он является важнейшим стабилизатором и драйвером мирового развития, его вклад в рост мировой экономики превышает 30%.

Безусловно, эти успехи были обеспечены реформенными преобразованиями, начавшимися в стране после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), и стали результатом экономической политики, направленной на сочетание государственного руководства с планомерным внедрением рыночных механизмов в хозяйственной сфере. Важную роль в осуществлении реформ сыграло возрождение многоукладной структуры экономики и поощрение предпринимательской активности в многообразных формах ее проявления. Поступательное развитие мелкого и среднего бизнеса, основной составляющей которого являются индивидуальные и частные предприятия, показало свою жизнеспособность и производственную эффективность. Являясь субъектами самостоятельного функционирования на базе полной самоокупаемости и самофинансирования, будучи ориентированными непосредственно на рынок, такие производственные единицы полностью вписались в сферу действия концепции рыночной экономики, выбранной в Китае в качестве стратегического курса в условиях строительства «социализма с китайской спецификой».

Индивидуальная и частная форма хозяйствования стали наиболее динамичной составляющей китайской экономики. Они являются не только движущей силой в экономическом развитии страны, но и играют важнейшую роль в поддержании социальной стабильности в обществе, став основным каналом расширения занятости в условиях избытка трудовых ресурсов, важным источником независимых инвестиций, локомотивом инновационного развития, повышения уровня благосостояния граждан и борьбы с нищетой. Они активно участвуют в осуществлении модернизации реального сектора экономики и реструктуризации предприятий общественной формы собственности.

В настоящее время на долю частного сектора приходится свыше 60% ВВП, около 50% налоговых поступлений в бюджет государства, 60,4% общего объема инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов), свыше 70% инновационной продукции, изобретений и технических новинок. Его доля в общей численности занятого населения достигла 43,9%. Для сравнения: вклад малого и среднего предпринимательства в ВВП России составляет около 20%, в занятость — 25% (19 млн человек), общее количество предприятий — 5,7 млн.

Величина зарегистрированного уставного капитала индивидуальных и частных предприятий превысила 165 трлн юаней, что почти в 1,5 раза превосходит общие активы государственных предприятий. Активное перемещение предпринимательства в третий сектор экономики повысило удельный вес индустрии услуг в ВВП до 51,6%. Рост доходов населения, в том числе за счет самозанятости, увеличил вклад потребления в экономический рост до 58,8%⁸. На фоне стимулирования массовой предпринимательской деятельности инновационного типа продолжал наращиваться инновационный потенциал страны. Вклад научно-технического прогресса в экономический рост увеличился до 57,5%, наукоемкость ВВП в масштабе всей страны достигла 2,12%⁹.

В начале 2018 г. в стране было зарегистрировано 65,79 млн индивидуальных и 27,26 млн частных предприятий. На их долю приходилось 94,8% от общего числа хозяйственных субъектов рынка. Они обеспечили стабильное трудоустройство и заработок более 340 млн человек¹⁰. В дореформенный период в городах и поселках Китая насчитывалось всего 150 тыс. индивидуальных тружеников, занятых в кустарной промышленности и торговле. Удельный вес их хозяйств в валовой промышленной продукции и розничном товарообороте составлял менее 0,1%.

В настоящее время на долю средних, малых и микропредприятий в Китае приходится 99% общего числа зарегистрированных в промышленно-торговой системе субъектов хозяйствования, причем подавляющая их часть — 94,2% — это малые и микропредприятия¹¹. 70% городских жителей и свыше 80% рабочих-мигрантов заняты на мелких и микропредприятиях¹².

Структура малых и микропредприятий дифференцирована по формам собственности. Основная форма частных предприятий — малые и микропредприятия. На них приходится 80,7% частных предприятий, причем 85% из них — микропредприятия, 15% — мелкис. Доля малых и микропредприятий среди государственных и коллективных предприятий составляет 61,4%. Среди предприятий, основанных на иностранном капитале, — 53,9%¹³. Индивидуальные же предприятия, в соответствии с классификацией в «Стандартных требованиях к крупным, средним, малым и микропредприятиям в различных отраслях экономики», фактически все относятся к категории микропредприятий, поскольку в основной своей массе они используют менее 10 наемных работников, а их доходы от хозяйственной деятельности — менее 1 млн юаней.

Новый импульс развитию частного предпринимательства придали решения 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), XIX съезда КПК (2017 г.) и очередных сессий ВСНП 12-го и 13-го созыва (март 2014 г. — 2018 гг.), направленные на активизацию политики поощрения среднего, малого и микробизнеса как важнейшего элемента в обеспечении экономического роста страны, создания новых рабочих мест, увеличения налоговых поступлений в бюджет, продвижения технологических инноваций.

Китайское правительство предпринимает беспрецедентные усилия, чтобы стимулировать экономический рост предприятий малого и среднего бизнеса. Поддержка массового мелкого и инновационного предпринимательства становится приоритетом хозяйственной политики КНР на новом этапе экономических реформ. Разрабатываются специальные программы для их поддержки, совершенствуются нормативно-правовые акты, регулирующие порядок льготного налогообложения и финансовой поддержки малых и микропредприятий. Многие делается для создания равных возможностей с другими субъектами хозяйствования в области расширения сфер деятельности, распределения ресурсов и кредитования, модернизации производства, внедрения информационных и наукоемких технологий, выхода на внутренний и зарубежный рынки.

Анализ практики китайских реформ показывает, что создание благоприятной политической, экономической и институциональной среды для ускоренного развития частного предпринимательства во всех его многообразных формах с упором на национальный мелкий и средний бизнес стало важнейшим источником роста экономического и инновационного потенциала страны, снижения уровня безработицы, повышения качества жизни широких слоев населения, формирования среднего класса.

Обобщение опыта развития индивидуальных и частных предприятий в КНР, государственной и законодательной поддержки малого и среднего бизнеса может представлять определенный научный и практический интерес при разработке программы поддержки и развития мелкого предпринимательства в России.

Л.Д. Бони:

Экономическая реформа в китайской деревне явилась началом целого этапа экономических реформ и политики открытости в Китае, сама оказавшись успешной.

Ее главным результатом было создание в ходе ликвидации системы «народных коммун» новой *основной хозяйственной системы в деревне*, базирующейся на общественной собственности на землю (в коллективной ее форме) и земельных подрядных отношениях. На этой основе в сельском хозяйстве сформировалась новая *двухступенчатая система хозяйствования*, увязывающая семейное хозяйство подрядного двора (1-я ступень) и коллективное хозяйство (2-я ступень), функционирующая на основе земельного подряда и принципа уравнительного распределения земли между дворами («по едокам») (1978–1983 гг.). Эта двухступенчатая система хозяйствования возникла на основе разделения имущественного права на *право собственности* на землю и *право пользования землей (концепция разделения на два права)*, где право собственности было передано коллективу крестьян (коллективной хозяйственной организации в деревне), а право пользования — крестьянам.

Закрепление земли за крестьянским двором (соединение работника со средствами производства) и восстановление *семейного хозяйства* как основной формы ведения хозяйства в наибольшей степени отвечали специфике и условиям сельскохозяйственного производства страны тех лет, во-первых. Во-вторых, переход к «*да баогань*», или *системе производственной ответственности с подрядной системой в основе*, создал новые стимулы материальной заинтересованности крестьян: прибыль после расчета с государством (выполнение заданий по обязательным закупкам зерна) и коллективной организацией (отчисления в общественные фонды), остается производителю. В-третьих, *принцип уравнительного распределения земли при подряде (по «едокам»)* как проявление идеи справедливости был всячески поддержан крестьянами. Эти факторы обеспечили резкий рост интенсификации простого труда, высокие темпы развития производства и роста доходов, позволив уже в первые годы реформы в основном решить «*проблему тепла и сытости*».

При этом имущественные права крестьян оказались ограниченными, а понятие субъекта коллективной собственности — неопределенным. С годами эти особенности системы хозяйствования привели к падению материальной заинтересованности крестьян в развитии производства, а принцип уравнительного распределения земли (с ростом сельского населения при ограниченной пашне) — к дальнейшему сокращению размера земельного надела двора, снижению его возможности обеспечить существование производителя и его семьи.

В общем и целом, несмотря на эти и другие объективные и субъективные факторы, сдерживавшие необходимое ускорение темпов развития аграрной сферы, сложившаяся система хозяйствования смогла выполнить свои задачи, обеспечив три важных результата, что в Китае справедливо называют большим успехом.

Первый — **решение проблемы продовольственной безопасности Китая в количественном плане**. Комплексный потенциал производства зерна превысил 600 млн т, оставаясь таким уже несколько последних лет подряд, а размер производства зерна на душу — 450 кг¹⁴. На первое место вышла проблема качества и многообразия ассортимента, но это уже задача следующего, нового этапа развития. Согласно недавно опубликованной *Программе стратегии подъема деревни* на первом этапе (2018–2022 гг.) целевым показателем комплексного потенциала производства зерна остается та же цифра — «более 600 млн т»¹⁵.

Второй — существенно улучшилась жизнь крестьян, налицо тенденция последовательного, хотя и неравномерного, роста доходов сельского населения Китая в течение 40 лет реформ. Согласно данным ГСУ КНР, темпы роста душевого чистого располагаемого дохода населения деревни, с учетом фактора цен, составили: за 1978–1991 гг. 9,3%, 1992–2000 гг. 4,9%, 2001–2017 гг. 8,0%, (города, за те же периоды, соответственно: 6,0%, 6,7%, 8,5%)¹⁶. Несомненно, важную роль в достижении этих целей сыграла *политика поддержки и защиты сельского хозяйства*, особенно с 2004 г.

Третий — сельское хозяйство, деревня, крестьяне внесли огромный вклад в развитие реформ и национальной экономики высокими темпами и превращение Китая в одну из ведущих держав, что неоднократно отмечал Председатель КНР Си Цзиньпин. Этот вклад — дешевая рабочая сила, дешевая земля и весомые финансовые средства, т.н. *земельные финансы*¹⁷, получаемые государством для нужд индустриализации и урбанизации.

В 40-летнем периоде реформ исключительно важным, наряду с первым, представляется последнее пятилетие (2012–2017 гг.) — от XVIII до XIX съезда КПК, когда были выдвинуты задачи и комплексная программа углубления реформ в деревне, ускорения модернизации сельского хозяйства, направленные на последовательную смену модели развития аграрной экономики, поиски новых движущих сил развития, подготовку условий для перехода от экстенсивного к интенсивному способу производства и формирования системы современного сельского хозяйства.

Из десяти направлений реформ в деревне, выдвинутых XVIII съездом КПК, центральное место занимает земельная реформа.

С конца 2016 г. в деревне развернулась долгосрочная *структурная реформа сферы предложения сельхозпродукции*, направленная на преодоление дисбаланса спроса и предложения важнейших видов продовольственных и технических культур, повышение качества и эффективности, снижение себестоимости во всех звеньях общественного производства (производство, обращение, импорт-экспорт, резервы), на переход к новой модели развития агросферы. Ее концепция — ориентация на рыночный спрос и предложение.

XIX съезд КПК включил все направления углубления реформ в деревне в программу новой аграрной стратегии — *стратегии подъема деревни* (2018–2050 гг.), что фактически открывает начало широкомасштабного системного развертывания реформ в деревне в общенациональном масштабе уже с 2018 г. Среди этих реформ в качестве первостепенных указаны следующие: 1) укрепление и совершенствование основной хозяйственной системы в деревне, стабилизация подрядных отношений; 2) углубление реформы земельной системы в деревне, включая реформу системы реквизиции земли, введение коллективной земли в рынок, реформу системы коллективной земли под жилыми строениями; 3) углубление реформы системы имущественного права на коллективное имущество в деревне; 4) совершенствование системы поддержки и защиты сельского хозяйства. Таким образом, ближайшие годы должны стать свидетелями самого активного развития и «прорывов» в реализации всего комплекса реформ в деревне.

Принцип незыблемости общественной формы собственности на землю в деревне в форме коллективной собственности — краеугольный камень аграрной политики КПК, основа хозяйственной системы в деревне, «главная линия» всех сельских реформ сегодня и в перспективе.

За 40 лет реформ в деревне не удалось добиться должного развития коллективной ступени экономики, которая не смогла обеспечить долгосрочную материальную заинтересованность крестьян. В значительной части районов она оказалась слабо развитой или вообще отсутствовала, основной формой хозяйствования была и остается 1-я ступень — семейное хозяйство крестьянского двора (свыше 200 млн единиц). Однако отсутствие производственной функции у 2-й ступени (коллективной хозяйственной организации) не мешало осуществлению ею другой функции — распределения и перераспределения, т.н. урегулирования, коллективной земли по подряду между членами коллектива, контроля за использованием коллективной земли, подрядными отношениями.

Сохранение коллективной формы собственности на землю в деревне в условиях дефицита пашни при избытке населения имело свои большие плюсы, позволив:

– сохранить пашню за всеми крестьянами, и, таким образом, гарантировать минимальный уровень существования для сельского населения, т.е. обеспечить социальную функцию земли и стабильность деревни;

– сохранить и защитить пахотный клин страны как основу обеспечения продовольственной безопасности страны от растаскивания в условиях развития рынка («красная черта» размеров пашни — в 120 млн га — сохранена);

– одновременно осуществлять контроль за использованием сельских земельных ресурсов, в т.ч. для особых общественных нужд страны. Так, при решении проблемы бедности это позволяет сегодня эффективно осуществлять реализацию десятилетней государственной программы переселения 10 млн человек беднейшего сельского населения из экологически опасных районов в места с более благоприятными природными и производственными условиями.

Однако одновременно это обеспечивает право и возможность государству использовать коллективную землю в деревне для нужд индустриализации и урбанизации в форме выделения земли под строительство и в форме финансов (как поступления от прироста добавленной стоимости земли при ее возмездной уступке на рынке, или земельной ренты, известных как «земельные финансы»). Хотя это формально разрешено существующим земельным законодательством, тем не менее в реальности, по мнению китайских ученых, серьезно ущемляет экономические интересы деревни, крестьян: размер возмещения за землю крестьянам крайне занижен, доля поступлений от «земельных финансов» в пользу коллектива крестьян мала (3–5%).

XVIII съезд КПК обновил концепцию нового раунда реформы земельной системы в деревне, декларировав незыблемость коллективной собственности на землю, укрепление и развитие коллективной экономики, поиски новых форм ее реализации, оживление коллективного имущества, превращение его в новый и важнейший источник доходов крестьян. Это — фактически главная задача реформы системы имущественного права на коллективное имущество в деревне.

Теоретическая основа концепции земельной реформы первых лет (1978–1983 гг.) — «разделение двух прав» переросла сегодня в принцип «разделения трех прав»: сохранение коллективной собственности на землю — стабилизация права подряда — оживление права хозяйствования, формирование на этой основе субъектов новых форм хозяйствования в производстве и сфере услуг — создание таким образом многоосновной (т.е. многоукладной) современной хозяйственной системы агросферы и развитие масштабного хозяйства. Это — задача реформы хозяйственной системы аграрной экономики.

Следует особо подчеркнуть, что стратегия углубления реформ в деревне одновременно призвана решить задачу повышения жизнеспособности и эффективности общественной формы собственности (в форме коллективной собственности в деревне) в условиях рыночной экономики Китая, обеспечивать ее «совместимость» с рынком. Как заметил известный китайский ученый-аграрник Лю Шоунин, сама форма коллективной собственности как экономическая категория досталась Китаю от Советского Союза. И реформа земельной системы в китайской деревне сегодня не может пройти мимо решения этой важной теоретической и практической проблемы.

Переход к рынку в аграрной сфере, что само по себе было чрезвычайно необходимо, был постепенным и дифференцированным. Либерализовав цены на конкурентоспособные виды продукции (овощи, фрукты, рыбное хозяйство, животноводство), государство оставило свой контроль и защиту в отношении важнейших видов продовольствия (все зерновые), технических культур (хлопок, масличные, табак, чай), сохранив их закупки и хранение государственными закупочными организациями, введя минимальные закупочные цены на зерно, систему дотаций и прочее, что стимулировало рост доходов крестьян и производства зерна, фактически позволил решить проблему продовольственного обеспечения в количественном плане. Хотя при этом были неизбежны издержки: отсутствие рыночного регулирования привело к т.н. перевернутости цен, структурным диспропорциям и др. И только с конца 2016 г. т.е. лишь 15 лет спустя после вступления в ВТО началась *структурная реформа в сфере предложения сельхозпродукции*, в рамках

которой осуществляется постепенный перевод основных видов продукции в формат открытого рынка (начали с кукурузы, соевых бобов, рапса и хлопка).

Одним из примеров богатого опыта реформы в деревне в китайской прессе названа политика *«оптимизации распределения ресурсов между сельским хозяйством и другими отраслями экономики Китая»*. Этот вывод принадлежит китайскому специалисту Вань Баожую (одно время и.о. заместителя министра сельского хозяйства Китая), который в газете «Жэньминь жибао» обосновывает его так: «Со времени реформы от установки «деревня поддерживает город» перешли к установке «промышленность стимулирует сельское хозяйство, город ведет деревню», а затем к установке «интеграционное развитие города и деревни», *таким образом политика ЦК КПК сыграла важную направляющую роль в оптимизации размещения ресурсов между разными отраслями*¹⁸. Можно видеть, что свой вывод автор делает лишь на основе смены политических установок, как указателей смены курса, без реального анализа фактов. Не секрет, что установка «деревня поддерживает город» была принята еще в середине 50-х годов XX века, отражая стратегию индустриализации с опорой на мобилизацию внутренних накоплений в деревне, и эта установка была жестче и длиннее: «...брать больше, давать меньше, управлять жестче». И только в 2004 г. спустя более 50 лет на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва была выдвинута задача изменения отношений между городом и деревней и принят курс на их «согласованное развитие» с новой установкой: «меньше брать, больше давать, оживлять», «промышленность отдает долги сельскому хозяйству, город поддерживает деревню». И хотя определенное движение в этом направлении началось, но провозглашенный курс оказался трудно реализуемым, новые установки не изменили в целом положение вещей, о чем свидетельствуют китайская статистика, реальные факты состояния деревни и мнения китайских ученых. Именно поэтому XIX съезд КПК (2017 г.) поставил задачу перестройки отношений между городом и деревней с установкой на «интегрированное развитие города и деревни», задачу, которую только предстоит решить в ходе реализации *стратегии подъема деревни* (до 2050 г.). Это не положительный опыт, а просто вынужденная мера правительства, используемая намного дольше необходимого срока.

Е.И. Крапина:

Долгое время Пекин жертвовал решением экологических проблем ради высоких темпов экономического роста. В последние годы эта ситуация начала меняться. Руководство взяло курс на фундаментальное решение экологических проблем: соблюдение баланса между экономическим развитием и защитой окружающей среды; проведение реформы права в сфере экологии; внедрение «зеленых» стратегических отраслей и разработка новых, более совершенных инновационных технологий; массовый перевод промышленности с Востока на Запад, с обеспечением экологической защиты принимающих территорий.

Экологическая составляющая занимает все более важное место в развитии традиционных отраслей. Самый крупный сектор глобального экологического рынка — низкоуглеродные и энергоэффективные технологии. Использование современных экологических и одновременно экономически выгодных технологий позволяет не только модернизировать производство и сократить издержки, но и увеличить прибыль. Государственная поддержка «зеленых» инноваций осуществляется в форме грантов малым и средним предприятиям, учреждениям и специализированным институтам.

Новая система экологического регулирования нацелена на снижение уровня загрязнения природных ресурсов, продвижение чистых технологий в производство и создание так называемого зеленого налогообложения. Кроме того, разрабатывается система рыночных экологических платежей за выбросы, включая диоксиды серы (SO₂) и азота (NO₂), другие загрязнители, а также внутреннюю схему торговли квотами. В Программе 13-й пятилетки поставлена задача снижения объема расходов энергии на единицу ВВП, а также объема расходов воды и снижение загрязнений примерно на 15%, 23% и 18% соответственно.

Для стимулирования природоохранных мероприятий предусмотрены: постепенный переход к системе рентных платежей; включение в экономические показатели полной стоимости природных объектов с учетом их средообразующей функции, а также природоохранных работ; создание механизма взимания с хозяйствующих субъектов, эксплуатирующих природные ресурсы, платежей и их использование на сохранение и восстановление природной среды, в том числе биоразнообразия; введение ответственности за произведенный продукт на всех стадиях. Предоставляется ряд льгот предприятиям, занимающимся сбором и комплексным использованием возобновляемых ресурсов, выпуском природоохранного промышленного оборудования и продукции с использованием жидких, газообразных и твердых отходов.

Развитие «зеленых финансов» является приоритетом в 13-й пятилетке: создан «Фонд зеленого развития», «зеленая финансовая система», которая включает отдельную систему кредитования, свой рынок ценных бумаг, особый фондовый индекс «зеленых акций» и соответствующей продукции, а также механизм «зеленого страхования». Планируется установить систему «экологического аудита». Банковские учреждения призваны оказывать большую поддержку «дружелюбным по отношению к экологии» предприятиям, а политика «зеленого кредита» должна служить стимулом экологически чистого производства.

Госсовет КНР ввел стандарт «Экологическая Красная черта» в 15 провинциях и районах Китая. Среди них район Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, экономический пояс бассейна реки Янцзы и Нинся-Хуэйский автономный район. Цель — защита и восстановление окружающей среды в этих ключевых территориях. В пределах охранных зон «освоение», то есть развертывание хозяйственной деятельности, запрещено.

Согласно плану Госсовета, к концу 2018 г. стандарты «Экологической Красной черты» должны быть введены в остальных 16 провинциях и районах материкового Китая. Стратегия охватит регионы с важными экологическими функциями, включая природные заповедники провинциального и национального назначения, природные достопримечательности, уникальные геологические объекты и т. д. Помимо этого, к концу 2020 г. будет создана платформа для мониторинга и контроля «Экологической Красной черты».

В отдельных регионах до конца 2020 г. будут введены обязательные минимальные экологические стандарты. Для достижения поставленных целей предусматриваются меры по 10 направлениям, включая всесторонний контроль за выбросом загрязняющих веществ, продвижение трансформации экономической структуры, усиление сбережения и охраны водных ресурсов, усиление научно-технической поддержки, выявление роли рыночного механизма, усиление контроля за исполнением законов о защите окружающей среды и т.п.

В октябре 2017 г. был принят и обнародован базовый совместный документ ЦК КПК и Госсовета в области экологии сельскохозяйственного производства. Это первый документ подобного рода, принятый высшими органами власти. Главная цель — сохранение обрабатываемых земель и недопущение ухудшения их качества. Общая площадь пашни к 2020 г. должна составить не менее 124 млн га («Красная линия»), из них 53 млн га — качественные продуктивные, гарантирующие стабильные урожаи земли. Документ также ставит задачу свести на нет рост использования химических удобрений и пестицидов при выращивании основных сельскохозяйственных культур. Предполагается создать 40 пилотных экспериментальных зон устойчивого развития сельского хозяйства.

Согласно актуализированному «Правилам по оценке ответственности региональных правительств за сохранение пахотных земель», народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения Китая несут прямую ответственность за объемы пахотных земель, площадей защитной зоны неизменных основных пахотных земель и за соблюдение высоких стандартов земледелия. Главы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения являются прямыми ответственными лицами за исполнение вышеуказанных норм и правил. «Правила по оценке ответ-

ственности региональных правительств за сохранение пахотных земель» утверждены Госсоветом КНР и опубликованы 8 января 2018 г.

На главное место выдвинута реформа экологического законодательства. Она проходит в три этапа. На первом — устраняются накопленные в законодательстве пробелы и противоречия. На втором — проводится перестройка действующей экологической правовой системы. На третьем — идет внедрение новой системы экологических правоотношений — переход количества принятых законов в качество их исполнения.

С 1 января 2015 г. вступил в силу новый исправленный и самый строгий за всю историю Закон КНР об охране окружающей среды. На этом этапе важнейшее значение придется не только законодательной работе, но и исполнению Закона на практике: созданию механизма вертикального подчинения природоохранных органов ниже провинциального уровня в их работе по контролю, надзору и исполнению законов. Новый Закон дает возможность создавать особые зоны, закрытые для производства загрязняющей промышленности. Внесены серьезные поправки в законы о борьбе с загрязнением атмосферы, вод и почв. Закон о борьбе с загрязнением почв вступит в силу 1 января 2019 г. Закон предусматривает проведение общенациональной переписи состояния почв не реже одного раза в 10 лет.

С 1 января 2018 г. в Китае вступил в силу Закон о налоге для защиты окружающей среды. Согласно этому закону взимается экологический налог, а плата за сброс загрязняющих веществ отменена. Госсовет выпустил оповещение, в котором четко отмечено, что налог для защиты окружающей среды входит в доходы, направляемые местным правительствам.

Также с 1 января 2018 г. вступил в силу «Проект реформирования системы возмещения экологического ущерба». Таким образом, по всей стране осуществляется пилотная система возмещения экологического ущерба. По заявлению Центральной экономической рабочей конференции, состоявшейся в декабре 2017 г., борьба с загрязнением является одной из трех «важных сражений», которые китайское правительство намерено выиграть в ближайшие 3 года.

В 2018 г. завершилось формирование административной системы охраны водных ресурсов: вступил в действие Закон о предупреждении и борьбе с загрязнением водных объектов, принятый Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 27 июня 2017 г. Согласно новому закону правительственные чиновники и партийные начальники на местах назначаются «управляющими реками» и несут индивидуальную ответственность за их состояние.

Все возрастающие инвестиции в экологию, создание глобальных проектов, предусматривающих широкую международную кооперацию, свидетельствуют о том, что руководство Китая готово решительно защищать окружающую среду, создавая условия для «устойчивого развития» и построения «экологической цивилизации». Период реализации 13-й пятилетки является ключевым для внедрения наиболее эффективной модели экологического развития КНР, но ликвидировать затяжной экологический кризис в стране планируется лишь к 2035 г.

А.В. Афоняева:

Вопрос о необходимости работы с соотечественниками за рубежом был официально озвучен Дэн Сяопином еще на XI съезде КПК в 1977 г., и можно сказать, что с началом политики реформ и открытости в 1978 г. работа с диаспорой стала важной частью внутренней и внешней политики КНР.

Основной задачей диаспоральной политики в первые годы реформ стало привлечение капиталов зарубежных соотечественников, объем которых по состоянию на 1978 г. оценивался в 1,5 трлн долл. Проводилась работа с 60-миллионной китайской диаспорой с целью показать новые возможности ведения бизнеса в КНР, были приняты специальные нормативные документы, регулирующие вопросы инвестирования зарубежных китайцев в Китае (т.е. зарубежные китайцы получили дополнительные льготы

перед иностранными инвесторами). Даже первые специальные экономические зоны (СЭЗ) были открыты в провинциях, относящихся к малой родине эмигрантов (*цзясян*), таких, как Гуандун, Фуцзянь, Хайнань (приморские районы).

Эта политика дала свои результаты, в первые годы реформ южные приморские провинции поднялись в основном благодаря инвестициям зарубежных китайцев, доля которых в общем объеме прямых иностранных инвестиций в этих районах была близка к 100%, а по всему Китаю этот показатель составил 71,8%, или 18 млрд долл. в 1979–1991 гг. Инвестиции шли в основном через Гонконг, главным образом в обрабатывающую промышленность (трудоемкое производство экспортной продукции). За этот период зарубежный китайский бизнес эволюционировал от посреднических функций (предприятия, занимающиеся переработкой давальческого сырья, материала, сборочными работами и ведущими компенсационную торговлю) к самостоятельной деятельности (совместные предприятия, предприятия со 100% капиталом зарубежных китайцев). Период 1992–1998 гг. характеризуется существенным ростом, по сравнению с предшествующими годами, интереса зарубежных китайских предпринимателей к ведению бизнеса в КНР, сохранением ориентации на трудоемкое производство экспортной продукции, объем их инвестиций составил 146,5 млрд долл., или 60,5% всех ПИИ. Территориальное направление инвестиций расширилось к северу от провинций Гуандун и Фуцзянь. С 1998 г. основная часть инвестиций шла не только через Гонконг, Макао и ЮВА, но и через офшорные зоны (Виргинские о-ва, Каймановы о-ва и др.) В 1999–2000 гг. можно наблюдать снижение объемов инвестиций зарубежных китайцев в КНР как результат сокращения капиталов хуацяо в ряде стран и регионов после азиатского финансового кризиса. В 2001–2007 гг. рост инвестиций хуацяо сопровождается увеличением стоимости отдельных проектов. Повышается доля капиталоемких экспортных производств и инвестиций на севере страны.

В 2000-х годах руководством КНР была разработана новая модель экономического развития, предполагающая формирование эффективной и конкурентоспособной экономики, развитие сферы услуг, курс на отечественные инновации, развитие внутреннего рынка, развитие западных и внутренних районов Китая, была объявлена внешнеэкономическая стратегия «выхода за рубеж».

Диапоральную политику подстроили под новую модель.

1. Отмена льгот для низко технологичных компаний зарубежных китайцев в приморских районах.

2. Сохранение льгот для низко-технологичных компаний зарубежных китайцев в западных и внутренних районах.

3. Сохранение льгот для высокотехнологичных компаний зарубежных китайцев в приморских районах.

4. На зарубежных китайских (как и на местных) предпринимателей распространяется новый закон о труде, обязывающий работодателей достойно оплачивать труд рабочих и соблюдать их права, и налог на защиту окружающей среды.

5. В 2000-е годы в целом была разработана и успешно реализована политика возвращения из-за рубежа высококвалифицированных китайских специалистов, включающая: научные программы, гранты и открытие специальных технопарков для этих специалистов, проведение ярмарок вакансий в Китае и за рубежом, бизнес конференций и форумов, создание рекрутинговых компаний, занимающихся этими специалистами.

6. Зарубежную китайскую диаспору стали активно привлекать к участию в реализации стратегии «выхода за рубеж».

Все это привело к тому, что если до 2000 г. в отраслевой структуре инвестиций преобладало трудоемкое производство экспортной продукции, то с 2001 г. начался частичный переход на капиталоемкое производство экспортной продукции. С 2008 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом и новыми условиями

ведения бизнеса в Китае наблюдается переход от трудоемкого к капиталоемкому и высокотехнологичному производству, переориентация с внешних рынков на внутренний рынок КНР, активное освоение сферы услуг, миграция бизнеса из приморских районов во внутренние и западные районы Китая. Объем зарубежных китайских инвестиций в 2001–2012 гг. вырос с 24,5 до 67 млрд долл.

В 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была объявлена инициатива «Один пояс, один путь» (ЭПШП и МШП-21). Зарубежным китайцам в этой инициативе также отводится важная роль — инвесторов, поставщиков экспортной продукции, консультантов и лоббистов. Их участие можно наблюдать практически на всех участках сухопутного и морского Шелкового пути. На территории КНР ежегодный объем их инвестиций в 2013–2017 гг. составлял порядка 60 млрд долл., хуацяо инвестировали во все города, провинции и автономные районы, через которые проходят маршруты «пояса и пути». В пров. Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь и Хайнань, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе традиционно сильно влияние хуацяо, так как эти территории исторически являются малыми родинами эмигрантов (*цяосян*), заметно экономическое влияние хуацяо и районе кольца Бохайского залива.

В странах, через которые проходит ЭПШП, без учета экспатов, проживает порядка 1–1,2 млн зарубежных китайцев — это 1,7–2% всей китайской диаспоры за рубежом. В странах маршрута МШП-21 проживает порядка 36,3 млн хуацяо — 79% всей диаспоры (из них 75% в странах ЮВА).

На долю стран — участниц ЭПШП приходится порядка 10% (500 млрд долл.), а на регионы МШП-21 — 41,5% (2,075 трлн долл.) совокупного капитала мировой китайской диаспоры, что многократно превышает объемы и активы всех финансовых организаций, обслуживающих «пояс и путь». Степень экономического влияния хуацяо в странах МШП-21 значительно выше, чем в странах ЭПШП. Компании хуацяо являются полноправными субъектами МШП-21, а в странах ЭПШП они играют весомую, но вспомогательную роль по отношению к государственным и частным предприятиям КНР.

Е.С. Баженова:

В ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику «одной детной семьи», которая рассматривалась как одно из условий быстрого экономического роста. Подчеркивалось, что она была временной, носила экстренный характер, ее целью было противодействие чрезмерному росту населения, который не соответствовал уровню развития производительных сил.

Политика планового деторождения принесла свои результаты: число рождений в год в условиях одной детной семьи составило в 1990 г. 23,91 млн, в 2000 г. 17,71 млн, в 2010 г. 15,92 млн человек. Рост населения постепенно замедлялся, цель по ограничению численности населения была достигнута, снизилось «демографическое давление» на экономику, социальную сферу, экологию и природные ресурсы, что помогло обеспечить успешный экономический рост.

В настоящее время государственная политика в области народонаселения потребовала изменений с учетом современных реалий страны, после смягчения противоречия между темпами роста населения и темпами экономического роста. Демографическая структура современного Китая претерпела большие сдвиги, а суммарный коэффициент рождаемости снизился до минимально допустимого уровня.

В 2015 г. было объявлено о переходе к политике двухдетной семьи, произошла важная корректировка прежней политики плановой рождаемости, что обусловлено перспективой снижения численности трудоспособного населения и старения населения. В настоящее время в Китае число людей старше 60 лет превышает 200 миллионов. Это каждый седьмой человек, и старение населения стало серьезной проблемой для всего общества.

Новая политика означает, что в ходе 13-й пятилетки будет изменяться демографическая структура КНР. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин определил ориентиры 13-й пятилетки относительно современной китайской семьи: «В стране будет всесторонне реализована политика, позволяющая каждой супружеской паре иметь двоих детей. Благодаря этому будет стимулироваться рождаемость, снизится давление, связанное со старением населения, увеличится численность трудоспособного населения. Все это будет содействовать более сбалансированному социально-экономическому развитию, обеспечит демографический баланс и устойчивость. Корректировка государственной политики подтверждает выверенность стратегических позиций в обеспечении долгосрочного развития китайской нации»¹⁹.

Каковы первые итоги новой политики? В конце 2017 г. Госкомитет по делам здравоохранения и планового деторождения предоставил данные по итогам практической реализации новой политики на основе данных ГСУ КНР — в 2016 г. число рожденных детей составило 17,86 млн, что на 1,3 млн больше, чем в 2015 г., когда родилось 16,55 млн детей. Коэффициент рождаемости вырос с 12,07‰ до 12,95‰, коэффициент естественного прироста с 4,96‰ до 5,86‰ (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения КНР, его структура, демографические и социальные показатели в 2015–2017 гг., млн человек, %

	2015		2016		2017	
	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)
Численность населения КНР	1374,62	100	1382,71	100	1390,080	100
Город	771,16	56,10	792,98	57,35	813,47	58,52
Деревня	603,46	43,90	589,73	42,65	576,61	41,48
Мужчины	704,14	51,2	708,15	51,2	711,37	51,2
Женщины	607,48	48,8	674,56	48,8	678,71	48,8
Возрастная структура						
0–15 лет	241,66	17,6	244,38	17,7	247,19	17,8
16–59 лет	910,96	66,3	907,47	65,6	901,99	64,9
Старше 60 лет	222,00	16,1	230,86	16,7	240,90	17,3
Старше 65 лет	143,86	10,5	150,03	10,8	158,31	11,4
Прирост населения на конец года	6,8		8,09(+1,29)		7,37(+0,57)	
Коэффициент смертности	7,11‰		7,09‰		7,11‰	
Число умерших	9,75		9,77		9,86	
Коэффициент рождаемости	12,07‰		12,95‰		12,43‰	
Число родившихся	16,55		17,86		17,23	
Коэффициент естественного прироста	4,96‰		5,86‰		5,32‰	
Число занятых на конец года	774,51		776,03		776,40	
Зарегистрированная безработица в городах и поселках	4,05%		4,02%		3,90%	
Число «и рабочих, и крестьян»	277,47		281,71		286,52	

Источники: Данные ГСУ КНР об итогах развития страны в 2015–2017 гг.

В 2017 г. число рожденных составило 17,23 млн человек, что на 0,68 млн больше, чем в 2015 г. Коэффициент рождаемости вырос с 12,07‰ до 12,43‰, коэффициент естественного прироста с 4,96‰ до 5,32‰.

Политика контроля над рождаемостью, которая проводилась в КНР с 1970-х годов, несомненно, оказала огромное влияние на демографическое развитие Китая. В октябре 2015 г. 5-й Пленум 18-го созыва ЦК КПК объявил о введении политики двухдетной семьи. Всеобщая политика двухдетной семьи последовала за введенным в ноябре 2013 г. разрешением однодетным родителям иметь второго ребенка, если один из родителей был из однодетной семьи. В условиях всеобщей политики ни одна семейная пара не ограни-

чивается в своем желании иметь второго ребенка, и этот сдвиг будет иметь огромное влияние на траекторию демографического развития КНР в долгосрочной перспективе. Число рождений, на которые влияет новая политика рождаемости, очень важно, так как изменения в числе рождений будут определять численность населения КНР и его структуру в последующие десятилетия.

Используя результаты Всекитайского выборочного обследования населения 2014 года, китайские ученые произвели расчеты для оценки числа дополнительных рождений в итоге перехода к политике двухдетной семьи.

Результаты показывают, что общее число дополнительных рождений оценивается примерно в 17,2 млн в 2017–2021 гг. с числом дополнительных рождений в год примерно 1,6–4,7 млн.

Ожидается, что суммарный коэффициент рождаемости (СКР) возрастет от 1,6 в 2016 г. до уровня, близкого к показателю замещения поколений (около 2,1) и затем снизится до прогнозируемого уровня 1,8. Эти изменения окажут влияние на темпы роста населения КНР, численность рабочей силы и долю пожилого населения. Исходя из условий социально-экономического развития КНР, предполагается, что СКР снизится до уровня примерно 1,7 к середине XXI века. При сохранении жесткой демографической политики (ДП) СКР был бы в 2050 г. на уровне 1,4.

По сценарию всеобщей политики двухдетной семьи пик численности населения КНР будет достигнут немного позже — в 2028 г., на три года позже, чем по сценарию без корректировки ДП. Общая численность населения на пике составит 1,45 млрд, на 35 млн больше по сравнению со сценарием без корректировки. Затем Китай вступит в период отрицательных темпов прироста населения, скорость снижения общей численности населения будет медленнее по сравнению с более жестким сценарием. Число жителей КНР будет уменьшаться на 6 млн в год и составит 1,4 млрд в середине XXI века.

Численность рабочей силы в этих условиях возрастет по сравнению с тем уровнем, который бы был, если бы сохранялась политика однодетной семьи. По оценкам, это будет около 50 млн человек дополнительно в возрасте 15–59 лет в 2050 г. После введения новой политики в КНР, по оценкам, в 2050 г. 34% населения будет в возрасте 60 лет и старше, это почти на 3% меньше той величины, которая могла бы быть при проведении прежней политики.

Проведение новой политики окажет существенное влияние на изменение уровня рождаемости в КНР и многостороннее воздействие на развитие населения в Китае в будущем.

В рамках прежней политики модель китайской семьи — это поздний брак, позднее рождение одного ребенка, низкое желание заводить последующих детей, высокая стоимость деторождения и воспитания ребенка. Недостаточный уровень социального обслуживания влияет на принятие решения в новой ситуации. Он адаптирован к прежней семейной структуре, однодетной семье. Следовательно, необходимы комплексные и согласованные реформы в области стимулирования и социальной политики. Необходима оптимизация социального обслуживания, адаптация его к новым реалиям двухдетной семьи, рост капиталовложений в социальную сферу, прежде всего медобслуживание, улучшение условий и уровня жизни, развитие сети яслей и детских садов, инновации в методике домашнего воспитания и школьного образования. Все эти меры идут в русле построения общества «сяокан», которое предусматривает возможность вывести Китай на новый уровень развития.

А.В. Ломанов:

Политика реформ и открытости стимулировала споры китайских интеллектуалов о пути преобразований. Эволюция проблематики дискуссий ярко иллюстрирует смену этапов реформы.

В 1980-е годы Дэн Сяопин развернул борьбу против течения «буржуазной либерализации», заявив, что Китаю нужна модернизация, но не либерализация в духе за-

падного капитализма. В те времена заметная часть китайской интеллектуальной элиты была увлечена заимствованием и распространением западных воззрений и теорий. Идеиная атмосфера первого десятилетия реформ стала продолжением духа «Движения 4 мая 1919 года», опиравшегося на идеалы науки и демократии. Критика старого общества и традиционной культуры обрела новый подтекст, превратившись в инструмент осуждения эпохи Мао Цзэдуна. Апофеозом этой тенденции стал показ в 1988 г. шестисерийного документального фильма «Смерть реки» (*Xэ шан*), подчеркивавшего неспособность замкнутой «желтой» цивилизации реки Хуанхэ соперничать с «голубой» морской цивилизацией Запада.

Политические потрясения 1989 г. в Китае и в социалистических странах Восточной Европы подвели черту под «новым просветительством» 1980-х с его стремлением к сближению с западной цивилизацией. Консервативный поворот изменил вектор развития китайской общественной мысли. Интеллигенция перестала приравнивать реформу к западизации, отношение к традиционной культуре с пренебрежительного сменилось на уважительное. Тема неизменности национальной специфики начала вытеснять трактовку западной цивилизации как всеобщей универсальной модели, способной служить конечной целью преобразований. В 1990-е между властью и образованной элитой сформировался «неавторитарный консенсус» относительно сохранения централизованной однопартийной власти как инструмента экономического развития, способного обеспечить Китаю достойное место на мировой арене.

Ускоренные рыночные преобразования привели к увеличению имущественного неравенства, возник вопиющий разрыв между официальной идеологией строительства справедливого социалистического общества и проявлениями социальной несправедливости в реальной жизни. Выросла популярность «новых левых», упрекавших власть в использовании авторитарной модели модернизации в качестве прикрытия для осуществления неолиберальной экономической политики. Они предупреждали, что включение в мировую экономику на вторых ролях будет означать подчинение Китая интересам западных стран и транснациональных корпораций. На ранних этапах реформы, когда преобразования приносили блага подавляющему большинству членов общества, китайские интеллектуалы видели в глобализации только позитивные стороны. Однако неприятие социальных издержек рынка побудило их выступить с моральной, экономической и политической критикой глобализации.

Опубликованная в Интернете в декабре 2008 г. «Хартия 08» напомнила, что в китайском интеллектуальном пространстве по-прежнему существуют сторонники политической либерализации. Содержавшиеся в документе призывы к «признанию всеобщих ценностей», «вхождению в основное течение цивилизации» и «построению демократической политической системы» на деле воспроизводили рассуждения китайских западников образца 1980-х годов. Идея немедленного отказа от авторитарной модернизации и перехода к радикальному демонтажу однопартийной власти в наши дни оторвана от реальности еще сильнее, чем в первое десятилетие реформ. Ужесточение политики США толкает Китай на путь концентрации административных и экономических ресурсов для ведения затяжной «торговой войны», усиления централизации власти и возвращения к практике «опоры на собственные силы». Взятый Америкой курс на изоляционистскую защиту национальных интересов окончательно девальвирует либеральную риторику о приверженности Запада идеальным «всобщим ценностям», которые будто бы должен перенять Китай.

В начале нынешнего десятилетия известный публицист Ма Личэн выделил восемь идейных течений современного Китая. В его трактовке «идеи Дэн Сяопина» нацелены на обоснование смелых экономических реформ без политических преобразований, они помогли подстегнуть экономический рост, но так и не решили проблему несправедливости в распределении доходов. Недовольство социальным расслоением позволило обрести второе дыхание «старым левым», опасющимся утраты завоеваний

социализма под натиском частного предпринимательства. Воспринявшие влияние западной мысли «новые левые» критикуют глобализацию и чрезмерное использование неолиберальных рецептов в ходе реформирования экономики КНР. Популистское течение прославляет высокие моральные качества бедноты и априори считает частный капитал несправедливо нажитым, альтернативу западной парламентской демократии оно видит в прямом участии народа в политике.

Либералы выступают в поддержку ценности индивида и его прав, они призывают поставить партийную власть в рамки конституции. Националисты набрали популярность на критике Запада и рассуждениях о будущем величии Китая, способного справиться с любыми трудностями даже в условиях изоляции. Новые конфуцианцы настроены на возрождение традиции ради того, чтобы сделать моральными не только простых людей, но представителей власти, что позволило бы укрепить ее легитимность. В качестве отдельного течения Ма Личэн выделил «демократический социализм», выступающий за эволюционный путь развития, сочетание защиты частной собственности с созданием в Китае системы социального обеспечения европейского образца в условиях конституционной демократии, многопартийности, всеобщих выборов, свободы СМИ.

Вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина за пределами материкового Китая был опубликован «Документ № 9», выпущенный Канцелярией ЦК КПК в апреле 2013 г. В нем были обозначены семь идеологических вызовов, требующих первоочередного внимания. Это пропаганда западной конституционной демократии, всеобщих ценностей, гражданского общества, неолиберализма, западного взгляда на свободу СМИ, а также исторического нигилизма в отношении КПК и КНР. Еще одной проблемой стало выражение сомнений в правильности политики реформ и открытости с позиции их осуждения за несоответствие критериям социализма либо западным стандартам развитой рыночной экономики.

Китайские власти уделяют все больше внимания критике «исторического нигилизма», претендующего на «возвращение к истинному облику истории» путем разоблачения ошибок китайских революционеров и провалов в ходе социалистического строительства. Чаще стали появляться публикации, подчеркивающие несостоятельность пропаганды идеи «гражданского общества», опасность ее идеализации и мифологизации в отрыве от реальных потребностей развития Китая.

Си Цзиньпин заявил, что «социализм с китайской спецификой» должен соответствовать основным принципам научного социализма. Возможностей для вольных трактовок китайского социализма в либеральном или социал-демократическом ключе стало меньше. Внимание к изучению марксизма и наследия Мао Цзэдуна заметно возросло.

Тезис «два нельзя отрицать» зафиксировал направление трактовки соотношения эпохи реформ и дореформенного периода. Китайский лидер провозгласил, что между ними есть «внутренняя взаимосвязь», противопоставлять их друг другу недопустимо, тем более нельзя использовать один период для того, чтобы подвергнуть критике другой. Это означает, что «левым» не нужно осуждать реформы за отказ от наследия уравнилельного социализма Мао Цзэдуна, а либералам не рекомендуется выпячивать ошибки и провалы 1950-х — 1970-х годов. Эпоха реформ превратилась в составную часть начавшегося еще в середине XIX века длительного пути к осуществлению «китайской мечты» о национальном возрождении.

Китай встречает юбилей реформ активными усилиями по обеспечению идейного сплочения партии и народа вокруг КПК. Однако это не отменяет факта растущего социального многообразия китайского общества, порождающего множественность интересов и, как следствие, разнообразие выражающих эти интересы общественных идей.

С.С. Цыплаков:

Роль и значение периода политики реформ и открытости в развитии Китая широки и многогранны. Сорок лет, даже по меркам многовековой китайской истории — срок отнюдь не такой уж маленький, а для собственно КНР — это большая часть ее исто-

рии. Основным содержанием данного периода, как видится, является видимый прогресс в процессе модернизации Китая.

Модернизация была и остается для Китая жизненно важной и приоритетной задачей на протяжении уже полутора веков со времени окончания второй Опиумной войны. Как хорошо известно, попытки осуществить ее предпринимались неоднократно — и в последние десятилетия Цинской династии (политика самоусиления, сто дней реформ, новая политика), и в правление Гоминьдана (нанкинское десятилетие), и после образования КНР (50-е годы XX века). Однако все они приносили только ограниченные результаты, и ставившиеся задачи, по большому счету, оставались невыполненными. При всех огромных различиях во внутренних и внешних условиях, в которых все эти попытки протекали, их общим историческим уроком является необходимость реформ, без которых проведение модернизации является неосуществимым делом.

Эту реальность в Китае осознали давно, еще после неудачи политики самоусиления, которая строилась на стремлении просто заимствовать из-за рубежа современное оборудование и некоторые внешние формы организации производства, что нашло свое выражение в ставшей классической формуле Чжан Чжидуна: «китайское как основа, иностранное для применения». Вместе с тем признание необходимости реформ отнюдь не снимало вопроса о направленности и степени глубины потребных для модернизации преобразований. Именно этот вопрос — как в прошлом, так и в настоящее время — продолжает оставаться основным пунктом острой политической борьбы.

В 50-е годы прошлого века руководство КПК, правда, не без некоторых колебаний, попыталось скопировать и практически полностью перенести в Китай так называемую советскую модель. Последняя по своим базовым параметрам во многом была созвучна китайским традиционным идеалам сильного централизованного государства, позволяла, выражаясь словами Мао Цзэдуна, «сочетать Маркса с Цинь Шихуаном», что помогло ей пустить на китайской почве довольно глубокие корни. Однако, как показал ход исторического развития, «советская модель» оказалась не в состоянии в полной мере обеспечить решение задач модернизации Китая и, будучи доведенной до абсурда в годы «большого скачка» и «политики трех красных знамен», принесла огромные бедствия китайскому народу.

После потрясений «культурной революции» и устранения ее наиболее одиозных приверженцев Китай вновь обратил свои взоры на осуществление модернизации. В этом пункте были согласны все, но в то же время вновь встал вопрос, какими методами и в каких формах ее проводить. По большому счету, речь шла либо о возврате с теми или иными корректировками к использовавшейся в 50-е годы «советской модели», либо об отказе от нее и поиске новых путей, отвечающих реалиям тогдашнего Китая. Это был принципиальный выбор, и он был сделан на 3-м Пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Хотя Пленум и не выдвинул детализированной программы реформ (ее, по-видимому, в тот момент еще не было), но четко высказался в пользу «развития» в широком понимании, что подразумевало начало развода с «советской моделью». В этом, как видится, заключалось его историческое значение. Экономическое развитие, которое по сути равнозначно модернизации, вплоть до сегодняшнего дня является неизменным приоритетом политики Китая, а реформа и открытость выполняют функции важнейших механизмов для достижения поставленных целей. В этом пункте китайская реформа по самой своей базовой методологии кардинально отличалась от рыночных реформ в России в 90-е годы, где реформирование в определенном смысле осуществлялось почти исключительно ради разрушения сложившейся в СССР экономической системы практически без надлежащего учета целей развития.

Признание реформ и открытости как главных условий осуществления модернизации еще отнюдь не означало, что соотношение между реформами и открытостью, с одной стороны, и собственно экономическим развитием — с другой, было постоянным. Каждое десятилетие оно менялось.

В первое десятилетие процесс реформирования был особенно динамичным. Уже в первые несколько лет оформились его основные направления: внедрение подрядной системы в деревне, создание массовой базы для частного предпринимательства через систему волостных и поселковых предприятий, перенос реформы в города и начало поисков и экспериментов по сужению сферы директивного планирования, апробированию рыночных схем управления госпредприятиями. Быстро набирала обороты и внешняя открытость, начало которой было положено созданием специальных экономических зон, а затем открытием городов приморского пояса. Предполагалось, что третьим направлением реформы станет реформа политической системы. Некоторые преобразования в этом направлении были осуществлены, что выразилось, в первую очередь, в постепенном демонтаже системы пожизненного занятия должностей и введении принципа регулярной сменяемости руководства. Однако в целом политическая реформа так и не получила завершенного развития.

Второе десятилетие политики реформ и открытости было не столь динамичным. После острого общественно-политического кризиса 1988–1989 гг. возникла вполне реальная угроза того, что реформаторский процесс будет свернут или даже обращен вспять. Тем не менее этого не случилось — не только благодаря личным заслугам Дэн Сяопина и его знаменитой поездке на Юг, но прежде всего в силу того, что к этому времени реформы и открытость принесли реальные и вполне осязаемые плоды. В 90-е годы было узаконено само понятие «социалистической рыночной экономики», начались преобразования государственных предприятий, услуг социальной сферы, заложены основы фондового рынка и банковской системы. В части внешней открытости быстрыми темпами шел процесс встраивания китайских предприятий в мировые производственные цепочки.

Основным событием, определившим содержание третьего десятилетия реформ, стало присоединение Китая к ВТО. Китай в максимально возможной для себя степени сумел извлечь выгоду от процесса глобализации. Масштабы китайской экономики значительно увеличились, страна превратилась в мастерскую мира, ориентированная на экспорт экономическая модель достигла зенита своего развития. Начались процессы выхода китайских предприятий за рубеж и интернационализации юаня. Китай вступил в полосу «мирного возвышения». На фоне всех этих успехов и высоких темпов экономического роста внимание к рыночным преобразованиям заметно снизилось.

Разразившийся в 2008 г. международный финансовый кризис обнажил уязвимость китайской экономики в силу ее чрезмерной зависимости от внешнего спроса. В условиях резкого падения объемов экспорта возникли вполне реальные риски утратить социально-экономическую стабильность. Купировать их удалось только путем повышения и без того высокой степени государственного вмешательства в экономику в форме использования большого пакета стимулирующих мер. Хотя эти меры в краткосрочном плане дали определенный положительный эффект, но они, как это видно сейчас, «стали еще одним витком экстенсивного развития», привели к дальнейшему обострению отраслевых диспропорций, увеличению объемов избыточных мощностей, надуванию пузыря на рынке недвижимости, положили начало процессу нарастания долговой нагрузки на корпоративный сектор и местные правительства.

Завершающееся четвертое десятилетие реформ и открытости можно, на мой взгляд, определить как десятилетие не сбывшихся в полной мере ожиданий нового этапа реформы. Уже сразу после преодоления наиболее острой фазы международного финансового кризиса в Китае заговорили о необходимости так называемой второй реформы, под которой понималась смена движущих сил развития: от экспорта и инвестиций к потреблению и инновациям. Приход к власти в конце 2012 г. пятого поколения китайского руководства во главе с Си Цзиньпином, как казалось, давал дополнительные основания рассчитывать на ускорение в проведении реформ. Масштабная программа, включающая больше трех сотен реформ, была обнародована на 3-м Пленуме ЦК

КПК 18-го созыва в ноябре 2013 г. Ее квинтэссенцией было революционное для Китая положение о «решающей роли рынка в распределении основных факторов производства». Сам Си Цзиньпин, который лично возглавил сначала руководящую группу ЦК КПК, а затем — Комиссию по углублению реформы, неоднократно говорил о настоятельной необходимости «разгрызть жилы и кости реформ».

Однако по прошествии пяти лет можно констатировать, что реальный прогресс реформ по таким ключевым направлениям, как реформа государственных предприятий, реформа системы прописки (*хукэу*) и другим, оказался существенно ниже ожиданий. В то же время явственно обозначилось стремление руководства решать многие острые экономические проблемы преимущественно административными методами. Это относится и к важнейшим составляющим провозглашенной Си политики реформирования экономики предложения в части избавления от избыточных мощностей, предотвращения спекуляций на рынке недвижимости, уменьшения долговой нагрузки на экономику, снижения системных финансовых рисков. Складывается впечатление, что китайское руководство, провозгласив лозунг «партия руководит всем», увлекшись выстраиванием системы «единого централизованного руководства», склонно к пересмотру заложённых Дэн Сяопином базовых подходов к реформе. В наиболее ярко выраженном виде это проявляется почти в полном отказе от экспериментов, явной недооценке инициативы снизу, чего не наблюдалось на прежних этапах реформы.

В то же время дальнейшее проведение модернизации по-прежнему остается главным приоритетом руководства страны. Состоявшийся год назад XIX съезд КПК еще выше поднял планку задач, поставив цель к середине нынешнего века вывести Китай в число «государств-лидеров по комплексной государственной мощи и международному влиянию». Достижение этой амбициозной цели вряд ли возможно без продолжения глубоких преобразований в различных областях экономики и общественной жизни.

Если же говорить о более близкой перспективе, то, как представляется, мощной побудительной причиной для нового этапа углубления реформ и открытости может стать наблюдаемое в настоящее время изменение внешних условий развития, которое выразилось в начале торговой войны с США, а в более широком плане — в их стремлении жестко сдерживать апгрейд китайской экономики и в первую очередь технологическое развитие Китая.

Вне зависимости от того, по какому сценарию пойдет дальнейший ход событий, уже сейчас с достаточно высокой долей вероятности можно предположить, что одним из ключевых вопросов в наступающем пятом десятилетии политики реформ и открытости будет поиск Китаем разумного и адекватного ответа на этот новый для себя вызов.

В.Я. Портяков:

Уважаемые коллеги, мы к какой-то мере уподобились даосским мудрецам, действуя по принципу «ба сянь го хай, гэ сянь шэнь тун» — «восемь небожителей переправляются через море, и каждый на свой манер». Впрочем, задачи «вести единомыслие» в России или хотя бы только в Институте Дальнего Востока относительно экономической реформы в Китае перед нами не стояло. Так что будем и далее изучать этот процесс во всем его многообразии. Спасибо всем.

-
1. Чжу Фуцян. Чжунго цзинци куайду фачжаньдэ чжиду иньхуань: [Скрытые институциональные просчеты в проекте быстрого экономического развития] // Шэхуэй кэсюэ яныцзю. 2011. № 1. С. 35.
 2. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // The British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. Issue 3. P. 426.
 3. Антонов Михаил. Иностраннные инвестиции — и зло, и благо // Литературная газета. 7–13 октября 2015 г.

4. В СРВ «обновление мышления» началось на 6-м пленуме ЦК КПВ в августе 1979 г. Это была первая попытка пересмотра экономической стратегии и тактики Вьетнама, открывшая путь к поиску и экспериментам, что, в свою очередь, создало предпосылки политики обновления и реформ.
5. *Economic Reforms in Viet Nam and in China: A Comparative Study.* Le Huu Tang and Liu Han Yue ed. Hanoi, The gioi Publishers, 2006. P. 285–286.
6. *Communist Party of Vietnam: Documents of the 9th National Congress.* Hanoi, CTQG Publ. House, 2001. P. 86–88.
7. *Economic Reforms in Viet Nam and in China*, op. cit. P. 309.
8. Жэньминь жибао. 24.03.2018; Жэньминь жибао хайвайбань. 01.05.2018.
9. Жэньминь жибао. 23, 24.03.2018.
10. The 5th All-China Congress of representatives of individual workers was held in Beijing. (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/xn/zyxn/201801/t20180113_271974.html (дата обращения: 14.02.2018).
11. Жэньминь жибао. 01, 17, 18.03.2017; Fourth session of the Standing Committee of the All-China Association of Industrialists and Merchants of the 11th Convocation (in Chin.). URL: http://www.acfic.org.cn/web/c_00300010002/d_33973.html (дата обращения: 12.06.2014); Report on the development of small and microenterprises in the PRC (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/zjyw/xxb/201403/t20140333_143495.html (дата обращения: 31.03.2014).
12. Report on the development of small and microenterprises in the PRC of the State Industrial and Commercial Administration of Administration of the PRC). (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/zjyw/xxb/201403/t20140333_143495.html (дата обращения: 31.03.2014).
13. Там же.
14. Выступление Хань Чжанфу, министра сельского хозяйства и деревни Китая. Жэньминь ван. URL: <http://www.agri.cn/V20/SC/jjps/201809/t201809286255460.htm>.
15. Программа стратегии подъема деревни (2018–2022 гг. / ЦК КПК, Госсовет КНР. URL: http://www.gov.cn/2018-09-26/content_5325534.htm.
16. ГСУ КНР. 31.08.2018. URL: http://www.stats.gov.cn/tjzc/zjfx/ggkf40n/2018/08/t20180831_1620079.html.
17. «Земельные финансы» — земельная рента, которую получает государство (в лице местных властей) за счет разницы в возмещении за изъятую у крестьян землю и ценой этой земли, продаваемой (точнее, уступаемой возмездно) на земельном рынке; эта разница обеспечивает поступления от земельной ренты, т.е. от прироста добавленной стоимости земли, в размере: в 2014 г. 4,3 трлн юаней, в 2015 3,36 трлн, в 2017 г. 4,99 трлн юаней // Азия и Африка сегодня. 2016. № 11. С. 11; URL: <http://energy.people.com.cn/2018/0518/c71661-29999418.html/>
18. Вань Баожуй. Блестящий процесс и основной опыт реформы в деревне страны. Жэньминь жибао. 23.07.2018; URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html>.
19. Китай. № 12. Декабрь 2015. С. 17.)

ШОС: правда и вымыслы

© 2018

Л.Е. Васильев, А.Ф. Клименко

В статье обсуждается предназначение Шанхайской организации сотрудничества, ее роль и место в системе международных отношений. Излагая свое видение проблематики ШОС, авторы вносят некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию организации.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, безопасность на Евразийском континенте, терроризм, саммит ШОС.

DOI: 10.31857/S013128120002686-5

В июне 2018 г. в Циндао (КНР) состоялся очередной саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Результаты саммита и оглашенные итоги работы ШОС за прошедший год говорят сами за себя. Полноправными членами организации стали Индия и Пакистан. Принята декларация ШОС, согласованы и подписаны 17 документов в сфере дальнейшей интеграции экономик стран — членов организации.

Напомним, что ШОС — крупнейшая международная организация Евразии, основанная в 2001 г. участниками «шанхайской пятерки» (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия и Таджикистан), а также присоединившимся к ним позже Узбекистаном. Принятие на состоявшемся в 2018 г. саммите ШОС Индии и Пакистана в качестве постоянных членов организации в значительной мере увеличило ее потенциал.

Таким образом, саммит 2018 г. можно назвать первым саммитом теперь уже «шанхайской восьмерки» — организации, которая без сомнения будет оказывать самое серьезное, определяющее влияние на развитие ситуации не только на Евразийском континенте, но в мировом сообществе в целом.

В настоящее время общая территория входящих в ШОС стран составляет более 34 млн км², то есть более 60% территории Евразии. Общая численность населения этих стран достигает почти половины населения планеты. Экономика ШОС — вторая в мире по номинальному ВВП и первая по паритету покупательной способности.

Государствами — наблюдателями при ШОС являются Афганистан, Беларусь, Иран и Монголия. Кроме того, странами, подавшими заявку на участие в ШОС в качестве государства-наблюдателя, являются Бангладеш, Бахрейн, Вьетнам, Египет, Израиль, Ирак, Катар, Мальдивы, Сирия и Украина. Статус партнера по диалогу предоставляется государству, разделяющему цели и принципы ШОС и желающему установить с органи-

Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: levdvina@mail.ru;

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: klimenko@ifes-ras.ru.

защитой отношения равноправного и взаимовыгодного партнерства или сотрудничающему с ШОС по отдельным направлениям деятельности. В настоящее время таким статусом обладают Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

Шанхайская организация сотрудничества позиционирует себя как региональная организация, одной из двух основных задач которой, помимо экономического сотрудничества, является поддержание безопасности на Евразийском континенте и в остальном мире. При этом она не является военным альянсом (как, например, НАТО) или открытым регулярным совещанием по безопасности (как АРФ или ОБСЕ).

В соответствии со статьей 1 Хартии ШОС, принятой в июне 2002 г., главными задачами организации являются:

- укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;
- совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;
- поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;
- содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов;
- координация подходов при интеграции в мировую экономику;
- содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством;
- поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями;
- взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании;
- совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке¹.

Практически с момента образования ШОС некоторые крупные западные политологи (например, Ф. Старр, З. Бжезинский) высказывали недоверие к ее жизнеспособности. Организацию называли «клубом по интересам» или «дискуссионным клубом», не способным решать конкретные политические и экономические задачи; объявляли механизм продвижения китайской экспансии в Центральной Азии, или, наоборот, организацией, созданной Россией для сохранения «статус-кво» в ЦА после распада СССР. Параллельно разрабатывались альтернативные варианты объединения государств Центрально-Азиатского региона, но уже под эгидой США и без участия в них России и Китая (см. Программу партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии 2005 г.).

Казалось бы, судя по заявлениям официальных лиц, США не придают большой значимости ШОС в мировом сообществе и активно распространяют через СМИ «похоронные» мнения ведущих западных политологов в отношении перспектив дальнейшего развития организации. В то же время — Вашингтон активно работает в направлении развала ШОС или создания альтернативы ей под эгидой США без участия России и Китая.

На наш взгляд, это объясняется следующими причинами.

Первое. Вспомним знаменитый афоризм З. Бжезинского: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет «сердцем земли»; тот, кто правит «сердцем земли», владеет

«мировым островом» (Евразией): тот, кто правит «мировым островом», владеет миром»². В придачу к этим заявлениям напомним также, что «Программу партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» разработал Ф. Старр, руководитель Института Центральной Азии и Кавказа, который работал советником по России и Евразии при трех президентах США. Очевидно, что политическое руководство Соединенных Штатов не может игнорировать мнение своих влиятельных политологов.

Второе. В ШОС изначально входили две крупнейшие мировые державы Евразии — Россия и Китай (а теперь еще и Индия с Пакистаном) и не входят Соединенные Штаты, некоторые официальные представители которых позиционируют США как «крупную евразийскую державу». Другими словами, одна из крупнейших международных организаций, действующая на самом большом континенте, не контролируется «мировым лидером», что, по мнению американских политиков и политологов, является абсурдом. Более того, эта организация по значимости входящих в нее стран способна отстаивать свои интересы даже в случае их несовпадения и противостояния интересам США, а следовательно, может существенно повлиять на ситуацию как в Евразии, так и в мире в целом, что совершенно не устраивает Америку.

Третье. На всем протяжении развития ШОС не только продемонстрировала свою эффективность, но стала привлекательной для многих государств, число которых постоянно растет. Одновременно с ростом значимости Организации в международном сообществе возрастают политический вес и значимость ведущих государств-основателей — Китая и России. Поэтому вполне естественно, что рост влияния России и Китая, «назначенных» США их основными конкурентами и соперниками, вызывает жесткое неприятие Вашингтона и служит поводом для дальнейшего противодействия ШОС и стремления ослабить, а если получится, — развалить ее. Более того, принципы, которые заложены в основу функционирования ШОС, так называемый шанхайский дух, демонстрируют мировому сообществу другие, отличные от западных, модели выстраивания межгосударственных отношений, что является прямым вызовом американской идее «однополярного мира».

Непосредственно перед саммитом ШОС в Циндао в СМИ (и не только западных) стали появляться статьи со знакомыми с начала 2000-х годов посылами: «ШОС рискует так и остаться “вечным подростком” с многочисленными комплексами переходного возраста, с частой сменой увлечений и привязанностей, но без определенных занятий и без конкретной цели в жизни»; «ШОС уже никогда не будет той группировкой единомышленников, которой она, возможно, задумывалась два десятилетия назад»; «сохраняющаяся институциональная слабость ШОС при предельно широком мандате организации способна превратить Шанхайскую организацию сотрудничества в подобие чемодана без ручки — нести тяжело, а бросить жалко» и т.п.³ Причем формулировки меняются, а суть и цель посылов остается прежней.

В чем только не обвиняют ШОС. В неспособности решить афганскую проблему («ШОС пока не может “похвастаться” существенным вкладом в решение одной из самых острых проблем безопасности региона — афганской»⁴), как будто это ШОС, а не войска западной коалиции, взяла на себя решение этой задачи.

Звучат также обвинения в неспособности организации создать региональную систему безопасности: «было бы преувеличением заявить, что в рамках ШОС сформировалась и осуществляется единая стратегия государств-участников в сфере безопасности... все усилия сосредоточены на уровне двусторонних отношений»⁵.

Критики ШОС не только говорят о том, что системы региональной безопасности организацией не создано, но предлагают реализовать в ЦАР систему безопасности, подобную той, которая была создана в Европе в 1970–1990 гг. (ОБСЕ, Хельсинкские соглашения и т.д.). Вспомним, однако, что система европейской безопасности в те годы была создана лишь благодаря военному паритету НАТО и Организации Варшавского договора (другими словами, США и СССР). Причем, если бы стороны не достигли тогда военного паритета, ни о какой системе безопасности никто не стал бы говорить всерьез.

На наш взгляд, система коллективной (региональной) безопасности должна иметь политическое и идеологическое обоснование, юридическое обеспечение своего функционирования, единое руководство на период возможных кризисов и воинский контингент, способный решать задачи по обеспечению безопасности государств, входящих в данную систему.

В создании европейской системы коллективной безопасности принимали участие суверенные государства, отвечавшие перед мировым сообществом за свои действия. В то время не было международных террористических организаций типа «Аль-Каиды», ИГИЛ или «Талибан», организаций нового типа, живущих по своим законам и не признающих законов жизни мирового сообщества. Как можно сравнивать обстановку в Европе в то время и нынешнюю ситуацию в Центральной Азии? О каком паритете должна идти речь в современной Евразии: между Афганистаном и ШОС? А может, между ШОС и НАТО?

Понятно, что если что-то копировать, то копировать нужно лучшие образцы. Вспомним одновременно, во что превратилась «хваленая» европейская безопасность, когда перестал существовать Советский Союз и исчез тот самый военный паритет? Это очень хорошо поняли сербы и, скорее всего, всерьез начинают понимать французы, немцы, британцы и другие европейцы, которые все активнее требуют от правительств своих стран обеспечения в них подлинной безопасности. Так зачем прописывать «большому» просроченное лекарство, используемое для лечения другой «болезни»?

В качестве антитезы вышесказанному приведем следующие факты современного развития ШОС.

Во-первых, на пространстве ШОС (т.е. территориях государств, входящих в нее) с конца 2000-х годов не отмечено ни масштабных террористических акций, ни серьезных выступлений экстремистов и сепаратистов.

Это при том, что обстановка в Центральной Азии после распада СССР по уровню опасности и непредсказуемости определенно отличалась от обстановки в Европе в 1970-х годах. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.), попытки Исламского движения Узбекистана захватить часть территории Узбекистана и Кыргызстана (1999 и 2000 г.), попытки государственного переворота и захвата власти в Киргизии (2000 и 2005 г.), события в Андижане (Узбекистан, 2005 г.), выступления сепаратистов в Урумчи (Китай, 2009 г.) — именно в такой обстановке создавалась ШОС. Кроме того, инициаторам внедрения в Центральной Азии системы коллективной безопасности по типу системы европейской безопасности 1970–1990 гг. следует напомнить, что проблема создания европейской системы решалась на протяжении более 25 лет (с 1945 по 1970 г.), а аналогичные проблемы в Центральной Азии в основном были решены менее чем за десятилетие (2001–2009 гг.).

Во-вторых, в настоящее время на пространстве ШОС между государствами — членами Организации практически решены все пограничные проблемы (в отличие от Европы, где некоторые до сих пор существуют). Конфликты и противоречия на двустороннем уровне не так быстро, но все же разрешаются (см. хронологию развития отношений Узбекистана с Киргизией и Казахстаном, а также современное состояние их двусторонних отношений).

В-третьих, в рамках ШОС активно и эффективно работает Региональная анти-террористическая структура организации. Начиная с 2005 г. ежегодно проводятся анти-террористические учения «Мирная миссия», в которых принимают участие воинские подразделения *всех государств организации* (в 2018 г. в них также приняли участие воинские контингенты из Индии и Пакистана). Учения проводятся попеременно на территориях *всех государств ШОС*, что позволяет войскам осваивать возможные театры боевых действий для повышения эффективности совместного отпора вылазкам террористов.

Наиболее любимой темой противников ШОС является экономическая составляющая ее деятельности. Некоторые эксперты заявляют, что «на практике роль ШОС свелась главным образом к тому, что под крышу организации были подведены отдельные субрегиональные экономические проекты двустороннего или трехстороннего уровня». Заявляется также, что ШОС есть «многосторонняя “крыша”, которая помогает как-то за-

камуфлировать экономическое доминирование Китая в регионе»⁶, что на самом деле лишает Россию центральной роли в процессе развития ситуации в Евразии.

Никто не будет оспаривать, что экономика — не самая «продвинутая» сфера деятельности ШОС. Это объясняется двумя факторами:

- существенным различием в масштабах национальных экономик государств-участников;

- неблагоприятной обстановкой в мировой экономике в целом (снижение темпов роста, торговые войны, санкции, деглобализация и протекционизм и т.п.).

Неправомерно обвинять ШОС в неэффективности экономической деятельности с учетом срока ее существования, изначального состояния национальных экономик и их взаимосвязи. Европа шла к своему экономическому союзу больше века, а экономический союз Европы и США (зона свободной торговли) не реализован до сих пор, хотя предпосылки для него создавались еще в середине XX века. Однако даже в неблагоприятных экономических условиях государства ШОС стараются повышать эффективность экономической деятельности организации.

В настоящее время в экономической стратегии ШОС сделан выбор в пользу объединения двух проектов: ЕАЭС и «Один пояс, один путь» (ОПОП). Выступая на саммите в Циндао, президент России В.В. Путин заявил: «Мы упрощаем взаимный доступ товаров и услуг, совершенствуем таможенное регулирование, ликвидируем излишние административные барьеры, запускаем совместные проекты в области энергетики, транспорта, сельского хозяйства... Важно предпринимать и другие шаги, ведущие к наращиванию координации при реализации торговых, инвестиционных и инфраструктурных проектов по линии ЕАЭС и китайской программы «Один пояс, один путь»⁷. Более того, торговый представитель Китая Фу Цзыин при подписании Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР подчеркнул, что «сотрудничество в рамках проектов ОПОП и ЕАЭС является ключевым направлением нашего взаимодействия. Это не только очень важно для упрощения торговых процедур между нашими странами. Я думаю, что такое подписание играет большую роль для содействия росту экономики наших стран и повышению стандарта жизненного уровня наших народов»⁸.

Некоторые политологи считают, что вступление Индии в ШОС вызвано, кроме всего прочего, тем, что в случае успешной совместной реализации проектов ЕАЭС и ОПОП Индия рискует остаться вне крупнейшего финансово-экономического проекта, планируемого и уже частично реализуемого в современной Евразии, а, следовательно, вне огромных финансовых потоков, которые этот проект сулит.

Согласно мнению известных российских политологов, в целях обеспечения сопряженности экономических проектов государств ШОС, в том числе в свете российской инициативы Большого евразийского партнерства (на первом этапе предусматривающего налаживание взаимодействия между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, а потом и с ОПОП), предстоит еще большая, скрупулезная и крайне сложная работа. Основной ее задачей будет достижение консенсуса в обеспечении реальных экономических интересов каждого из участников с учетом специфики его подходов к реализации этих интересов. Без серьезных компромиссов здесь не обойтись, и в их достижении немаловажную роль должен сыграть широко популяризируемый «шанхайский дух» ШОС⁹. Как нам кажется, игра стоит свеч.

Новым направлением критики ШОС в настоящее время стало вступление в нее Индии и Пакистана. По заявлениям некоторых политологов, Индия и Пакистан «приходят в организацию с тяжелым багажом двусторонних конфликтов, острых политических разногласий, территориальных споров, исторических обид и взаимных подозрений... и, по всей видимости, общий знаменатель по важнейшим стратегическим, политическим и экономическим проблемам теперь будет найти значительно труднее... К этому нужно также добавить и новый для ШОС фактор далеко не самых простых и не всегда дружественных китайско-индийских отношений»¹⁰.

С приведенными выше аргументами можно согласиться лишь отчасти. Сразу возникает вопрос: зачем при существующих проблемах с Китаем и Пакистаном Индия решила вступать в ШОС? У нее достаточно хорошие отношения с США, в рамках которых готовится к реализации американская концепция Индо-Тихоокеанского региона. Индия активно работает над формированием треугольника Индия — Иран — Афганистан и т.д. Тем не менее, Индия принимает именно такое, скажем, не совсем логичное решение. На наш взгляд, его причины состоят в следующем.

Первое. Главная суперстратегическая и политическая цель Индии (как и Китая) — стать великой мировой державой, подобной тем, какими были СССР и США в XX веке. Однако в Индии понимают, что достаточно хорошие экономические отношения с США не есть гарантия признания мировым сообществом такого статуса за Индией. Выстраивая свои отношения с США, проводящими политику «мирового гегемона» и реализующими концепцию «однополярного мира», любой стране следует сделать выбор: принимать заранее подчиненное США положение, или, в случае необходимости, научиться отстаивать, иногда в меру жестко, свои интересы при серьезном расхождении их с американскими. Именно второй подход создает предпосылки для признания высокого статуса государства в мировом сообществе. Однако для этого нужны серьезные союзники, т.к. противостоять США один на один сможет далеко не каждый. Поэтому вхождение Индии в ШОС создает предпосылки для обретения ею таких союзников. Кроме того, она получает дополнительную возможность использовать в интересах повышения своего государственного статуса постоянно возрастающий авторитет ШОС.

Второе. Шанхайская организация сотрудничества может стать новой площадкой для китайско-индийского диалога. В апреле 2018 г. Китай в качестве председателя ШОС принимал министров обороны государств — членов Организации. При этом главы военных ведомств КНР и Индии, кроме участия в многосторонних заседаниях, провели двустороннюю встречу. Практически параллельно прошло заседание министров иностранных дел. И хотя индийский министр не поддержала своих коллег в отношении развития китайской инициативы «Один пояс, один путь», по остальным вопросам стороны смогли достичь консенсуса¹¹.

Кроме того, руководство Индии (впрочем, как и руководство Китая) осознало, что мелкие пограничные конфликты между двумя странами не соответствуют статусу великой мировой державы, которого обе страны добиваются. Об этом косвенно свидетельствует встреча лидеров Индии и Китая, которая стала логичным продолжением контактов на уровне министров и где в полной мере проявились активность и прагматизм премьер-министра Индии Н. Моди, стремящегося выстраивать равные отношения со всеми мировыми центрами силы.

Вспомним, как после прошлогоднего индо-китайского пограничного конфликта в Докламе (Гималаи) Индия присоединилась к альянсу Австралия — Япония — США. Стало казаться, что Нью-Дели будет участвовать в нарастающем давлении на южные морские границы Китая.

Однако перед нынешним саммитом в Циндао Н. Моди сначала провел в городе Ухань неформальную встречу с главой Китая Си Цзиньпином, а потом встретился в Сочи с президентом России В.В. Путиным. По итогам этих встреч Моди выступил на ежегодном форуме по азиатской безопасности в Сингапуре, ясно заявив о своей нейтральной, балансирующей позиции в решении военно-морских проблем у китайских границ.

По вопросам взаимоотношений в треугольнике Россия — Индия — Китай индийские политологи высказывают следующую мысль: «Индии нужна Россия для поддержания стратегического мира с Китаем, чтобы гарантировать индийский геополитический подъем... Россия может служить для Индии мостом стабильности с Китаем»¹². Поэтому с учетом того, что в настоящее время все три государства, равно как и Пакистан, являются участниками ШОС, эта организация, по мнению многих экспертов, может стать ос-

новой площадкой урегулирования китайско-индийских и пакистано-индийских территориальных споров.

Третье. Весьма очевидно, что в настоящее время Индия и Пакистан пытаются найти новые пути решения своего векового конфликта в Кашмире. При этом известно, что решение таких проблем, как правило, реализуется при участии третьей стороны — некоего государства-арбитра (или группы государств). Причем эта третья сторона не должна поддерживать интересы только одной из спорящих сторон, а призвана помогать искать решения, устраивающие обе стороны, и выступать в качестве гаранта выполнения соглашений, если они станут возможны.

Шанхайская организация сотрудничества изначально ставила в качестве первоочередной задачи обеспечение безопасности в регионе, а также борьбу с силами «трех зол» — терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом и достигла в этом достаточно ощутимых результатов. Таким образом, Индия и Пакистан, очевидно, надеются, что опыт и содействие со стороны России, Китая и других стран — членов ШОС помогут разрешить или, в крайнем случае, существенно облегчить решение кашмирской проблемы, а может быть, найти новые пути урегулирования конфликта. Очевидно, что подписав основополагающие документы ШОС по борьбе с терроризмом, совсем неэтично поддерживать организации, использующие методы террора в своей политической деятельности. А осудив сепаратизм, несправедливо оказывать помощь сепаратистским организациям на территории других государств.

Вся история становления и развития ШОС говорит о том, что в мире существует другая концепция развития человечества, отличная от американской. Выступая на саммите ШОС, Председатель КНР Си Цзиньпин назвал саму площадку ШОС «универсальной, эффективной, конструктивной и даже важнейшей инновацией в теории и практике международных отношений»... «ШОС демонстрирует подлинно “шанхайский дух”, то есть, взаимное доверие, равенство, взаимную выгоду, равноправие, уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию, — заявил он. — Мы будем и дальше стимулировать формирование международных отношений нового типа, рука об руку продвигаться в мир, где царят всеобщая безопасность, совместное процветание и открытость»¹³. Именно по этому пути, согласно принятой недавно Стратегии своего развития, ШОС намерена продолжать свое движение. Даже прозападные политологи признают, что в настоящее время ШОС является в значительной степени организацией, призванной продемонстрировать эффективность незападных подходов к многостороннему сотрудничеству и миропорядку в целом.

-
1. Хартия ШОС. 07.06.2002. URL: <http://www.sectsco.org/>
 2. *Бжезинский З.* Путинский выбор // *The Washington Quarterly*. Spring 2008. Т. 31. № 2. URL: <http://www.geopolitica.ru/> от 06.08.2018.
 3. *Кортунов А.* ШОС — камень, отвергнутый строителями новой Евразии? URL: <http://russiancouncil.ru/> от 14.05.2018.
 4. Там же.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. URL: <http://kremlin.ru/> от 10.06.2018.
 8. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> от 17.05.2018.
 9. *Конаровский М.* Бонус для «Большой восьмерки» в Циндао: к некоторым итогам саммита ШОС. URL: <http://russiancouncil.ru/> от 13.06.2018.
 10. *Кортунов А.* Указ. соч.
 11. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20180424/412405.html>.
 12. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20180611/1025827088/sco-g8-summit-shos.html>.
 13. URL: <https://www.gazeta.ru/> от 11.06.2018.

Россия — Япония: асимметрия интересов

© 2018

В.В. Кузьминков

В статье анализируются перспективы развития отношений между Россией и Японией в условиях активизации японской дипломатии на российском направлении. В мае 2016 г. премьер-министр С. Абэ предложил программу сотрудничества из восьми пунктов. В рамках этой программы было подписано более ста экономических соглашений, однако большая часть соглашений до сих пор не реализована. Автор рассматривает причины пробуксовки развития двусторонних отношений.

Ключевые слова: Россия, Япония, новый подход, сотрудничество, интересы, санкции, территориальная проблема.

DOI: 10.31857/S013128120002687-6

22 января 2018 г., выступая с программной речью в парламенте, премьер-министр Японии Абэ Синдзо заявил: «Японо-российские отношения обладают наибольшим потенциалом из двусторонних отношений. В сентябре прошлого года бывшие жители впервые смогли на самолете посетить острова Кунашир и Итуруп. Мы будем углублять двусторонние контакты путем осуществления совместной хозяйственной деятельности на четырех северных островах и плана экономического сотрудничества из восьми пунктов. Кроме того, мы будем неуклонно выполнять пункты, согласованные в Нагато с целью разрешения территориального вопроса и заключения мирного договора между Японией и Россией»¹. Иными словами, цель японской политики на российском направлении осталась прежней: заключить мирный договор путем решения территориального вопроса. Для достижения этой цели правительство Японии готово продолжить экономическое сотрудничество с Россией по восьми направлениям.

Программа из восьми пунктов была предложена японской стороной во время российско-японского саммита в Сочи в мае 2016 г. В рамках этой программы сотрудничества до настоящего времени между Россией и Японией было подписано более 100 экономических соглашений. Примерно 40% из них обсуждаются с перспективой реализации². То есть до сих пор речь в основном идет о «протоколах о намерении», хотя за два года при желании можно было бы попытаться превратить намерения в реально существующие совместные предприятия и перспективные взаимовыгодные проекты. Российские представители неоднократно передавали в Токио свои пожелания по реализации рассматриваемых проектов. Однако эти обращения оставались без ответа, а сами проекты были сведены до самых скромных параметров³.

Дело в том, что существует несовпадение в позициях сторон в отношении содержания экономического сотрудничества: если Япония делает упор на сотрудничество в сферах, тесно связанных с жизнью россиян, то Россия выступает за реализацию круп-

Кузьминков Виктор Вячеславович, Ph.D. по политологии, старший научный сотрудник ИДВ РАН, доцент Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: kuzminkov@yahoo.com.

ных инвестиционных и инфраструктурных проектов. Такое пожелание российской стороны основано на необходимости сотрудничества в сфере высоких технологий и внедрения новейшего оборудования в российскую промышленность. Японская же сторона предлагает помощь в строительстве теплиц, создании предприятий по выращиванию сельскохозяйственной продукции, установки в городах более совершенных светофоров и др. Конечно, это тоже полезно, но едва ли серьезно будет способствовать модернизации российской экономики, заметному улучшению социально-экономической ситуации в стране.

Помимо несовпадения позиций сторон имеются такие объективные сложности, как недоверие к российским партнерам, неудовлетворительный инвестиционный климат в России, часто меняющееся законодательство, неразвитая инфраструктура и антироссийские санкции со стороны Запада.

Скромные результаты реализации программы С. Абэ из восьми пунктов признал министр экономики, торговли и промышленности Японии, отвечающий также за развитие экономического сотрудничества с Россией, Сэко Хиросигэ на встрече в Москве с первым вице-премьером Игорем Шуваловым 28 апреля 2018 г. Отметив, что уже есть результаты в области медицинских учреждений и строительства овощных предприятий, Х. Сэко подчеркнул: «Несмотря на небольшой масштаб, они помогают поднять уровень жизни россиян». Вместе с тем он заметил, что правительство Японии будет «внимательно следить за влиянием санкций», поскольку существует опасность, что под санкции могут попасть японские компании, работающие с Россией⁴. В условиях западных санкций японскому правительству становится все сложнее выработать грамотную политику по реализации заявленной программы экономического сотрудничества из восьми пунктов, поэтому расширение сотрудничества за рамки уже согласованной программы представляется маловероятным.

Еще более неопределенными представляются перспективы реализации совместной экономической деятельности на южных Курильских островах, договоренность по которой была достигнута во время визита президента В. Путина в Японию в декабре 2016 г.

В сентябре 2017 г. во Владивостоке на полях III Восточного экономического форума (ВЭФ) стороны утвердили пять перспективных областей сотрудничества на южных Курилах: аквакультура, ветроэнергетика, создание тепличных хозяйств, утилизация мусора, разработка пакетных туристических туров⁵. Ровно через год на IV ВЭФ стороны согласовали дорожные карты по реализации проектов в пяти утвержденных областях⁶. Однако соглашения по международно-правовому режиму, на основе которого стороны будут осуществлять совместную хозяйственную деятельность, достигнуть так и не удалось.

16 марта 2018 г., в преддверии своего очередного визита в Японию министр иностранных дел РФ Сергей Лавров ответил на вопросы японских СМИ. В частности представителей СМИ интересовало отношение российских властей к условию японского правительства о необходимости создания особого международно-правового режима сотрудничества на островах. С. Лавров отметил, что, «если окончательный список согласованных проектов будет внушительным (пока обсуждаются 5 очень важных, конкретных, но не очень масштабных проектов, таких, как аквакультура, ветроэнергетика, создание тепличных хозяйств, утилизация мусора, разработка пакетных туристических туров) и наши японские друзья увидят возможность реализовать эти проекты в том, что касается японского участия на основе имеющихся привилегий в этой части Российской Федерации, предоставляемых нашим законодательством (это, прежде всего, режим территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ), то эти льготы будут применяться»⁷. При этом министр подчеркнул, что в случае появления более масштабных проектов Москва готова рассмотреть вопрос о введении дополнительных благоприятных условий в реализации экономических проектов в рамках совместной хозяйственной деятельности на четырех островах. Что касается

введения на островах специального международно-правового режима или создания какого-либо наднационального органа, то такой необходимости в Москве не видят.

Вместе с тем российская сторона констатирует отсутствие практических результатов совместной экономической деятельности на Курильских островах. Полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев весьма пессимистически оценил перспективы развития совместной хозяйственной деятельности на островах. В интервью агентству ТАСС он заявил: «Я, честно говоря, абсолютно убежден в том, что в Японии есть разные мнения. Собрать этот баланс вместе и получить какое-то консолидированное решение страны, похоже, просто не получается, вот и все. И пока не получится, не возникнет никаких конкретных движений, потому что если нет единодушия, то, видимо, нет и политической воли, есть, наоборот, политические риски»⁸. Говоря об отсутствии единодушия, Ю. Трутнев имеет в виду существующую оппозицию японской политической элиты планам премьер-министра С. Абэ, а также нежелание крупного японского бизнеса инвестировать капиталы в малоэффективные, но политически целесообразные проекты. В политических кругах Японии с самого начала высказывались сомнения по поводу такой совместной деятельности на устраиваемых Токио условиях. Раздаются голоса с упреками в адрес премьера за слишком мягкую позицию в отношении Москвы и неоправданно большие надежды на доверительные отношения с президентом В. Путиным.

Двойственность японской позиции

На фоне осложнения отношений России с ведущими западными странами, продолжающими санкционную политику, трудной задачей для Японии стала выработка балансирующей позиции между интересами западных стран, прежде всего США, и России.

Типичным примером является ситуация с так называемым делом Скрипалей. С одной стороны, Токно должен был последовать за своим союзником в лице США и выслать хотя бы одного российского дипломата. А с другой — подобная дипломатическая акция могла поставить крест на многолетних усилиях японской стороны по установлению доверительных отношений с Москвой и склонению ее к решению территориального вопроса на японских условиях. Япония не стала высылать российских дипломатов и длительное время воздерживалась от осуждения России.

По итогам встречи министра иностранных дел РФ С. Лаврова со своим японским коллегой Т. Коно 18 марта 2018 г. последний отметил, что «применение химического оружия неприемлемо, но прежде всего важно выяснение фактов»⁹. Заметно сдержанно японское правительство вначале реагировало и на «события» в сирийской Думе, опять-таки призывая «сначала разобраться».

Между Москвой и Токио сохраняются разногласия в связи с размещением в Японии американских противоракетных систем обороны на больших высотах от ракет малого и среднего радиуса (ТНААД). Одновременно в практическую стадию закупки вступил проект приобретения Японией двух комплексов американской системы наземного базирования «Иджис эшор», которые планируется разместить в префектурах Акита и Ямагучи¹⁰. В связи с этим российская сторона в очередной раз выразила свое беспокойство. Хотя японская сторона настаивала на том, что эта система не несет угрозы для других стран и призвана защитить Японию от ракет из КНДР, С. Лавров отметил, что планы развертывания США глобальной ПРО, в которые включается Япония, напрямую затрагивают безопасность России, и подчеркнул, что «вопросы, связанные с безопасностью в этом регионе в контексте переговоров по мирному договору, имеют важнейшее значение»¹¹.

17 апреля 2018 г. правительство Японии присоединилось к совместному заявлению глав внешнеполитических ведомств «большой семерки», в котором на Москву возлагалась ответственность за отравление в Солсбери и за воспрепятствование контролю над использованием химического оружия в Сирии¹². В тот же день в связи с опасением

попасть под вторичные санкции США крупнейшие японские сырьевые трейдеры прекратили закупку алюминия у российского производителя «Русал», доля которого на японском рынке составляла 16% от общего объема японского потребления¹³. Это подтверждает тот факт, что правительство Японии не обладает достаточным влиянием на крупный японский бизнес, который руководствуется исключительно экономическими и финансовыми интересами.

Двойственная позиция Японии, при которой Токио, с одной стороны, всячески демонстрирует дружелюбие, особые отношения с Москвой, а с другой — выступает единым антироссийским фронтом с консолидированным Западом, вызвала осуждение с российской стороны. Комментируя заявление «большой семерки» в Торонто, С. Лавров заявил: «Что касается итогов встречи министров иностранных дел в Торонто, то, конечно, русофобская подоплека там очевидна. К сожалению, по этой русофобской, очень скользкой линии пошли и те страны «семерки», которые заверяют нас в том, что они не разделяют попыток изолировать Россию»¹⁴.

4 мая 2018 г. курирующий российско-японские отношения заместитель министра иностранных дел РФ Игорь Моргулов в интервью газете «Известия» отметил: «Относительно перспектив заключения мирного договора могу сказать только одно — реальное продвижение в решении этого вопроса возможно в условиях комплексного развития российско-японских связей, формирования в них атмосферы подлинного взаимного доверия и партнерства. Пока мы лишь в самом начале этого пути». Из такого заявления следует, что, вопреки звучавшим из Токио оптимистическим ожиданиям, существенного прогресса в деле подписания мирного договора достигнуто не было. Иными словами, делая обнадеживающие заявления о возможности «возвращения островов» представители японского истеблишмента, включая премьер-министра С. Абэ, вводили в заблуждение японскую общественность, выдавая желаемое за действительное.

Одновременно высокопоставленный дипломат счел необходимым отметить, что в России озабочены укреплением японо-американского военно-политического альянса и не намерены замалчивать эту тему¹⁵. Ведь несмотря на заверения в своем миролюбии и дружеском отношении, на поверку японские обещания зачастую остаются только на словах, а на деле Токио поддерживает все антироссийские инициативы США и своих европейских союзников: присоединяется к экономическим и иным санкциям, подписывает документы «большой семерки» с обвинениями в адрес Москвы, соглашается предоставить свою территорию для размещения элементов американской глобальной системы ПРО, закупает и в нарушение Конституции создает собственные новейшие истребители-бомбардировщики, преобразовывает авианесущие корабли в настоящие авианосцы, участвует в учениях НАТО в Балтийском море в непосредственной близости от России¹⁶. Кроме того, в обход собственной Конституции, возвращает себе право вести войны за рубежом, что вызывает оправданное беспокойство у соседних государств.

Проблема заключения мирного договора

После возвращения в кресло премьер-министра декабре 2012 г. С. Абэ обозначил российское направление как приоритетное в своей внешней политике. В отличие от своих предшественников, С. Абэ не стал заострять внимание на территориальном вопросе, предложив российской стороне расширить формат двусторонних консультаций до обсуждения вопросов безопасности. Обсуждение ключевого для японской стороны территориального вопроса было скрыто за формулировкой о необходимости заключения мирного договора.

Необходимость заключения мирного договора была подтверждена во время официального визита С. Абэ в Россию в апреле 2013 г. В совместном заявлении о развитии российско-японского партнерства «руководители двух стран согласились, что ситуация, при которой — спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны — между Россией

и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной»¹⁷. При этом стороны выразили решимость «заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме»¹⁸. Однако такой взаимоприемлемой формы урегулирования этого вопроса сторонам пока найти не удалось.

В основе аргументации японской стороны лежит Токийская декларация 1993 г., согласно которой стороны согласились заключить мирный договор после решения вопроса о принадлежности всех четырех островов. Вместе с тем важно отметить, что в Токийской декларации острова являются всего лишь предметом переговоров, и не более того. Российская сторона признала наличие территориальной проблемы, но это совсем не означает, что она признала суверенитет Японии над четырьмя островами. Наоборот, признание японской стороной того, что все четыре острова являются предметом переговоров, услило позицию России в отношении того, что ей принадлежит суверенитет над всеми четырьмя островами.

В мае 2016 г. с целью подготовки атмосферы для заключения мирного договора С. Абэ предложил «новый подход». Этот подход не предполагал развитие широкомасштабного сотрудничества с Россией, а лишь был призван убедить российскую сторону в возможности такого сотрудничества в случае передачи южных Курильских островов Японии. Именно такое пояснение сделал премьер-министр С. Абэ в интервью программе «Вести в субботу» перед своим визитом в Россию в мае 2018 г. В частности он заявил: «Суть его в том, что, идя по пути заключения мирного договора, жители Японии и России должны осознать значимость двусторонних отношений, они должны понять, что мирный договор нужен для развития японо-российских связей»¹⁹.

В рамках «нового подхода» между Россией и Японией была достигнута договоренность о развитии совместной хозяйственной деятельности на южных Курилах. При этом японская сторона настаивала на разработке специального международно-правового режима сотрудничества, не ущемляющего позиции обеих сторон. Тем самым она рассчитывала закрепиться на островах экономически, а по возможности — и политически, что в конечном счете должно было привести к переходу этих российских территорий под японский суверенитет. Другими словами, политика Токно была направлена на создание условий, при которых Москва признала бы южные Курильские острова спорной территорией, что позволило бы утверждать о неокончателности российского суверенитета над островами. В таком случае можно будет поставить вопрос о «кондоминиуме» на южных Курилах, где могли бы применяться как российские, так и японские законы. Создание на этих территориях «наднационального органа» было бы еще желательнее для Японии.

В условиях приближения запланированного на конец мая очередного визита в Россию японский премьер сделал программное заявление. 20 марта 2018 г. на встрече со школьниками из префектуры Хоккайдо, победившими на конкурсе устных выступлений, посвященных «северным территориям», С. Абэ высказал намерение решить территориальный вопрос и проблему мирного договора с РФ при жизни своего поколения и передать это достижение потомкам. В частности он заявил: «Мы продолжим продвигать совместную с Россией экономическую деятельность на четырех северных островах и стремиться заключить мирный договор, решив территориальную проблему. Мы хотим решить эту проблему при нашем поколении и передать [это достижение] потомкам»²⁰. Не случайно такое заявление было сделано после объявления результатов президентских выборов в России, на которых В. Путин был переизбран на пост Президента РФ. Именно с переизбранием В. Путина японская сторона связывает свои ожидания по поводу достижения прорыва в территориальном вопросе. Хотя никаких оснований для таких явно завышенных политических ожиданий с российской стороны не наблюдалось. Процесс консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел также не давал почвы для ожидания прорыва в территориальном вопросе.

С 25 по 26 мая 2018 г. состоялся официальный визит С. Абэ в Россию. В рамках визита премьер-министр Японии вместе с президентами России и Франции принял участие в пленарной сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), а также совместно с В. Путиным провел заседание бизнес-диалога Россия — Япония.

В своей речи на пленарном заседании ПМЭФ С. Абэ предложил пометчать и нарисовал радужную картину экономического сотрудничества, которое в перспективе могло бы привести к возникновению новой логистической магистрали в Северном Ледовитом океане, Беринговом море, северной части Тихого океана и Японском море. Преображение этого пространства в «акваторию мира и процветания, где будет наблюдаться прочное верховенство права», по словам премьер-министра, будет возможно в результате заключения мирного договора²¹. Однако возникает резонный вопрос, почему эта заманчивая картина не может быть реализована до подписания мирного договора, если она отвечает интересам двух стран. Скорее всего, это очередная уловка японской стороны, призванная склонить российское руководство к территориальным уступкам. На самом деле большой бизнес весьма рационален и не пойдет на политически мотивированные, но экономически и финансово недостаточно привлекательные сделки с зарубежными странами.

В контексте объявленного поворота на Восток российское руководство заинтересовано в расширении экономического сотрудничества с Японией. С этой точки зрения подписание двустороннего политического документа способствовало бы развитию всестороннего сотрудничества между странами. Вместе с тем российская сторона неоднократно указывала на отсутствие тождественности между мирным договором и территориальным вопросом²². Переговоры по вопросу принадлежности южных Курильских островов идут по инициативе японской стороны. Однако, похоже, российская сторона не собирается всерьез обсуждать принадлежность указанных островов. Территориальный вопрос в глазах Москвы выглядит решенным по итогам Второй мировой войны, и речь может идти только об условиях использования, в том числе совместного, тех или иных территорий при условии сохранения российского суверенитета.

Учитывая противоположность позиций сторон в отношении принадлежности южных Курил, компромиссным вариантом урегулирования проблемы может быть «двухдоговорная» основа, то есть сначала заключить мирный договор, а со временем, когда созреют условия, подписать договор о демаркации границы. Именно такой вариант решения был предложен президентом РФ В. Путиным 12 сентября 2018 г. на пленарном заседании IV Восточного экономического форума во Владивостоке. В частности он заявил: «Давайте заключим мирный договор, — не сейчас, но до конца года, — без всяких предварительных условий... А потом на основе этого мирного договора как друзья продолжим решать все спорные вопросы. Разумеется, мне кажется, что это облегчило бы нам решение всех проблем, с которыми мы не можем справиться на протяжении 70 лет»²³.

В ответ официальный Токио ограничился повторением своей принципиальной позиции, согласно которой мирный договор возможно заключить только после решения вопроса о принадлежности всех четырех островов.

Несмотря на внешнюю сдержанность, случившееся во Владивостоке воспринимается в Японии как дипломатическое поражение С. Абэ, который за годы переговоров не сумел добиться прогресса в решении территориального вопроса. Более того, до сих пор в Японии надеялись, что Москва предлагает строить отношения на основе Совместной декларации 1956 г., согласно которой СССР выражал готовность передать Японии два острова после подписания мирного договора. Однако владивостокское предложение предполагает заключение мирного договора без передачи каких-либо территорий, что в глазах японцев выглядит как ужесточение позиции. Это было особенно неприятно перед сентябрьскими выборами председателя правящей Либерально-демократической партии, который автоматически становится главой правительства. Конечно, отношения с Россией

далеко не ключевой момент японской внутренней и внешней политики, поэтому дипломатическое фиаско на российском направлении не оказало влияния на результаты выборов.

После своего переизбрания на третий срок С. Абэ получил возможность оставаться на посту главы правительства до 2021 г., и есть основания полагать, что он продолжит активную политику на российском направлении, поскольку отступление будет означать признание поражения и «потерю лица». Тем более что для поддержания мира и стабильности в наиболее чувствительном для японских интересов регионе Северо-Восточной Азии сохранение партнерских отношений с Россией имеет для Японии принципиально важное значение.

* * *

Итак, можно сделать вывод, что «новый подход» С. Абэ, рассматривающий экономическое сотрудничество как аванс за будущие политические уступки, не принес желаемых результатов. Прежде всего это связано с асимметрией политических целей и интересов сторон в отношении развития двусторонних связей. Ключевое место в политике Японии на российском направлении продолжает занимать территориальный вопрос. Все инициативы японской стороны по развитию российско-японских отношений, включая программу из восьми пунктов, направлены на решение именно этой проблемы двусторонних отношений.

Предложение о необходимости заключения мирного договора было сделано японской стороной для того, чтобы добиться прогресса в территориальном вопросе. Причем Токио может удовлетворить только такое решение, при котором все четыре острова перейдут под японский суверенитет. Именно такая позиция была зафиксирована в решении японского парламента, единогласно принятого всеми парламентскими партиями. В условиях парламентско-кабинетной формы правления в Японии премьер-министр не может игнорировать решение парламента. Следовательно, заключение мирного договора между Россией и Японией может состояться только после решения территориального вопроса.

В свою очередь российское руководство заинтересовано в расширении широкомасштабного сотрудничества с Японией, но без увязки с какими-либо политическими обязательствами. Владивостокское предложение красноречиво демонстрирует готовность России поднять двусторонние отношения на новый доверительный уровень. Однако мирный договор, обремененный территориальными претензиями Японии, не отвечает национальным интересам России и ее безопасности в целом.

-
1. Дай196-кай коккай-ни окэру Абэ найкаку соридайдзин сисэй хосин эндзэцу: [Программная речь премьер-министра Абэ на 196-й сессии парламента]. 22.01.2018. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement2/20180122siseihousin.html (дата обращения: 15.09.2018).
 2. Нитиро кэйдзай кэрёку: тэйан 2 нэн омоваку тнган мо 4 варн-га дзицугэн хоко: [Японо-российское экономическое сотрудничество: разные ожидания, перспектива реализации 40%] // Майнити симбун. 02.05.2018. URL: <https://mainichi.jp/articles/20180502/ddm/007/020/127000c> (дата обращения: 15.09.2018).
 3. Кузьмищев В. В., Паклятенко В. Н. Некоторые итоги российско-японских переговоров на высшем уровне // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 13–19.
 4. Нитиро кэйдзай кэрёку...
 5. Заявления для прессы по итогам переговоров с премьер-министром Японии Абэ Синдзо. 07.09.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55555> (дата обращения: 15.09.2018).
 6. Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров. 10.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58511> (дата обращения: 15.09.2018).

7. Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова вьетнамским и японским СМИ, Москва, 16 марта 2018 года. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwl2FuDbhJx9/content/interv-u-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-v-etsnamskim-i-aponskim-smi-moskva-16-marta-2018-goda (дата обращения: 15.09.2018).
8. Юрий Трутнев: систему отношений с регионами нужно менять // ТАСС. 05.03.2018. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5004791> (дата обращения: 15.09.2018).
9. Лавров обсудил в Японии двусторонние отношения, вопросы безопасности и дело Скрипаля // РИА Новости. 21.03.2018. URL: <http://tass.ru/politika/5053096> (дата обращения: 15.09.2018).
10. “Рикудзё Ёдзису” какути китэй 2-ки дэ хобо дэидо каба: [Кабинет принял решение по «наземной системе Ёдзис», два комплекса покроют почти всю территорию страны] // Майнити симбун. 17.12.2018. URL: <https://mainichi.jp/articles/20171219/k00/00e/010/209000c> (дата обращения: 15.09.2018).
11. Лавров: размещение ПРО США в Японии напрямую затрагивает безопасность России // РИА Новости. 21.03.2018. URL: <http://tass.ru/politika/5050841> (дата обращения: 15.09.2018).
12. Страны G7 призвали Россию «срочно ответить на вопросы» по «делу Скрипаля» // РИА Новости. 17.04.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180417/1518793079.html> (дата обращения: 15.09.2018).
13. Япония отказывается от российского алюминия // REGNUM. 18.04.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2405520.html> (дата обращения: 15.09.2018).
14. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова по итогам заседания СМНД ШОС, Пекин, 24 апреля 2018 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3190325 (дата обращения: 15.09.2018).
15. Мы против размахивания санкционной «дубиной» // Известия. 04.05.2018. URL: <https://iz.ru/738892/nataliia-portiakova/my-protiv-razmakhivaniia-sankcionnoi-dubinoi> (дата обращения: 15.09.2018).
16. НАТО и Япония проводят учения в Балтийском море. 22.08.2018. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_157770.htm (дата обращения: 15.09.2018).
17. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. 29.04.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1446> (дата обращения: 15.09.2018).
18. Там же.
19. Абэ рассчитывает на прогресс в заключении мирного договора с Россией // РИА Новости. 19.05.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180519/1520915736.html?inj=1> (дата обращения: 15.09.2018).
20. Абэ заявил, что хочет решить территориальный вопрос с РФ при жизни своего поколения // РИА Новости. 20.03.2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5047074> (дата обращения: 15.09.2018).
21. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 25.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57556> (дата обращения: 15.09.2018).
22. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2032328 (дата обращения: 15.09.2018).
23. Пленарное заседание Восточного экономического форума. 12.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 15.09.2018).

О современных подходах Вьетнама к урегулированию споров в Южно-Китайском море

© 2018

Е.И. Нархова

Статья посвящена анализу современных подходов и практик, применяемых во внешней политике Социалистической Республики Вьетнам по вопросу территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ), к активным участникам которых он относится. Уверенный в незыблемости своих прав на часть акватории, архипелагов и островов ЮКМ, Ханой сосредоточен на поиске дипломатических и военно-политических инструментов, которые позволили бы ему успешнее противостоять ключевому антагонисту по ЮКМ — Китайской Народной Республике, в то же время стараясь не поставить под угрозу отношения с Китаем как крупнейшим торгово-экономическим партнером.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, территориальные споры, Китай, Вьетнам, АСЕАН, США, Япония, международные отношения.

DOI: 10.31857/S013128120002688-7

Вьетнам — наиболее активный участник территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Вопрос о суверенитете над Парасельскими островами и архипелагом Спратли, а также над морским пространством в ЮКМ — один из ключевых для вьетнамских политиков. В последние годы руководство страны взяло курс на интернационализацию данной проблемы, признавая значительное военно-политическое превосходство Китая — основного оппонента в спорах. В то же время положение Китая как крупнейшего торгово-экономического партнера вынуждает Вьетнам искать баланс между воинственной риторикой и поддержанием добрососедских отношений.

Территориальным спорам в ЮКМ придается огромное значение во внутренней и внешней политике СРВ, что находит свое отражение в ключевых официальных документах, задающих направления деятельности в отношении ЮКМ государственных министерств, ведомств и служб. В соответствии с законодательством Вьетнама, Парасельские острова и архипелаг Спратли являются неотъемлемой частью территории страны. Это закреплено, в том числе, в Законе о государственной границе СРВ 2003 года¹.

В Конституции СРВ 2013 года подтверждена руководящая роль Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) в жизни страны. В связи с этим документы по итогам проводимых каждые пять лет съездов КПВ представляют интерес как идеологическая основа реализуемой Ханоем политики. Последний, XII съезд КПВ состоялся в январе 2016 г. В прозвучавших на нем докладах вопросам обеспечения территориальной целостности и защиты суверенитета уделялось серьезное внимание. Их предваряют общие оценки современного мирового устройства, которое характеризуется как многополярное и поли-

Нархова Екатерина Игоревна, атташе Посольства Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам, соискатель МГИМО (У) МИД России. E-mail: kati_narkhova@bk.ru.

центричное с сохранением мощного влияния великих держав на глобальные и региональные процессы, в том числе в Юго-Восточной Азии².

В то же время, как указано в докладе Центрального комитета КПВ XI созыва, такое мировое устройство открывает все больше возможностей для малых и средних стран³. На фоне роста конкуренции между ними развиваются сотрудничество и интеграция. Положительно оценивается стремление к объединению для преодоления общих вызовов и угроз. Подчеркивается, что территориальные споры и вопросы суверенитета в ЮКМ постоянно обостряются. В связи с этим Силам национальной обороны предписывается решительно и всесторонне защищать суверенитет и права Вьетнама в ЮКМ, в том числе в труднодоступных районах, обеспечивая тем самым мирную и устойчивую среду для социально-экономического развития страны. Вместе с тем все споры и разногласия, по мнению докладчиков, должны решаться мирным путем на основе международного права, главным образом — Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Отмечается широкая поддержка политики СРВ по защите своих прав в ЮКМ как во Вьетнаме, так и за его пределами⁴. Приоритетом объявлена информационно-просветительская работа для привлечения внимания мирового сообщества к проблеме ЮКМ, в том числе на глобальных и региональных площадках, таких, как ООН и АСЕАН⁵. Признается необходимость углубления отношений со стратегическими партнерами Вьетнама из числа великих держав в интересах сохранения стабильной и предсказуемой обстановки в ЮКМ.

Среди наиболее значимых документов, систематизирующих внешнеполитические приоритеты СРВ, в том числе подходы к проблематике ЮКМ, можно выделить Белую книгу по вопросам национальной обороны⁶, подготовкой которой ведает Министерство национальной обороны Вьетнама. Последняя Белая книга была опубликована в 2009 г. Несмотря на регулярно появляющуюся в прессе информацию о том, что новое издание вскоре будет представлено общественности, в течение последних девяти лет Белая книга 2009 года остается основополагающим документом по оборонной политике СРВ.

В ней отмечается усложнение системы международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях, значительное усиление конкуренции между различными центрами силы, в том числе в АТР. Выражаются опасения в связи с увеличением разрыва в военной мощи между великими державами, с одной стороны, и небольшими и средними государствами — с другой, а также с риском развертывания гонки вооружений в космосе и на море.

Констатируется, что несмотря на развитие механизмов сотрудничества в АТР в регионе высок конфликтный потенциал, сохраняются неразрешенные споры по поводу территории и природных ресурсов. Среди них особую озабоченность вызывают проблемы в ЮКМ.

Положительно оценивается работа АСЕАН и Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), в том числе по реализации Декларации о поведении сторон в ЮКМ (2002 г.) и разработке соответствующего Кодекса.

В Белой книге подчеркивается, что Вьетнам последовательно осуществляет мирную политику самообороны, направленную на обеспечение стабильных условий для социально-экономического развития страны. Во Вьетнаме выступают за мирное решение споров о суверенитете на основе международного права и при этом открыты к совместному поиску приемлемого для всех участников компромисса, несмотря на наличие «достаточных исторических доказательств и правовых оснований неопровержимого суверенитета над водами и островами в Восточном море, включая Парасельские острова и архипелаг Спратли». Подтверждается стремление к поиску долгосрочного решения проблемы ЮКМ, основой которого призван стать Кодекс поведения сторон. При этом все стороны должны воздерживаться от агрессивных действий, строго выполнять положения Декларации о поведении.

Особо отмечается, что впервые в истории проведена демаркация всех сухопутных границ страны. Ведется активная работа по решению пограничных проблем на море. Так, с Китаем завершено разграничение в Тонкинском заливе. Однако сохраняющиеся территориальные споры в ЮКМ вызывают серьезное беспокойство во Вьетнаме, ограничивают его деятельность на обширном морском пространстве, а, следовательно, и его экономическое развитие.

Министерство обороны при этом придерживается политики «трех нет»: не вступать в военные альянсы, не разрешать иностранным государствам размещать военные базы на территории Вьетнама и не вступать в союзы с какой-либо страной против третьей страны. В то же время СРВ придаст большое значение двустороннему и многостороннему военному сотрудничеству для укрепления взаимопонимания, построения взаимного доверия и предотвращения конфликтов.

Вызывают интерес расставленные Министерством обороны СРВ страновые приоритеты: военное сотрудничество установлено с 65 государствами мира, и если первыми упоминаются отношения по линии Сообщества политики и безопасности АСЕАН, то затем подчеркивается важность диалога по вопросам обороны с Китаем, Россией, США, Японией, Францией, Индией. Не менее значимой для преодоления конфликта в ЮКМ названа и деятельность в рамках глобальных и региональных международных институтов, в том числе ООН, АТЭС, АСЕАН, АРФ.

Как следует из включения КНР в перечень стран, сотрудничество с которыми приоритетно для СРВ, наличие серьезных территориальных споров с Китаем не отменяет развитие двустороннего военного сотрудничества. Однако в отношениях с Пекином наблюдаются сменяющие друг друга периоды повышения и снижения напряженности. притом ключевым катализатором этих колебаний является как раз вопрос о территориальных спорах.

Так, в мае 2017 г. во время государственного визита президента СРВ Чан Дай Куанга в КНР и его встречи со своим коллегой Си Цзиньпином проблематика ЮКМ была среди основных тем переговоров. Стороны подтвердили приверженность мирному урегулированию разногласий, совместному преодолению возникающих на море ситуаций, в том числе при задержании рыболовческих судов в спорных зонах. Они также обязались избегать действий, которые могли бы осложнить положение в акватории⁷.

Уже спустя два месяца произошел очередной виток обострения: Китай выразил протест в связи с ведением Вьетнамом буровых работ в спорных районах. Однако это не только не привело к отмене государственного визита Си Цзиньпина в СРВ, приуроченного к 25-му саммиту АТЭС в Дананге (10–11 ноября 2017 г.), но и не отразилось на повестке дня переговоров. Несмотря на недавние события, в ходе встреч руководства двух стран прозвучали исключительно позитивные предложения — разрешать должным образом спорные морские вопросы, поддерживать мир и стабильность, работать вместе над Кодексом поведения сторон в ЮКМ⁸.

В схожем ключе прошли и встречи министра иностранных дел КНР Ван И, посетившего Вьетнам с визитом в апреле 2018 г., с руководством СРВ: преодолеть территориальные споры на море, как отмечалось, необходимо без ущерба для товарищеских, братских двусторонних отношений⁹.

В контактах с другими державами Ханой последовательно ищет поддержки своих подходов к территориальным спорам в ЮКМ.

Россия в данном конфликте выступает за мирное решение на основе международного права и консенсуса между участниками споров. Кроме того, Москва, которую и с КНР, и с СРВ связывают отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, не заинтересована в поддержке ни одной из сторон в ущерб дружбе с другой. В связи с этим Россия последовательно выступает за диалог между вовлеченными сторонами как форму урегулирования территориальных споров в ЮКМ и построение в АТР инклюзивной равной и неделимой архитектуры безопасности.

В то же время Вьетнам и Китай не оставляют попыток «перетянуть» Россию на свою сторону по вопросу ЮКМ, убедить в правоте необходимости поддержки именно своей позиции. Москве постоянно требуется поддерживать баланс в отношениях с двумя странами по данному чувствительному вопросу. Например, в Китае настороженно относятся к развитию военно-технических связей Вьетнама с Россией в части усиления возможностей СРВ контролировать морские пространства, а также расширению нефтегазовых проектов в ЮКМ. Так, 17 мая 2018 г. официальный представитель МИД КНР Лу Кан, отвечая на вопрос журналистов об отношении китайской стороны к бурению «дочки» «Роснефти» Rosneft Vietnam BV в ЮКМ, заявил, что «никакая страна, организация, компания или физическое лицо не может заниматься нефтегазовой разведкой или разработкой месторождений в китайских водах без разрешения Пекина»¹⁰.

Для США проблема территориальных споров в ЮКМ остается одним из ключевых инструментов американского давления на КНР, что логично сближает Вашингтон с оппонентами Пекина. После смягчения антикитайской риторики президента Филиппин Р. Дутерте Вьетнам фактически остался единственным ярым борцом за суверенитет в акватории.

В лице Вашингтона Ханой находит мощного «друга против» Китая. Действительно, намерение первого трансформировать расстановку сил в регионе, упрочив свои отношения с традиционными противниками КНР, в том числе с Индией, прослеживается в концепции так называемого Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), выдвинутой в последней Стратегии национальной безопасности США 2017 года¹¹. В этом документе Пекин, кроме всего прочего, обвиняется в подрыве свободы навигации, суверенитета других стран и стремлении дестабилизировать ситуацию в регионе. При этом Вьетнам назван партнером США в области безопасности и экономики, чье значение увеличивается. В американо-китайских отношениях, напротив, продолжают накапливаться негативные тенденции.

Солидарность подходов США и СРВ к проблематике ЮКМ упоминается практически на всех двусторонних встречах и активно используется Ханоем. В частности, в ходе официального визита в Ханой 8–9 июля 2018 г. госсекретаря США М. Помпео американский дипломат вновь подтвердил приверженность Вашингтона «свободному и открытому ИТР» и подчеркнул, что вместе с Ханоем они продолжат совместную работу по обеспечению свободы судоходства и воздушной навигации в ЮКМ¹².

Вьетнам также глубоко заинтересован в расширении военно-технических связей с США и закупках американских вооружений, которые стали возможны после снятия бывшим президентом США Б. Обамой эмбарго на поставки оружия в СРВ. Символическим в этом контексте стал первый после окончания вьетнамо-американской войны дружественный заход атомного авианосца ВМС США «Карл Винсон» в порт Дананг, окрестности которого особенно пострадали от хранившихся там американских дефолтантов, самый известный из которых «эйджент оранж».

Среди важных внешнеполитических партнеров Ханоя, на чью поддержку по ЮКМ он может рассчитывать, находится и Япония. Она стабильно выступает на стороне Вьетнама в территориальных спорах с Китаем, что несудивительно: кроме исторически сложных и конкурирующих японо-китайских отношений, политику Токио по ЮКМ определяет наличие собственных споров с Пекином по поводу суверенитета над островом Сенкаку, фактически контролируемым Японией. И если для Вьетнама развитие отношений с Японией — это возможность диверсифицировать свои внешнеполитические связи и найти поддержку против Китая, то для Японии это часть стратегии по большому вовлечению в дела Юго-Восточной Азии в целом.

В ходе двусторонних встреч руководство Японии стабильно заверяет вьетнамских коллег в своей поддержке. Так, премьер-министр Японии С. Абэ в ходе визита во Вьетнам в январе 2017 г. и во время ответного визита премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Японию в июне 2018 г. подтвердил готовность к сотрудничеству во имя обеспечения мира, безопасности и свободы навигации и полетов, а также призвал участников

споров воздержаться от действий, способных нарушить статус-кво в ЮКМ, решать разногласия исключительно мирными методами с опорой на международное право¹³.

Помимо политической поддержки Ханой получает от Токио и военно-техническую помощь, например, списанные корабли береговой охраны. Решение о передаче очередных шести кораблей было объявлено в ходе упомянутого визита С. Абэ во Вьетнам¹⁴ (символично, что впервые Токио заявил о безвозмездных поставках кораблей еще в 2014 г., после инцидента с установкой КНР буровой платформы в ЮКМ). Это позволяет Ханой укрепить свои позиции на море, увеличив количество патрулей, в том числе в спорных районах ЮКМ. Также в настоящее время ведутся переговоры о совместном производстве военной техники¹⁵.

Вьетнамские опасения по поводу деятельности Китая в ЮКМ разделяет и Индия, что позволяет включить ее в список условных политических союзников Ханоя. Нью-Дели неоднократно заявлял о своей поддержке идей о примате международного права при решении споров о суверенитете. Как и в случае с Японией, дополнительной опорой развития вьетнамо-индийских отношений выступает наличие у обеих сторон территориальных споров с Китаем: сухопутная китайско-индийская граница не делимитирована на ряде участков, в том числе в штате Аруначал-Прадеш.

В 2016 г. Вьетнам и Индия повысили уровень двусторонних отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства. Возросло число официальных визитов, ежегодных диалоговых механизмов по безопасности, активизируется сотрудничество по линии оборонных ведомств. Регулярно осуществляются мирные заходы кораблей ВМС Индии и Вьетнама в порты друг друга.

Растет значение Индии как поставщика военной техники во Вьетнам. Так, в январе 2017 г. премьер-министр Н. Моди объявил об увеличении кредитной линии для Ханоя на 500 млн долл. Вьетнам не только закупает корабли береговой охраны и приглашает индийских военных инженеров и техников для обслуживания своей техники, но и участвует в совместных проектах по производству оружия, в частности по модернизации противокорабельных ракет БраМос¹⁶.

Для Вьетнама выгодно, что индийская сторона выступила за обеспечение безопасности в ЮКМ как части пространства ИТР. В январе 2018 г. министр иностранных дел Индии С. Сварадж подтвердила позицию своей страны: «водные пространства [ИТР] должны быть более взаимосвязаны, оставаясь защищенными от традиционных и нетрадиционных вызовов безопасности, которые препятствуют свободному передвижению людей, товаров и идей. Уважение международного права, в частности Конвенции ООН по морскому праву, для этого обязательно»¹⁷.

Помимо двусторонних форматов Ханой придает большое значение многостороннему взаимодействию по вопросам безопасности в рамках международных и региональных институтов, таких, как ООН, АСЕАН, АРФ, АТЭС. Эта линия нашла оформление в упомянутой Белой книге.

Потенциал ООН как наиболее представительной и авторитетной международной площадки предоставляет вьетнамскому руководству возможности для освещения своих подходов по ЮКМ на наиболее высоком уровне. Ежегодно в сентябрьских сессиях Генеральной Ассамблеи ООН участвуют высокопоставленные представители СРВ. Проблематика ЮКМ — одна из тем их выступлений. Так, в 2016 г. глава вьетнамской делегации, министр иностранных дел Фам Бинь Минь вновь обратился к мировому сообществу с трибуны Генассамблеи, отметив, что международное право остается ключевым элементом стабильной международной архитектуры безопасности, и призвал стороны споров в ЮКМ воздерживаться от действий, которые могут привести к обострению ситуации, решать их мирным путем.

Однако фактически «равноудаленная» ООН, руководство которой выступает по ЮКМ исключительно с точки зрения необходимости соблюдения принципов между-

народного права, и одним из постоянных членов Совета Безопасности которой является КНР, открыто не осуждает ни одну из сторон — участниц споров, в том числе, что наиболее критично для Вьетнама, Китай. Инструментарий Ханоя в ООН, таким образом, довольно ограничен.

АТЭС, который изначально задумывался как форум, стимулирующий торгово-экономические связи в АТР, в последние годы становится все более политизированным. Несмотря на отсутствие четких отсылок к ЮКМ в итоговых документах саммитов и министерских встреч ввиду активного противодействия этому китайских дипломатов во время согласования текстов, заинтересованным странам все же удается отразить свою позицию по ЮКМ в совместных заявлениях по итогам двусторонних мероприятий в рамках АТЭС. По причине высокого интереса мирового сообщества к форуму, а также к внешнеполитической деятельности участвующих в нем крупнейших государств, подобные заявления мгновенно оказываются в центре внимания.

Так, в ходе упомянутого саммита лидеров АТЭС 2017 в Дананге Ханой вновь стремился найти баланс между осуждением Китая и проактивной позицией по ЮКМ, с одной стороны, и необходимостью поддержания стабильных соседских отношений с КНР — с другой.

Именно в Дананге Д. Трамп впервые озвучил название ИТР в выступлении на открытии саммита, подчеркнув необходимость обеспечения свободы и открытости в этом регионе, хотя и не разъяснив, что именно он понимает под ИТР, и заставив мировую общественность впоследствии выдвигать противоречивые предположения на этот счет. На выгодное для Вьетнама предложение США выступить в роли посредника в урегулировании споров в ЮКМ Китай ответил достаточно нейтрально, выразив надежду, что внерегиональные акторы будут с уважением относиться к усилиям сторон — участниц спора по урегулированию споров и сыграют в этом процессе конструктивную роль¹⁸.

Была организована встреча президентов СРВ и США, завершившаяся подписанием совместного заявления. Помимо логичных для АТЭС торгово-экономических пассажей, Вьетнам и США выразили солидарность и по вопросам ЮКМ. Они подтвердили приверженность мирному решению споров и свободе полетов и навигации в регионе, призвали стороны-участницы пересмотреть свои претензии в ЮКМ, исходя из положений Конвенции ООН по морскому праву¹⁹.

Вторым знаковым заявлением в части позиции Ханоя по ЮКМ стало вьетнамо-китайское заявление на АТЭС 2017. Поддержав принцип «одного Китая» и инициативу «Один пояс, один путь», Вьетнам добился включения в документ пункта о том, что «обе стороны будут надлежащим образом регулировать морские вопросы, постепенно развивая сотрудничество на море, и вместе стремиться к поддержанию мира и стабильности в ЮКМ»²⁰.

На саммитах АСЕАН складывается более противоречивая ситуация. Ослабление риторики по ЮКМ было отмечено на предпоследней, 31-й встрече АСЕАН на высшем уровне (13–14 ноября 2017 г., Манила). Представители принимающей стороны — Филиппин — избегали прямых антикитайских выпадов. Президент Р. Дутерте, выступая на бизнес-форуме АСЕАН, заявил, что «ЮКМ лучше не затрагивать», ведь «никому не хочется войны»²¹. Молчал в Маниле и Д. Трамп, прилетевший туда для участия в Восточноазиатском саммите прямо с саммита АТЭС в Дананге.

Положительно был воспринят Вьетнамом запуск официальных переговоров между КНР и АСЕАН по Кодексу поведения сторон, первый раунд которых прошел в марте 2018 г. в СРВ. Кроме того, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в переговорах с филиппинскими коллегами миролюбиво заявил, что Китай сильнее всех других стран мира заинтересован в защите мира, стабильности и свободы судоходства в ЮКМ²².

Аналогичная ситуация складывалась и накануне 32-го саммита АСЕАН в Сингапуре (27–28 апреля 2018 г.). Принцип консенсуса при принятии решений в АСЕАН был поставлен под удар ввиду крайне сложного процесса согласования Заявления Председателя. Ряд стран

АСЕАН, включая Камбоджу, к участникам споров в ЮКМ не относящуюся, добились вычеркивания большей части пунктов по ЮКМ, в т.ч. признание важности для процесса урегулирования решений Третейского суда в Гааге 2016 г. об отсутствии у Китая оснований для претензий на всю акваторию ЮКМ. Тесные связи Китая с некоторыми членами АСЕАН приводят к усложнению согласования общего подхода стран-участниц по ЮКМ.

Что касается ежегодного форума по безопасности «Шангри-Ла диалог», проводимого в Сингапуре, здесь Ханой стабильно находит широкую поддержку собственным подходам к проблеме ЮКМ. Позиции держав, традиционно выступающих антагонистами Китая, на нем сильны. Уровень их представительства на Форуме также высок.

На последнем мероприятии в 2018 г. американскую делегацию возглавил министр обороны Д. Мэттис, индийскую — премьер-министр Н. Моди, японскую — министр обороны И. Онодэра. Все они на полях Форума поддержали свободу навигации и полетов, причем в нововведенном в политический лексикон Индо-Тихоокеанском регионе. Д. Мэттис подчеркнул, что для США ИТР — приоритетное направление внешней политики, и они намерены «решительно противостоять» противоправной активности Китая в ЮКМ. Кроме того, Франция и Великобритания выразили намерение также направить в спорные зоны свои корабли.

Вьетнамскую делегацию на Форуме возглавил министр обороны Нго Суан Лить, встречи и выступления которого были посвящены развитию двустороннего и многостороннего военного сотрудничества с целью защиты интересов СРВ в ЮКМ.

Для Ханоя форум «Шангри-Ла» остается одной из площадок, где его позиция по ЮКМ находит наибольшую поддержку, что связано с наличием широкого круга стран-участниц, занимающих антикитайскую позицию.

Таким образом, участие в региональных международных организациях является одним из важных инструментов проецирования подходов Вьетнама к проблематике ЮКМ, позволяющих дополнительно привлечь к ней внимание мировой общественности.

В последние годы СРВ последовательно придерживается курса на интернационализацию территориальных споров в ЮКМ. В нормативно-правовой базе по внутренней и внешней политике Вьетнама закреплена однозначная позиция по суверенитету над спорными территориями. По линии двусторонних контактов Ханой активно ищет союзников, готовых встать на его сторону. Особо ему импонируют позиции США, Японии, Индии, открытых к расширению военно-технического сотрудничества. Нейтральная позиция России в СРВ воспринимается с сожалением. При этом непосредственно в отношении Китая Вьетнам действует в основном сдержанно, призывая к поступательному развитию добрососедских отношений и жестко реагируя исключительно в случае интенсификации военно-политической активности КНР. На международных площадках Вьетнам также взял линию на интернационализацию вопроса о территориальных спорах и укрепление поддержки своих подходов со стороны многосторонних организаций, добиваясь включения пунктов по ЮКМ в итоговые документов саммитов и иных встреч. Указанные тенденции в политике Ханоя в среднесрочной перспективе, вероятно, останутся неизменными.

1. Luật biên giới quốc gia: [Закон о государственной границе]. URL: http://vanban.chinhphu.vn/portal/page/portal/chinhphu/hethongvanban?class_id=1&_page=1&mode=detail&document_id=93588.
2. Коммунистическая партия Вьетнама. Документы XII съезда. Ханой: Гос. полит. изд-во, 2016. С. 34.
3. Там же.
4. Там же. С. 144.
5. Там же. С. 148.

6. Sách trắng quốc phòng Việt Nam: [Белая книга по вопросам национальной обороны Вьетнама]. URL: <http://www.mod.gov.vn/wps/wcm/connect/e1c352c1-0fb5-4107-8642-ae500e70dd7b/2009vie.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=e1c352c1-0fb5-4107-8642-ae500e70dd7b>.
7. Kết quả quan trọng trong chuyến thăm Trung Quốc của Chủ tịch nước Trần Đại Quang: [Основные итоги визита президента Чан Дай Куанга в Китай]. Информационный портал «Занчи». URL: <http://dantri.com.vn/chinh-tri/ket-qua-quan-trong-trong-chuyen-tham-trung-quoc-cua-chu-tich-nuoc-tran-dai-quang-20170516085302062.htm>.
8. Vietnam and China avoid quarrel over South China Sea. Информационное агентство «Рейтер». URL: <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-china/vietnam-china-avoid-quarrel-over-south-china-sea-during-visit-idUSKBK1DC0P7>.
9. Wang Yi pays an official visit to Vietnam. Сайт министерства иностранных дел КНР. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1547905.shtml.
10. Роснефть угодила в межгосударственный конфликт. Электронное издание газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/18/769892-rosneft-ugodila-mezhgosudarstvennii-konflikt>.
11. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
12. US, Vietnam to Cooperate on Freedom of Navigation in Disputed South China Sea. Информационный онлайн портал «Голос Америки». URL: <https://www.voanews.com/a/us-vietnam-to-cooperate-on-freedom-of-navigation-in-disputed-south-china-sea/4475002.html>.
13. Japanese PM Shinzo Abe wraps up Vietnam visit. Онлайн издание газеты «Нянзан». URL: <http://en.nhandan.com.vn/politics/external-relations/item/4947602-japanese-pm-shinzo-abc-wraps-up-vietnam-visit.html>.
14. Vietnam wooing Japanese high-tech investment, premier says during Shinzo Abe's visit. Онлайн издание газеты «The Straight Times». URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/vietnam-wooing-japanese-high-tech-investment-premier-says-during-shinzo-abes-visit>.
15. Military Meeting Puts Japan-Vietnam Defense Ties in the Headlines. Онлайн журнал «The Diplomat». URL: <https://thediplomat.com/2018/01/military-meeting-puts-japan-vietnam-defense-ties-in-the-headlines/>
16. India firming up military ties with Vietnam. Онлайн журнал «The Economic Times» URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-firming-up-military-ties-with-vietnam/articleshow/53014998.cms>.
17. Why the Vietnam President's India Visit Matters for Security Ties. Онлайн журнал «The Diplomat». URL: <https://thediplomat.com/2018/03/why-the-vietnam-presidents-india-visit-matters-for-security-ties/>
18. 2017 нянь 11 юэ 13 жи вайцзябу фаяньжэнь Гэншуан чжучи цичжэхуэй: [Очередная пресс-конференция официального представителя Министерства иностранных дел Гэншуана от 13 ноября 2017 г.] Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР.
19. Joint Statement between the United States of America and the Socialist Republic of Vietnam. November, 12, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-united-states-america-socialist-republic-vietnam/>
20. Чжуньюэ лянхэ шэнмин: [Совместное китайско-вьетнамское заявление] Сайт информационного агентства «Синьхуа». URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-11/13/c_1121949420.htm.
21. South China Sea dispute 'toned down' at ASEAN meeting. Сайт информационного агентства «Никкэй». URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/South-China-Sea-dispute-toned-down-at-ASEAN-meeting>.
22. Ibid.

Экономика

Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов

© 2018

Л.Б. Вардомский

Динамичное развитие российско-китайских торговых связей опирается на небольшое количество российских регионов. Концентрация товарооборота отражает приоритеты Китая средн российских регионов. Среди них выделяется группа расположенных на востоке РФ регионов — поставщиков топлива и сырья, и регионы европейской части, характеризующиеся большой потребительской емкостью. В целом же удаленные, но потребителски емкие европейские регионы во главе с Москвой заметно преобладают как в импорте, так и в экспорте. Но ситуацию может изменить активизация инвестиционной деятельности КНР в РФ, а также реализация ряда крупных транспортных проектов и развитие логистики, обеспечивающей взаимные торговые связи.

Ключевые слова: Россия, Китай, торговые связи, пространственная структура, инфраструктура, региональная экономика, развитие.

DOI: 10.31857/S013128120002689-8

Торговые отношения с Китаем являются одной из наиболее динамичных составляющих внешнеэкономических отношений России. В результате за 2008–2017 гг. по объему торговли Китай значительно приблизился к ЕС — крупнейшему торговому партнеру России. В 2008 г. товарооборот РФ и ЕС в 5,5 раз превосходил российско-китайскую торговлю, в 2013 — в 4,7 раза, в 2016 г. — в 3 раза и в 2017 г. — в 2,9 раза. Руководством обеих стран поставлена задача в обозримом будущем довести взаимную торговлю до 200 млрд долл.¹ Это означает, что объемы товарооборота РФ и КНР могут вплотную приблизиться к объемам российско-европейской торговли.

При таком развитии товарооборота следует ожидать усиления его влияния на пространственное развитие обеих стран. В экономической науке доказана взаимосвязь между внешнеэкономической деятельностью и пространственным развитием. В частности, влияние внешней торговли на экономическое развитие регионов России подтверждено эконометрическим исследованием И. Коргуна и К. Кумо². В то же время эконометрическое исследование М.Ю. Малкиной показало, что вклад прямых иностранных инвестиций в рост региональных экономик невелик. Также невелико их влияние на сокращение межрегиональных различий, что объясняется высокой концентрацией ПИИ в небольшом числе российских регионов³.

В практическом плане важность внешних факторов в пространственном развитии России иллюстрируют развитие инфраструктуры, обслуживающей международные

Вардомский Леонид Борисович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН. E-mail: wardom@yandex.ru.

связи, освоение минеральных ресурсов на основе привлечения иностранных капиталов и технологий, например, добыча нефти и газа на шельфе Охотского моря, реализация проекта «Ямал СПГ», создание новых центров автостроения на основе промышленной сборки из импортных узлов и компонентов и т.п.

Вопросы российско-китайских отношений находятся под пристальным вниманием российских и зарубежных ученых. Однако региональные аспекты российско-китайского сотрудничества в исследованиях в основном касаются дальневосточных и приграничных с Китаем регионов России. Здесь следует упомянуть труды М.В. Александровой, П.Я. Бакланова, П.А. Миннакира, А.Н. Новопашиной, Н.П. Рыжовой. В то же время сегодня явно недостает работ, исследующих влияние взаимных торгово-экономических связей на развитие российского и китайского пространства, поскольку обе страны сталкиваются с необходимостью гармонизации пространственной структуры экономики, городских и транспортных сетей.

В настоящей статье акцент делается на особенностях участия отдельных регионов России во внешнеэкономических связях с Китаем, оценке китайских приоритетов на российском пространстве и того, как это сказывается на развитии российских регионов.

Некоторые особенности развития российско-китайских торговых связей

Во внешнеторговых связях России с начала 2000-х годов доля Китая устойчиво увеличивается. Это тесно связано с ростом веса Китая в мировой торговле. Если в 2001 г. на его долю приходилось 4,2% мировой торговли, то в 2008 г. — 8,2%, а в 2017 г. уже 11,8%. Одновременно происходил стремительный рост доли этой страны в мировой экономике. Если в 2000 г. на Китай пришлось 3,6% мирового ВВП по номиналу, то в 2017 г. его доля достигла 15,2%. Для сравнения: доля ЕС, другого соседнего с Россией мегацентра мировой экономики, в 2017 г. равнялась 21,5%. В мировом ВВП, исчисленном по ППС, доля КНР немного превышала долю ЕС, соответственно 18,2 и 16,6%⁴.

Другая причина роста веса Китая во внешнеэкономических связях России связана с геополитическими факторами. Во второй половине 2000-х годов, после того как выявились принципиальные различия России и ЕС в подходах к созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, в России стали уделять больше внимания восточному вектору торгово-экономических связей. Тенденцию на ускоренное развитие внешнеэкономических связей России и Китая заметно усилил геополитический конфликт с коллективным Западом после государственного переворота на Украине и последовавших за ним событий.

Третья причина обусловлена двумя первыми, но имеет и самостоятельное значение: в России стал реализовываться курс на устойчивое развитие дальневосточных регионов с целью прекращения депопуляции Сибири и Дальнего Востока, достижения более гармоничного развития российского пространства.

Тем не менее, РФ и ЕС связывают значительно более интенсивные торгово-экономические отношения, чем РФ и КНР (табл. 1). Российская и европейская экономики несколько столетий развивались в тесном взаимодействии. Это обусловлено исторической ролью Европы в развитии России благодаря географической близости ядра российской государственности к ведущим европейским странам, обращенности России своей наиболее развитой частью к Европе. Взаимное сопряжение развития усилилось в период широкого экономического сотрудничества со странами Восточной Европы в рамках социалистической экономической интеграции, в ходе которого была создана разветвленная транспортная сеть, включая газо- и нефтепроводы, идущие в Европу, выстроена логистика взаимных торговых связей.

Таблица 1

Соотношение ЕС и КНР во внешнеэкономических связях РФ в 2013–2017 гг.

Показатели	Европейский союз			Китай		
	2013	2016	2017	2013	2016	2017
Экспорт, млрд долл.	283,4	130,5	161,2	35,6	28,0	38,9
Доля в экспорте, %	54,3	46,3	45,7	6,8	9,9	10,8
Импорт, млрд долл.	134,2	69,9	86,8	51,6	38,1	48,0
Доля в импорте, %	39,3	36,5	37,9	16,9	19,9	21,1
Оборот, млрд долл.	417,6	200,4	248,0	87,2	66,1	86,9
Доля в обороте, %	48,4	42,3	42,0	10,5	14,0	15,1
КТЭС	2,06	1,13	1,32	0,73	0,53	0,63

Источники: ФТС РФ, ВТО, Мировой банк.

Лидирующая роль ЕС во внешнеэкономических связях России и весомая роль России во внешнеэкономических связях ЕС при отсутствии формальных взаимных торговых преференций объясняется активной интеграцией «снизу» в период рыночной трансформации, быстрым развитием во взаимных отношениях горизонтальных связей на корпоративном уровне в виде производственных и сбытовых сетей, трансевропейских цепочек добавленной стоимости. Однако, как показывает опыт последнего времени, эти отношения не защищены от геополитического противоборства. Используя с 2014 г. механизмы санкций в геополитической борьбе и идя на крупные экономические потери, стороны пытаются экономически ослабить друга, что сказывается на объемах взаимных связей. За 2013–2016 гг. они сократились более чем в 2 раза. Впрочем, этот спад был обусловлен не только геополитическими причинами, но и резким падением мировых цен на углеводороды. В 2017 г. благодаря повышению цен на нефть и газ европео-российский товарооборот вырос почти на 24%.

Иначе шло развитие торгово-экономических связей РФ и Китая. В историческом плане они были крайне ограничены из-за взаимной удаленности и неразвитой инфраструктуры. Успешно развивавшиеся в послевоенный период советско-китайские экономические связи в результате идеологических разногласий были прерваны в конце 1950-х годов и заморожены на 30 лет. В конце 70-х годов Китай начал глубокие экономические реформы на основе «инвестиционно-экспортной» модели развития, осуществлявшейся путем создания специальных экономических зон с широкими преференциями для иностранных инвесторов⁵.

Иностранных инвесторов привлекала низкая стоимость рабочей силы и невысокая стоимость морских перевозок. Прозекспортная индустриализация Китая опиралась на рынки особых территорий Гонконга и Тайваня, соседних Японии, Южной Кореи, Австралии, а также США, Германии, Великобритании, и на бизнес-поддержку мировой китайской диаспоры. К моменту нормализации отношений с РФ в начале 1990-х годов. Китай сильно продвинулся по пути модернизации народного хозяйства и начал широкую экспансию в мировую экономику. Россия же испытала грандиозный трансформационный спад, лишилась многих высокотехнологичных производств, в результате чего усилилась ее топливно-сырьевая специализация в мировой экономике. Формирование новых российско-китайских отношений происходило уже в условиях, когда Китай превратился в «мировую фабрику», а Россия — укрепила свою глобальную функцию поставщика на мировой рынок топлива и сырья.

В 2001 г. страны подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Летом 2005 г. было завершено юридическое оформление границы между двумя государствами. Это стало основой для формирования широкой институциональной базы сотрудничества в виде двусторонних документов, программ, организаций. В рамках все-

объемлющего партнерства и стратегического взаимодействия складывается система российско-китайских соглашений на корпоративном уровне, прежде всего в сфере энергетики. На основе этих соглашений был построен нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан с ответвлением от Сковородино на внутренние районы Китая. Сейчас по трассе нефтепровода строится газопровод «Сила Сибири», по которому в конце 2019 г. газ начнет поступать в Китай.

Двусторонний формат сотрудничества дополняется взаимодействием в рамках ШОС. иницированного КНР мегапроекта «Один пояс, один путь», по линии ЕАЭС — КНР. Примечательно, что расширение и углубление институциональной основы взаимного сотрудничества пришлось на период обострения геополитических противоречий между РФ и Западом и между КНР и США. Совпадающие геополитические интересы образуют серьезную движущую силу в их стратегическом партнерстве. Но одновременно возрастает значение экономических мотивов. Китай стремится диверсифицировать рынки сбыта своих товаров, источники получения топлива и сырья, пути сообщения с внешними рынками и поставщиками топлива и сырья. Россия хотела бы создать альтернативные рынки для товаров своего экспорта и коммуникации для их доставки. Важной задачей России является наращивание несырьевого экспорта, и громадный китайский рынок может этому поспособствовать. И Россия, и Китай стоят перед необходимостью сбалансировать национальное экономическое пространство, используя потенциал взаимного экономического сотрудничества, подтянуть отстающие периферийные территории к среднестрановому уровню.

Быстрое развертывание институтов экономического сотрудничества происходит при запаздывании создания соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей взаимные связи, и сложностях корректировки внутреннего нормативного регулирования, в котором сильна инерция традиций протекционизма. Кроме того, взаимные связи сдерживает различная бизнес-культура и отсутствие должного коммерческого доверия⁶. На практическое воплощение проектов сотрудничества отрицательно влияет и санкционная активность Запада, отпугивающая китайских инвесторов и сужающая финансовые возможности российских компаний, а также несовпадающие экономические интересы, обусловленные особенностями национальных стратегий развития. За 2013–2016 гг. товарооборот стран сократился, но значительно меньше, чем с ЕС — на 24%. Но в 2017 г. он на такой же процент увеличился.

Торговля между РФ и КНР, так же, как и между РФ и ЕС, построена на основе модели обмена топлива, сырья, материалов на готовые изделия с высокой добавленной стоимостью. Разница в том, что у РФ с КНР складывается отрицательный торговый баланс, а с ЕС — он устойчиво положительный. Это объясняется различиями в объемах российского экспорта углеводородов. В ЕС он многократно больше, чем в КНР. В 2017 г. в ЕС из РФ было поставлено 177 млн т нефти и 194 млрд куб. м природного газа. В КНР же было экспортировано около 53 млн т нефти. В части же импорта Китай предлагает схожий ассортимент товаров, что и Европа, но с более выгодным для российских потребителей соотношением цена/качество.

Отраслевая структура инвестиций КНР в РФ в целом повторяет товарную структуру российского экспорта в Китай. В них преобладает нефтяная и газовая промышленность, нефтехимия, добыча металлургического сырья, а также лесная промышленность. Возрастают вложения в производство сельскохозяйственной продукции. Однако в накопленных прямых инвестициях России доля КНР пока не превышает 5%. Инвестиции из стран ЕС не только многократно больше по объему, но и значительно более диверсифицированы по отраслям⁷.

По связанности экономик с РФ КНР также заметно уступает ЕС (табл.1). Для ее измерения использовался коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС), в котором объем взаимной торговли соотносится с суммарным ВВП России и ее партнеров (в номинальном виде). Полученная величина умножается на 100. За рассматриваем-

мый период теснота торговых связей экономик РФ и ЕС, РФ и КНР сократилась, что означает более медленный рост торгового оборота по сравнению с суммарным ВВП или, в случае с ЕС, более сильное падение торговли в сравнении с падением суммарного ВВП. Но если для КТЭС РФ и КНР характерно плавное снижение, то КТЭС РФ и ЕС совершил резкое падение в 2013–2016 гг., что явилось отражением совместного влияния геополитики и сложившейся модели товарообмена. В случае КНР геополитическое партнерство не в состоянии преодолеть сдерживающее действие слабой инфраструктуры, сложившейся модели товарообмена и разных бизнес-культур, а также в пространственных пропорциях экономики, сложившихся в странах: в РФ 70% экономики расположено в европейской части страны, а в Китае примерно столько же — в его приморской и центральной частях⁸. Это означает, что наиболее сильные в экономическом плане регионы КНР и РФ разделяют 8–10 тыс. км внутриконтинентального евразийского пространства.

Российские регионы во взаимной торговле РФ и КНР

Непосредственное влияние КНР на российское экономическое пространство связано с распределением взаимного товарооборота и китайских инвестиций по отдельным российским регионам. По направленности внешнеторгового тяготения, оцениваемого на основе географического распределения внешней торговли субъектов РФ, пространство России условно можно разделить на две основные зоны — *западную* и *восточную*. Западная зона тяготеет к Европе, что выражается в высокой доле европейских стран во внешней торговле многих российских регионов (примерно в 30 из них она превышает 50%). Ее восточный рубеж доходит до Иркутской области, а на юге включает Краснодарский край. Экспортная база России для Европы располагается в основном за Уралом, импорт же из Европы потребляется главным образом в европейской части страны. Там же размещается большая часть европейских инвестиций.

Восточная зона тяготеет преимущественно к рынкам Китая, а также Южной Кореи и Японии, и включает регионы Дальневосточного федерального округа и прибайкальские регионы Сибирского федерального округа (всего около 10 регионов с долей упомянутых стран в их внешнеторговом обороте более 50%).

Такое деление российского пространства по внешнеэкономическому тяготению подтверждают различия в долях КНР в общем внешнеторговом обороте разных территориальных таможенных управлений. Самая высокая доля КНР в регионах, находящихся в юрисдикции Дальневосточного таможенного управления (ТУ) (табл.2). В нее входят субъекты РФ, относящиеся к одноименному федеральному округу. Далее, по мере движения на запад, доля КНР во внешней торговле ФО сокращается, и самые низкие значения наблюдаются в регионах, относящихся к Приволжскому и Южному ТУ, соответственно, к одноименным ФО. При этом среднероссийские показатели доли КНР в экспорте, импорте и обороте весьма близки к показателям Центрального ТУ, на которое приходится оформление более половины торговли РФ с КНР.

Распределение российско-китайского товарооборота по ФО имеет иную пространственную структуру. Оно практически совпадает с распределением валового регионального продукта между Европейской частью, Уралом (Уральский ФО), и Восточными регионами: Сибирью и Дальним Востоком (Сибирский и Дальневосточный ФО). Окруженно эта пропорция имеет вид 70: 10: 20. Причем для импорта в РФ из КНР она имеет вид 80:10:10, а для экспорта из РФ в КНР — 60: 10: 30.

Распределение внешней торговли Китая по регионам РФ отражает пространственную структуру экономических интересов этой страны в России. Хотя сегодня китайский бизнес присутствует в 74 субъектах РФ из 85, а в торговлю с КНР так или иначе вовлечены практически все регионы, для экспорта и импорта характерна высокая концентрация в небольшом их числе, среди которых резко выделяется Москва (табл. 3, 4). Сре-

ди 14 крупнейших регионов-экспортеров в КНР 4 расположены в европейской части, 2 — в Уральском ФО, 4 — в Сибирском ФО и 4 — в ДВФО. Причем у 10 из этих 14 регионов доля КНР в экспорте превышает среднероссийскую долю.

Таблица 2

Участие в торговле с КНР федеральных округов в 2017 г.

Таможенные управления	Экспорт млн долл.	Импорт млн долл.	Оборот млн долл.	% в экспорте	% в импорте	% в обороте
Дальневосточное	5080	2690	7770	22,8	42,8	27,2
Сибирское	6323	2370	8693	19,1	31,9	21,4
Уральское	3606	4919	8525	11,3	35,3	18,6
Северокавказское	79	320	399	6,8	28,4	17,4
Центральное	18733	28658	47391	10,8	20,4	15,1
Северо-Западное	2981	5993	8974	7,2	16,7	11,6
Калининградское	115	726	841	9,4	10,3	10,2
Приволжское	1628	1745	3373	4,6	13,3	7,1
Южное	416	1299	1715	2,6	15,3	6,9

Источник: Рассчитано автором (на основе статистики региональных таможенных управлений).

Таблица 3

Субъекты РФ с объемом экспорта в КНР более 0,5 млрд долл. в 2017 г.

Регионы	Объем экспорта в КНР, млн долл.	Доля в общем экспорте РФ в КНР, %	Доля КНР в общем экспорте региона, %
1. Москва	17402	44,7	11,7
2. Иркутская обл.	3323	8,5	53,9
3. Ханты-Мансийский АО	2748	7,1	19,0
4. Хабаровский край	1457	3,7	68,7
5. Санкт-Петербург	1170	3,0	5,4
6. Сахалинская обл.	1126	2,9	10,6
7. Приморский край	1114	2,8	36,3
8. Ленинградская обл.	1064	2,7	18,9
9. Красноярский край	1016	2,6	16,8
10. Кемеровская обл.	687	1,8	5,0
11. Свердловская обл.	597	1,5	8,6
12. Саха (Якутия)	584	1,5	12,2
13. Башкортостан	547	1,3	12,8
14. Новосибирская обл.	507	1,2	24,1
Всего данные регионы	33342	85,5	—
Всего РФ	38922	—	10,8

Источник: данные региональных таможенных управлений.

У всех крупнейших регионов-экспортеров в вывозе преобладают минеральные и лесные ресурсы. У половины из них экономика имеет ярко выраженный сырьевой характер. Среди крупнейших экспортеров наиболее высокие доли у Хабаровского края и Иркутской области. Ну, а самые высокие доли у Еврейской АО — 99% и Амурской области — 89%, которые не выделяются абсолютными объемами экспорта

Импорт из КНР характеризуется несколько большей концентрацией по сравнению с экспортом. На 12 крупнейших регионов-импортеров приходится столько же, сколько

на 14 регионов-экспортеров. Такая концентрация получается в основном за счет Московского региона, который поглощает более 55% всего импорта из КНР. При этом 7 регионов находятся в европейской части, 2 — в УРФО, 1 — в Сибирском ФО и 2 — в Дальневосточном, причем только у 4 субъектов РФ доля КНР в импорте превышает среднероссийское значение.

Таблица 4

Субъекты РФ с объемом импорта из КНР более 0,5 млрд долл. в 2017 г.

Регионы	Объем импорта из КНР, млн долл.	Доля в общем импорте РФ из КНР, %	Доля КНР в общем импорте региона, %
1. Москва	21546	44,8	21,8
2. Санкт-Петербург	4688	9,8	20,5
3. Московская область	4570	9,5	20,3
4. Ямало-Ненецкий АО	3523	7,3	68,8
5. Приморский край	2138	4,4	57,0
6. Калужская обл.	902	1,9	17,1
7. Новосибирская обл.	803	1,7	36,9
8. Свердловская обл.	729	1,5	19,7
9. Калининградская обл.	728	1,5	10,3
10. Краснодарский край	586	1,2	12,7
11. Ростовская обл.	557	1,1	19,3
12. Забайкальский край	516	1,1	87,5
Всего данные регионы	41196	85,8	—
Всего РФ	48042	—	21,2

Источник: данные региональных таможенных управлений.

Регионы — крупнейшие импортеры китайских товаров располагают либо емким внутренним рынком (Москва, Московская и Калужская области, Новосибирская и Свердловская области), либо в них размещаются крупные порты и пограничные пункты пропуска — Приморский и Забайкальский края, Калининградская обл., либо присутствуют оба фактора (Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ростовская обл.). Значимое место ЯНАО объясняется поставками китайского оборудования для газовой промышленности и создаваемой в округе инфраструктуры в рамках проекта «Ямал СПГ».

Самые высокие доли среди крупнейших импортеров у ЯНАО и приграничного Забайкальского края. Среди прочих регионов-импортеров выделяются Еврейская АО — 98%, Амурская обл. — 86%. Приграничные регионы играли ключевую роль в «челночной» торговле, объемы которой достигали нескольких млрд долл. Сегодня, благодаря введению ряда таможенных ограничений на приграничную торговлю граждан и созданию инфраструктуры цивилизованной торговли, деятельность «челноков» заметно сократилась.

Особая роль Москвы объясняется, с одной стороны, емким рынком, крупнейшим финансовым центром и центром операций с недвижимостью, а с другой — централизацией управленческих и политических функций, концентрацией таможенного обслуживания экспорта углеводородов и ряда товаров минерально-сырьевой группы. Привлекательность Москвы отражала деятельность (до 2009 г.) крупнейшего в стране мелкооптового рынка по реализации китайских товаров с многомиллиардным оборотом в Черкизово («Черкизон»). Именно благодаря центральному положению и развитым коммуникациям Москва стала главным посредником распространения китайских товаров по европейской России. На Москву в начале 2018 г. пришлось 33% всех зарегистрированных в РФ компаний с участием физических и юридических лиц из КНР⁹. На Москву приходится большая часть трансграничной электронной торговли России, товары для которой в ос-

новном производится в КНР. К тому же Москва является наиболее привлекательным местом для китайских туристов. Сюда устремляется 3/4 общего туристического потока из Поднебесной¹⁰, который за 2008–2017 гг. вырос в 11,5 раз: с 128 тыс. до 1480 тыс. человек¹¹. Для обслуживания этого потока с участием китайского капитала создана соответствующая инфраструктура, включающая гостиницы, рестораны, магазины, деятельность которых стимулирует импорт из КНР. Поток российских туристов в Китай в 2017 г. составил около 2 млн человек, что несколько меньше, чем в начале 2010-х годов, когда он превышал 3 млн человек. На динамику туристического движения большое влияние оказывает курс рубля. Его падение в 2013–2015 гг. стимулировало быстрый рост турпотока из КНР и ограничивало встречный поток из России.

О влиянии торговли с КНР на развитие российских регионов

Для оценки значимости торговли с КНР для экономики российских регионов был использован коэффициент торгового влияния в виде количества долларов российско-китайского товарооборота региона, приходящихся на 1000 руб. его ВРП в текущих ценах. В среднем по РФ показатель КТВ Китая в 2016 г. составил 0,96 долл., что было в 1,7 раза меньше, чем в 2013 г. — 1,61 долл. Для сравнения: КТВ для торговли с ЕС составил в 2016 г. 2,89 долл., против 7,72 долл. в 2013 г.

Таблица 5

Регионы РФ с наиболее высоким КТВ и его влияние на экономический рост

Регионы	Объем товарооборота с КНР в 2016 г., млн. долл.	КТВ в долл. взаимной торговли на 1000 руб. ВРП	Индекс ВРП в текущих ценах за 2013–2016, %	Среднегодовой индекс физ. объема ВРП в постоянных ценах в 2013–2016 гг., %
Приморский край	2919	3,96	127,6	99,0
Иркутская обл.	2682	2,51	132,7	102,5
Москва	29303	2,05	121,0	100,0
Калининградская обл.	768	2,00	138,9	101,3
Ямало-Ненецкий АО	3890	1,98	142,7	103,3
Забайкальский край	489	1,86	114,7	97,9
Московская обл.	3694	1,70	140,0	102,1
Хабаровский край	1070	1,68	128,0	99,5
Амурская обл.	446	1,55	136,5	98,7
Санкт-Петербург	5250	1,40	150,2	101,6
В среднем по РФ	—	0,95	128,0	100,8

Источники: Территориальные управления ФТС, Росстат.

В 2016 г. наиболее высокие значение КТВ были у Приморского края — 3,96 долл. товарооборота с КНР на 1000 руб. ВРП (табл.5). У Еврейской АО, имеющей почти 100-процентную долю КНР во внешней торговле, это показатель был равен 1,28 долл. на 1000 руб. ВРП, т.е. был меньше, чем у первой десятки регионов по этому показателю. При этом следует учитывать, что в 2016 г. произошло максимальное падение внешнеторгового оборота с КНР при положительной динамике ВРП в текущих ценах, что несколько занижает влияние китайского торгового влияния на экономику регионов.

Регионы, лидирующие по КТВ, относятся к приоритетным для КНР с точки зрения экономических интересов этой страны в России. Они включают в себя 4 ближних приграничных региона, через которые происходит прямой выход китайских товаров

на российский рынок и из которых соседние китайские провинции получают необходимое им сырье, электроэнергию, топливо. Еще 4 составляют удаленные от Китая прибалтийские Санкт-Петербург и Калининградская область и Московский регион с его громадной на фоне России потребительской емкостью. Ямало-Ненецкий АО представляет формирующийся новый центр мирового производства природного газа, расположенный на Севморпути. Иркутская область относится к наиболее крупным поставщикам сырья для китайской экономики. Обращает на себя внимание, что в первой десятке регионов по величине КТВ 8 регионов имеют отрицательное сальдо внешней торговли с КНР, и только у Иркутской области и Хабаровского края экспорт превышает импорт.

Для оценки влияния торговли с КНР на развитие данных 10 регионов были использованы два показателя: динамика ВРП в текущих ценах и индекс роста темпов физического объема ВРП в постоянных ценах (табл. 5). По первому показателю у 6 из 10 регионов — лидеров по КТВ за 2013–2016 гг. были более высокие темпы, чем в среднем по РФ. У двух дальневосточных регионов они были на среднероссийском уровне, а у Москвы и Забайкальского края — ниже этого уровня. Другой показатель дает иные результаты. Все 4 приграничных региона испытывали в этот период среднегодовое падение ВРП. Нулевой рост наблюдался у Москвы. ВРП у Санкт-Петербурга и Калининградской обл. в этот период рос в среднем на 1,5% в год, а у остальных регионов на более чем 2% в год (табл. 5).

В целом оба показателя свидетельствуют об отставании в развитии соседних с КНР регионов России. Периферийность экономики российского Дальнего Востока, выражающаяся в сырьевой экономике, малой емкости регионального рынка, слабости социального капитала и инфраструктуры не позволяет использовать преимущества соседства с громадным китайским рынком, а сравнительно дешевый китайский импорт затрудняет в регионе как импортозамещение, так и диверсификацию экспортного производства.

Без специальных исследований трудно определить, как встроена торговля с КНР в региональный экономический рост. В некоторых случаях спрос китайского рынка может стимулировать рост региональной экономики. Но для обеспечения устойчивого роста необходимы инвестиции для наращивания производства традиционной или новой для китайского рынка продукции. Таких инвестиций в рассматриваемый период поступало недостаточно, а экспорт в КНР в 2013–2016 гг. имел переменчивую динамику.

Другой, еще более сильный фокус интересов китайских экспортеров и связанных с ними инвесторов нацелен на регионы с высоким потенциалом спроса на китайскую продукцию с высокой добавленной стоимостью. В этих регионах особенно активно формируются логистические сети, выводящие китайские товары на российский рынок. Но влияние импорта на рост региональной экономики имеет опосредованный характер. При этом ввоз китайских товаров в рассматриваемый период сокращался. Для широкого проникновения китайских товаров в европейские регионы естественным ограничителем служат большие расстояния, отделяющие их от китайских производителей.

В целом торговые связи с КНР до сих пор в большей мере выполняли функцию поддержания простого воспроизводства в регионах. Но ситуация в ближайшие годы может измениться благодаря наращиванию китайских инвестиций. В 2016–2017 гг. CNPC и Фонд Шелкового пути приобрели, соответственно, 20 и 9,9% акций в ПАО «Ямал-СПГ», Китайская инвестиционная корпорация приобрела 12,5% акций «Уралкалия» на сумму 2 млрд долл., корпорация Sinopec Group — 10% акций ПАО «Сибур Холдинг» (1,34 млрд долл.) и еще столько же приобрел Фонд Шелкового пути¹². Причем большая часть приобретенных активов располагается в регионах Уральского ФО.

Активизация транспортного сотрудничества

В весовом отношении экспорт РФ в КНР примерно в 9 раз больше, чем импорт. Только пятая часть российско-китайского товарооборота приходится на ближние к Ки-

таю регионы России. Более 70% товарооборота приходится на европейские регионы, удаленные от ближайшего пункта пропуска на российско-китайской границе на 4–6 тыс. км. При этом железнодорожная сеть РФ широко развернута в сторону Европы. Она и страны ЕС имеют в настоящее время 8 прямых соединений железных дорог и 6 через Беларусь, против 3 прямых и 3 — через Казахстан и Монголию соединений с железными дорогами Китая. Быстрый рост российско-китайского товарооборота и одновременно реализация федеральных программ развития Дальнего Востока столкнулись с ограниченной пропускной способностью Транссиба и БАМа, припортовых железных дорог, железнодорожных и автомобильных пунктов пропуска. Это обуславливает значительные транспортные издержки и продолжительное время обращения капитала, участвующего в российско-китайской торговле, высокую долю морского транспорта в обслуживании товарооборота европейской части России с КНР и другими странами Восточной Азии.

Тем не менее в рассматриваемый период наметился своего рода прорыв в транспортном обеспечении российско-китайских торговых связей. Он связан со строительством новых железных дорог в Казахстане и пограничного перехода Хоргос в рамках Северного коридора Трансазиатской железнодорожной магистрали (Китай — Казахстан — Россия — Белоруссия — ЕС), заметно сократившим (почти на 1000 км) путь из центрально-западных и южных провинций Китая в европейскую Россию и Европу¹³. Благодаря транспортным новостройкам соседней страны и широкому соприкосновению железных дорог России и Казахстана (11 железнодорожных переходов) китайский рынок стал более доступен в транспортном отношении не только для европейской части РФ, но и для Урала и Западной Сибири.

Другое направление адаптации транспорта, обслуживающего связи приграничных регионов, — расширение числа соединений транспортных сетей РФ и КНР. В частности завершается строительство автодорожного моста через Амур в районе Благовещенска и железнодорожного моста в районе пограничного пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян. Одновременно начата реализация проектов транспортных коридоров «Приморье 1 и 2». Предполагается, что «Приморье-1» соединит Харбин через Суйфэньхэ и Гродеково с портами Владивосток, Находка и Восточный, через которые будут осуществляться перевозки между провинцией Хэйлуунцзян и южными провинциями Китая, а также между ней и странами АТР¹⁴. Коридор «Приморье-2» призван дать кратчайший выход к морю провинции Цзилинь через Хунчунь и порт Зарубино. В порту Зарубино намечено создать крупный терминал для экспорта российского и транзита китайского зерна для рынков южного Китая и стран АТР. Порт Зарубино и китайский пограничный город Хунчунь предполагается соединить железной дорогой с китайской шириной колеи (1435 мм).

В настоящее время прорабатываются пути реализации Соглашения о создании экономического коридора РФ — МНР — КНР, в основе которого лежит модернизация железной дороги Улан-Удэ — Наушки — Улан-Батор — Эрлянь — Пекин — Тяньцзинь и строительство ряда новых линий соединяющих железнодорожные сети РФ и КНР через Монголию¹⁵. Это кратчайший путь, связующий Москву и Пекин (7622 км), а также провинции Хэбэй, Тяньцзинь и Ляонин.

Реализацией названных проектов Китай стремится улучшить транспортные условия модернизации экономики провинций Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии, которые отстают по темпам развития от ведущих провинций страны. Россия же через инфраструктурное сотрудничество с соседями пытается оживить экономическую жизнь своих приграничных регионов. В РФ в настоящее время проводятся работы по модернизации железной дороги Карымская — Забайкальск, расширению пропускной способности восточных участков Транссиба и БАМа, подходов к морским портам, некоторых пограничных пунктов пропуска.

Важным фактором, принципиально меняющим логику взаимной торговли, стало подписанное 8 июня 2018 г. Соглашение об автомобильном сообщении между РФ и КНР, которое открывает возможности прямых автомобильных перевозок между широким кругом городов обеих стран. Но для этого нужно существенно расширить пропускную способность автомобильных пунктов пропуска.

Логистику взаимной торговли серьезно улучшила контейнеризация взаимных перевозок и широкое внедрение ускоренных контейнерных поездов на трансконтинентальном транзитном сообщении между КНР и ЕС. Интерес КНР к евразийскому транзиту связан с возможностью быстрой доставки продукции на рынки Европы и стран Западной Азии. Европу и КНР связывает мощный товарооборот, стоимость которого в 2016 г. превышала 600 млрд долл. На сухопутный вариант пока приходится 2–3% от общей массы контейнеров, перемещаемой Китаем и ЕС. Более быстрый и надежный способ доставки товаров на внешние рынки по суше позволяет повысить конкурентоспособность китайских товаров, укрепить их позиции на внешних рынках¹⁶. В развитии «Шелкового пути» просматривается стремление КНР максимально дифференцировать варианты сообщения с мировыми рынками для обеспечения геополитической устойчивости своей экономики.

Перевозки между Китаем и Европой осуществляются как по Транссибу, так и по Северному коридору Трансазиатской железнодорожной магистрали, проходящему через Казахстан. Этот вариант, как более короткий и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута), оказался более востребованным для главных поставщиков товаров, расположенных в центральной и южной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чанша, Чэнду и т.д.), на европейский рынок. К казахстанскому маршруту тяготеет также большая часть торгового потока между КНР и странами Центральной Азии и растущая часть торговли с европейской частью РФ.

Перелом транзитных контейнерных перевозок в пользу казахстанского варианта произошел в 2015 г. В 2014 г. основная часть транзита на направлении КНР — ЕС — КНР шла через Забайкальск, а уже в 2016 г. 2/3 объема контейнерных железнодорожных перевозок выполнялась через казахстанские пограничные пункты пропуска¹⁷.

Спрос компаний КНР на трансатлантический транзит стимулируется субсидиями из провинциальных и городских бюджетов. Однако по мере роста объема железнодорожных перевозок и их ускорения, а также сдвига экономики КНР на запад, значение субсидий для привлечения транзита будет сокращаться.

К транзиту по Транссибу с точки зрения общей протяженности пути в Европу тяготеют в основном северные и северо-восточные регионы КНР. В 2017 г. по Транссибу было перевезено около 170 тыс. ДФЭ транзитных контейнеров, из которых около 70% пришлось на КНР, а остальное на Южную Корею и Японию. Транссибирская и казахстанская ветви китайского транзита соединяются в единый маршрут в районе Южного Урала, и далее он следует на Брест или балтийские порты.

Интересы России в развитии трансатлантического транзита по направлению КНР — ЕС связаны с тем, что он стимулирует модернизацию национального транспорта и логистики. Это улучшает условия их участия во внешней торговле, что особенно важно при внутриконтинентальном положении большей части пространства России и КНР, способствует товарной диверсификации экспорта, улучшает транспортные возможности развития национальной экономики, способствует развитию связей между восточными и европейскими регионами страны и интеграции российского внутреннего рынка. Современные транспортно-логистические системы способствуют наращиванию несырьевого товарного экспорта из РФ в КНР и другие восточные страны.

Таким образом, спрос КНР на евразийский и дальневосточный транзит способствует развитию глобальных функций российского транспорта, его целенаправленной модернизации, что будет содействовать развитию российских регионов, расположенных на международных транспортных коридорах. Повышение взаимной транспортной дос-

тупности экономик РФ и КНР улучшает условия для наращивания российского экспорта в КНР сельскохозяйственной продукции. Размещение в последние годы в дальневосточных и сибирских регионах инвестиций по линии Российско-китайского фонда агропромышленного развития свидетельствует о стремлении КНР диверсифицировать источники внешних поставок сельхозпродукции. Наращивание сельскохозяйственного экспорта в КНР может стать существенным фактором ускорения развития восточных регионов РФ с достаточной высокой долей аграрного сектора в ВРП.

В заключение следует отметить, что и Россия, и Китай наметили на ближайшие годы реализацию программ повышения уровня жизни населения и перехода к инновационной экономике. Важную роль в решении этих задач призваны сыграть взаимные торгово-экономические связи, которые будут развиваться в условиях турбулентности мировой экономики. В связи с этим возрастает необходимость большей координации развития национальных экономик, включая и программы регионального развития.

1. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл.ред. И.С. Нванов] / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. С. 40.
2. Корзун И.А., Кумо К. Внешняя торговля и экономическое развитие российских регионов в 2000–2012 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 5. Вып. 2. С. 47–71.
3. Малкина М.Ю. Влияние прямых иностранных инвестиций на различия регионов РФ по уровню производства и динамику межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 59–80.
4. Данные Мирового банка.
5. Портяков В.Я. Шэньчженьский камертон. М.: ИД. Форум, 2017. С. 3; 85–101.
6. Российско-китайский диалог: модель 2017... С. 30, 38.
7. Для содействия взаимным инвестициям в 2012 г. был создан Российско-китайский инвестиционный фонд, а в 2014 г. — Межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству.
8. Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития региональной экономики Китая // Вестник МГУ. Сер. География. 5. 2014. № 4. С. 49–55.
9. Для сравнения: на Приморский край пришлось 11,1%, Санкт-Петербург — 6,2%, Амурскую обл. — 5,6% всех зарегистрированных в РФ компаний с китайским капиталом. См.: Кашиш В., Дружинин А. Как китайский бизнес наращивает присутствие в России // РБК. 25.04.2018. № 74. С. 13.
10. На китайских туристов в 2017 г. пришлось около 19% всего потока туристов из дальнего зарубежья. См.: Мерцалова А. Навстречу выезду // Коммерсантъ. 14.05.2018. № 101. С. 7.
11. Стат. сборник «Россия в цифрах» за соответствующие годы.
12. Новоселова Л.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте поворота России на Восток // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 150–163.
13. Вардомский Л.Б. Вопросы географии транзитных коммуникаций стран ЕАЭС // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 120–130.
14. В настоящее время обсуждается проект строительства высокоскоростной магистрали Суйфэнхэ — Владивосток, по которой китайские граждане смогут быстро добираться до игорной зоны, расположенной в российском городе. См.: Коростиков М. Игрокам подгонят скорый // Коммерсантъ. 22.08.2018. № 150. С. 9.
15. Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия.
16. Сокращение срока доставки контейнера до 16 суток против 40 при стоимости груза в контейнере 100 тыс. долл. может обеспечить дополнительную прибыль в 329 долл. в пересчете на один контейнер за счет экономии процентных платежей.
17. Вишукров Е.Ю., Лобырев В.Г., Тихомирова А.А., Цужарев Т.В. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. Доклад № 49 / Центр интеграционных исследований. СПб, 2018. С. 74.

О развитии и роли инновационного бизнеса вернувшихся специалистов (*хайгуэй*) в Пекине

© 2018

А.В. Афонасьева

В статье рассмотрены основные меры, принятые руководством Пекина на уровне города, района, отдельных вузов и технопарков для возвращения из-за рубежа талантливых специалистов китайского происхождения. Рассмотрены отдельные стартапы и некоторые топовые компании вернувшихся в КНР специалистов. Приведены и прокомментированы количественные оценки места компаний вернувшихся специалистов в инновационном развитии Пекина.

Ключевые слова: КНР, вернувшиеся специалисты (*хайгуэй*), программы привлечения зарубежных специалистов, бизнес-инкубаторы, стартапы, инновационные компании.

DOI: 10.31857/S013128120002690-0

Вернувшиеся в КНР высококвалифицированные специалисты (*хайгуэй*) являются важным интеллектуальным ресурсом страны, реализующей амбициозную цель превращения в инновационное государство. За 1978–2017 гг. в Китай вернулось 3,086 млн человек, получивших образование за границей, или 61,2% от общего числа уехавших на учебу за рубеж за этот период. Причем практически все возвращения (3,033 млн человек) пришлись на период 1998–2017 гг.¹, начиная с середины 9-й пятилетки, когда были созданы первые бизнес-инкубаторы для *хайгуэй*, разработаны и запущены некоторые программы по привлечению специалистов из-за рубежа, ставился вопрос о необходимости перехода с экстенсивного на интенсивное и инновационное развитие в среднесрочной перспективе.

Из ранее проведенных нами исследований известно, что собственный бизнес открывают порядка 35% всех вернувшихся специалистов; около 76% компаний, созданных ими, являются инновационными, то есть *хайгуэй*-инноваторов чуть более 800 тыс. человек, или 19,8% всех специалистов, занятых исследованиями и разработками в КНР в 2017 г.²

Пекин на сегодняшний день является центром развития научно-технических инноваций. По инновационному потенциалу он находится на 3-м месте в стране, уступая пров. Гуандун и Цзянсу, а по ряду показателей, в частности эффективности инноваций и инновационной среды, выступает лидером в стране³. Город предоставляет уникальные возможности для развития и является центром притяжения для высококвалифицированных специалистов и молодых талантов, в частности, 24,3% всех *хайгуэй*-инноваторов⁴ открывают свой бизнес в Пекине, это 194,4 тыс. человек, или более 50% пекинских специалистов, занятых исследованиями и разработками⁵.

Весьма интересным является вопрос, как Пекину удалось стать одним из самых привлекательных городов для *хайгуэй*-инноваторов.

По мнению автора, возвращению специалистов в Пекин во многом способствовала успешная реализация специальных программ развития кадровых ресурсов – девяти

государственных и четырех пекинских. Для сравнения, аналогичных городских программ в Шанхае всего две, а в других городах Китая – не более одной. Рассмотрим кратко каждую из четырех пекинских программ.

1. *«Пекинская программа аккумуляции зарубежных талантов»* была запущена в марте 2009 г. горкомом КПК с целью привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа и формирования столичного пула талантов. Она имеет две номинации: «Работа с полной занятостью» – привлечение иностранных специалистов на краткосрочной и долгосрочной основе, в том числе молодых специалистов, и «Создание бизнеса» – номинация для бизнес-команд. Стипендиатам программы выплачивается единовременная премия в размере 1 млн юаней (144,5 тыс. долл.) и предоставляются иные льготы правительства Пекина. К концу 2016 г. стипендиатами стали 901 человек, из них 223 человека ранее уже являлись стипендиатами общегосударственной «Программы 1000 талантов», 16 человек имели ученое звание академика. Всего в Пекине работает 1486 стипендиатов «Программы 1000 талантов» разных лет⁶.

2. *«Программа технопарка Чжунгуаньцунь по аккумуляции выдающихся специалистов высшей квалификации»* была объявлена в 2008 г. с целью создания на базе Чжунгуаньцунь Показательной зоны самостоятельных инноваций государственного и мирового значения. Запуск Программы состоялся в 2009 г., по ее условиям из числа ведущих ученых с мировым именем создаются 3–5 исследовательских групп сроком на 2–3 года, за это время каждая группа должна создать научно-исследовательский институт или центр мирового уровня. Кроме того, формируется около 50 бизнес-команд в сфере новых и высоких технологий и около 20 сервисных команд в области венчурного инвестирования и посреднических услуг. Участникам Программы предоставляются финансовая помощь, гарантии решения вопросов пребывания, въезда и выезда из страны, налогов на импорт, медицинского обслуживания, размещения и другая правительственная поддержка. В 2016 г. участниками Программы стали 53 человека, всего за 2009–2016 гг. по всем номинациям стипендиатами стали 292 высококвалифицированных специалиста в сфере информационных технологий нового поколения, биотехнологий, экономии электроэнергии, защиты окружающей среды и в других стратегических и новых отраслях промышленности. Система развития талантов Показательной зоны самостоятельных инноваций технопарка Чжунгуаньцунь получила девиз: «Ориентация на высокое качество – локомотив всеобщего развития»⁷.

3. *«Программа аккумуляции и подготовки талантов пекинского района Хайдянь»* была официально объявлена и запущена в 2012 г. Бюджет программы составляет 100 млн юаней (14,44 млн долл.) на привлечение и подготовку предпринимателей-инноваторов в стратегических и новых отраслях промышленности. Стипендиаты программы получают существенную правительственную поддержку в проектных, финансовых, бытовых и других вопросах. В частности участникам программы одновременно выплачивается 300 тыс. юаней (43,32 тыс. долл.), компенсируются расходы на аренду жилого помещения, образование детей, предоставляется поддержка и по другим вопросам. В 2012–2016 гг. стипендиатами Программы стали 518 человек. Для сравнения, на район Хайдянь за этот период пришлось 927 стипендиатов «Программы 1000 талантов», 267 стипендиатов «Пекинской программы аккумуляции зарубежных талантов» и 184 стипендиата «Программы технопарка Чжунгуаньцунь по аккумуляции выдающихся специалистов высшей квалификации»⁸.

4. *«Программа Феникс, пекинский район Чаоян»* была запущена в 2010 г. с целью устранения дефицита высококвалифицированных кадров в сфере культуры, креативной индустрии, сфере услуг, финансов и других ведущих отраслях. Годовой бюджет Программы составляет 30 млн юаней (4,33 млн долл.) на премии и поддержку зарубежных предпринимателей-инноваторов. Каждый стипендиат программы получает премию в размере 200 тыс. юаней (28,88 тыс. долл.). В номинации «предпринимательство» предпри-

ятиям-стипендиатам выплачивается премия в размере 500 тыс. юаней (72,2 тыс. долл.) Также районное правительство предоставляет финансовые субсидии на открытие нового бизнеса, аренду офисных помещений, кредитные гарантии, помощь в освоении рынка, а также компенсацию затрат на образование, медицину и других расходов. В 2010–2016 гг. стипендиатами «Программы Феникс» по 7 номинациям стали 157 высококвалифицированных специалистов, была оказана финансовая поддержка 178 компаниям вернувшихся выдающихся специалистов⁹.

Рассмотренные программы развития кадровых ресурсов имеют три уровня – общегородской, районный, уровень отдельного технопарка Чжунгуаньцунь. Причем вернувшиеся специалисты могут участвовать одновременно или последовательно практически во всех программах, условиям которых они отвечают, независимо от того являются ли они стипендиатами другой программы или нет. Широкий диапазон программ и гибкие условия, с одной стороны, позволяют охватить практически всех *хайгуэй*, с другой – оказать значительную финансовую поддержку особо выдающимся специалистам, включив их в несколько программ.

Решающее значение для развития инновационного бизнеса *хайгуэй* в Пекине имеют специальные бизнес-инкубаторы для вернувшихся специалистов. На сегодняшний день в городе работает 32 бизнес-инкубатора данного типа, или 28.8%¹⁰ от общего числа бизнес-инкубаторов Пекина. Все они предоставляют ряд льготных условий открытия и работы компаний, например, упрощенная процедура регистрации, субсидия на открытие бизнеса, бесплатные офисные помещения или компенсация расходов на аренду, налоговые каникулы и льготы. Некоторые инкубаторы предоставляют сервисные услуги по поиску инвесторов и коммерциализации продукции, а также бесплатные образовательные программы и консалтинговые услуги. Основная цель бизнес-инкубаторов данного типа – создавать максимально комфортную бизнес-среду для вернувшихся специалистов, условия для их коммуникации, способствовать сотрудничеству талантливых инноваторов.

По ведомственной принадлежности можно выделить 4 вида *бизнес-инкубаторов для вернувшихся специалистов*: *правительственные, бизнес-инкубаторы при технопарке Чжунгуаньцунь, университетские и академические, коммерческие*.

Первыми были открыты три правительственных инкубатора в районах Хайдянь, Дасин и Ванцзин, созданные соответственно на базе технопарка Чжунгуаньцунь, зоны развития Дасин и технопарка Ванцзин. В первых двух районах бизнес-инкубаторы были открыты в 1997 г., в последнем – в 2000 г. Общим учредителем для них является Пекинский сервисный центр для вернувшихся специалистов, соучредителями – администрации соответствующих технопарков и зон развития. Правительственные бизнес-инкубаторы принимают на своих площадках всех *хайгуэй*-инноваторов, безотносительно их прописки и вуза, который они закончили. Ключевым условием поступления в инкубатор является уникальность инновационного проекта или бизнес-модели будущей компании. Инкубаторы этого вида, как правило, имеют лучший сервис и возможности поддержки компаний в процессе выхода на рынок в сравнении с бизнес-инкубаторами других видов.

Бизнес-инкубаторы для вернувшихся специалистов при технопарке Чжунгуаньцунь существуют уже 18 лет, первый из них был создан в 2000 г., последний – в 2011 г., всего в Пекине 9 таких инкубаторов, практически все они имеют разную отраслевую специализацию. Инкубаторы созданы Комитетом по управлению технопарком Чжунгуаньцунь, соучредителями некоторых из них являются районные правительства, администрации других технопарков и коммерческие компании. Как и правительственные бизнес-инкубаторы, они открыты для всех *хайгуэй*-инноваторов. Их главным преимуществом является наличие развитой научно-технической и сервисной инфраструктуры технопарка Чжунгуаньцунь.

Таблица 1

Компании вернувшихся специалистов (хайкуй) – победители конкурса наиболее перспективных компаний, 2016–2018 гг.

Название бизнес-инкубатора	Название компании	Год создания	Год победы в конкурсе	Уставной капитал, млн юаней	Сфера деятельности	Число патентов	Число авторских прав	ПРО
Пекинский Хайдяньский бизнес-инкубатор для хайкуй	ООО Пекинская научно-техническая компания «Чжункэ цзягу»	2014	2016	25,00	Наука и техника, прикладная сфера услуг	8	8	нет
	ООО Пекинская научно-техническая компания «Айли»	2014	2016	1,00	--/--	0	6	нет
	ООО Пекинская биотехнологическая компания «Ихо»	2015	2016	10,00	--/--	5	8	нет
	ООО Пекинская научно-техническая компания FINEX	2014	2016	3,00	--/--	2	17	нет
Пекинский научно-технический бизнес-инкубатор «Путьянь дэшэн»	ООО Пекинская научно-техническая компания «Хуаюнь Чжэлянь»	2014	2016	2,42	--/--	7	11	нет
	ООО Пекинская научно-техническая компания «Нонтэн»	2012	2018	13,67	--/--	49	8	нет
	ООО Пекинская научно-техническая компания Loudata (Шуши)	2016	2018	10,87	--/--	0	8	нет
	ООО Пекинская компания сорных технологий «Миньюань»	2017	2018	1,00	--/--	0	0	нет
Пекинский Ванцзинский бизнес-инкубатор для хайкуй	ООО Пекинская компания цифровых технологий «Миншун»	2017	2018	10,00	--/--	0	0	нет
	ООО Научно-техническая компания «Шаньшун» (Пекин)	2016	2018	7,70	--/--	0	7	нет
	ООО Пекинская научно-техническая биофармацевтическая компания «Цзэчуан тьяньчэн»	2015	2018	2,50	--/--	0	6	нет
Бизнес-инкубатор для хайкуй парка программ много обеспечения при Чжунгуаньчунь	ООО Пекинская научно-техническая компания «Цзиньцзин»	2013	2016	22,00	--/--	8	6	нет

Название бизнес-инкубатора	Название компании	Год создания	Год победы в конкурсе	Уставной капитал, млн юаней	Сфера деятельности	Число патентов	Число авторских прав	ИРО
Бизнес-инкубатор для хайгуэй Пекинского политехнического университета	ООО Пекинская научно-техническая образовательная компания «Жива»	2015	2018	1,00	Наука и техника, прикладная сфера услуг	0	10	нет
	ООО Пекинская информационно-технологическая компания G-Wearables	2013	2018	3,05	Программное обеспечение и информационно-технические услуги	71	6	нет
Бизнес-инкубатор для хайгуэй при Пекинском университете	ООО Пекинская компания по развитию технологических материалов «Чжунсю пуцзынь»	2013	2016	10,00	Наука и техника, прикладная сфера услуг	2	0	нет
	ООО Пекинская научно-технологическая компания «Чжитун»	2014	2017	5,00	-//-	0	9	нет
Бизнес-инкубатор для хайгуэй при Пекинском научно-технологическом университете	ООО Научно-техническая компания «Сысян шидай»	2015	2017	10,00	-//-	0	17	нет
	ООО Пекинская компания информационных технологий «Минжи шишан»	2011	2018	2,00	Программное обеспечение и информационно-технические услуги	11	16	нет

Источники: Составлено автором по данным конкретных компаний, размещенных в открытых информационно-аналитических источниках на платформе Байду (Baidu). URL: <https://zhaopin.baidu.com>; <https://xin.baidu.com> (дата обращения: 20.09.2018–10.10.2018). Основой для данной таблицы послужил список компаний хайгуэй, победивших в конкурсе перспективных компаний хайгуэй в 2016–2018 гг.

Наиболее многочисленным видом являются университетские бизнес-инкубаторы для вернувшихся специалистов, их насчитывается 16 единиц. Созданы они администрациями соответствующих вузов совместно с Комитетом по управлению технопарком Чжунгуаньцунь. Впервые сотрудничество высших школ с технопарком состоялось в 2002 г., когда были открыты бизнес-инкубаторы для *хайгуэй* при Пекинском университете и Университете Цинхуа. Инкубаторы данного вида, как правило, созданы на базе уже действующих университетских технопарков и имеют широкую отраслевую специализацию. Главной особенностью этих бизнес-инкубаторов можно считать фактический режим благоприятствования для *хайгуэй*, обучавшихся в вузах, при которых инкубаторы созданы. Это ставит других *хайгуэй*, не имеющих отношения к данному вузу, в заведомо невыигрышные условия и вынуждает их выбирать другие бизнес-инкубаторы.

По системе, аналогичной с университетскими инкубаторами, в 2004 г. был создан и единственный академический бизнес-инкубатор, специализирующийся на *хайгуэй*, именуемый Китайский научный бизнес-инкубатор для специалистов из-за рубежа при Академии наук Китая.

Самым молодым видом являются коммерческие бизнес-инкубаторы для *хайгуэй*, которых на сегодняшний день 3 единицы, все они созданы крупными компаниями совместно с администрациями технопарков и зон развития, с которыми эти компании сотрудничают. Первый коммерческий бизнес-инкубатор для *хайгуэй* был создан в 2005 г. на базе «ООО Пекинский международный бизнес-инкубатор Хуэйлуньсэнь», он же стал и первым частным бизнес-инкубатором для *хайгуэй*¹¹.

Всего 32 бизнес-инкубатора для *хайгуэй* дали Пекину порядка 5000 инновационных компаний, с учетом находящихся в инкубаторе и выпущенных из него¹², что составляет 31,3% от общего числа высокотехнологичных компаний города¹³.

Рассмотрим примеры уже заявивших о себе компаний *хайгуэй*, созданных в бизнес-инкубаторах для вернувшихся специалистов (табл.1).

Согласно представленным в табл. 1 данным, абсолютное большинство компаний *хайгуэй*, победивших в конкурсе, пришлось на правительственные бизнес-инкубаторы – 61,1%, из них 50% – на специализированные бизнес-инкубаторы для *хайгуэй*, а 11,1% – на правительственный бизнес-инкубатор, созданный Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР, который не ориентирован специально на *хайгуэй*, но имеет в своей структуре бизнес-парк для зарубежных специалистов, где могут открывать бизнес в том числе и вернувшиеся специалисты. На университетские бизнес-инкубаторы для *хайгуэй* пришлось 33,3% победивших в конкурсе компаний, на бизнес-инкубаторы для *хайгуэй* при технопарке Чжунгуаньцунь – 5,6%; компаний коммерческих бизнес-инкубаторов среди победителей конкурса в 2016–2018 гг. не было.

Самая старшая компания из числа победителей была основана в 2011 г., две самые молодые – в 2017 г., причем все три компании являются победителями конкурса 2018 г., то есть временные границы между открытием компании и ее участием в конкурсе составляют 1–7 лет, хотя у 66,7% победителей этот период составил 2–3 года. Это важная цифра, показывающая среднее время, необходимое для достижения конкретных результатов наиболее перспективным стартапам *хайгуэй* в бизнес-инкубаторах.

Уставной капитал компаний – победителей конкурсов находится в пределах 1–25 млн юаней (от 144,25 тыс. до 3,61 млн долл.), у 50% компаний он составляет 1–5 млн юаней (144,25–721,25 тыс. долл.), у 27,8% – 7,7–10 млн юаней (1,11–1,44 млн долл.), у 22,2% – более 10 млн юаней. Сфера деятельности 16 из 18 компаний – это наука и техника, а также прикладная сфера услуг, для 2 компаний – это разработка программного обеспечения и информационно-технические услуги. Число патентов и авторских прав у разных компаний составляет 0–71 и 0–17 единиц соответственно, причем у двух компаний, открытых в 2017 г., пока нет зарегистрированных патентов и авторских прав. Ни од-

на из рассмотренных компаний пока не провела IPO – первичное публичное размещение акций на фондовой бирже (табл. 1).

Следует отдельно отметить, что кроме успешно развивающихся стартапов вернувшихся специалистов, в Пекине есть и уже серьезные компании хайгуэй, занимающие ведущие позиции на внутреннем рынке и высокие места на конкурсах и в рейтингах наряду с крупными государственными корпорациями Китая. В частности, 2 компании хайгуэй Baidu (Байду) и Xiaomi (Сяоми) вошли в ТОП 11 пекинских компаний, которым был присвоен 1-й ранг согласно рейтингу «100 лучших инновационных компаний Китая 2018». Всего в рейтинг вошли 39 пекинских компаний, из них 11 компаний 1-го ранга, 6 компаний 2-го ранга, 12 компаний 3-го ранга и 9 компаний 4-го ранга по уровню инновационности. Среди компаний 2, 3 и 4-го рангов компаний хайгуэй нет¹⁴. Кроме того, Baidu (Байду) и ООО Научно-техническая медийная компания «Тяньмай цзююань» вошли в ТОП 15 пекинских компаний-финалистов конкурса «1000 сильнейших инновационных компаний Китая 2017», под номерами 4 и 12 соответственно¹⁵. Таким образом, среди топовых инновационных компаний Пекина доля компаний хайгуэй составляет 13,3–18,2%. Для сравнения с лауреатами конкурса среди компаний хайгуэй приведем данные по топовым компаниям вернувшихся специалистов, конкурирующих с крупными госкорпорациями КНР (табл. 2).

Таблица 2

Топовые инновационные компании хайгуэй в Пекине

Название компании	Год (1)*	Год (2)**	Уставной капитал, млн юаней	Сфера деятельности	Число патентов	Число авторских прав	IPO
Baidu (Байду)	2000	2017, 2018	45,2	Информационные услуги в сети Интернет	8768	126	2005 NASDAQ: BIDU
Tianmai juyuan (Тяньмай цзююань)	2008	2017	49,6	Наука и техника, прикладная сфера услуг	972	55	нет
Xiaomi (Сяоми)	2010	2018	1850,0	Наука и техника, прикладная сфера услуг	7428	14	2018 HKEX: 01810

*Год (1) – год основания компании, **год (2) – год ее выхода в финал конкурса «1000 сильнейших инновационных компаний Китая 2017» или включения в рейтинг «100 лучших инновационных компаний КНР».

Источники: Рассчитано по: Рейтинг 100 лучших инновационных компаний КНР.

URL: <http://top.askci.com/news/20181018/0850151134463.shtml> (дата обращения:

29.09.2018); Чжунго цюююу чунсинь нэли пинцзя баогао 2017. С. 61; данные конкретных компаний, размещенных в открытых информационно-аналитических источниках на платформе Байду (Baidu). URL: <https://chaopin.baidu.com>; <https://xin.baidu.com> (дата обращения: 29.09.2018–10.10.2018).

Топовые компании хайгуэй, представленные в табл. 2, заняты в тех же сферах деятельности, что и находящиеся в стадии развития успешные стартапы, представленные в табл. 1. Объем их уставного капитала составляет 45,2–1850,0 млн юаней (6,52–266,86 млн долл.), число патентов — 972–8768 единиц, авторских прав — 14–126 единиц. Две компании провели IPO, в частности компания Baidu в 2005 г. разместила свои акции на американской фондовой бирже NASDAQ (НАСДАК).

В целом следует отметить, что политика по привлечению инноваторов-хайгуэй является одной из составляющих программы инновационного строительства города и плана создания здесь одного из двух передовых мировых инновационных центров (второй планируется создать в Шанхае). Для хайгуэй действительно создаются максимально благоприятные условия для ведения бизнеса с учетом специфики данной категории предпринимателей. Несмотря на это, исходя из имеющихся у нас данных, доля инновационных компаний хайгуэй в общем числе высокотехнологичных компаний города по состоянию на 2017 г. едва превышает 30%. Для сравнения, когда автор в 2011–2012 гг. рассматривал картину по Китаю в целом, то пришел к выводу, что доля хайгуэй в инновационном бизнесе КНР составила порядка 70%. Это может говорить как о росте числа местных китайских инновационных компаний и уровня их конкурентоспособности, так и о том, что картина по Пекину может существенно отличаться от общей картины по стране, так как у города значительные ресурсы для инновационного развития и, следовательно, очень высокий уровень конкуренции на рынке инноваций.

1. Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо 2018: [Краткий статистический справочник Китая 2018]. Пекин, 2018. С. 179.
2. Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо 2018. С. 173.
3. Чжунго цюйюй чуансинь нэнли пинцзя баогао 2017: [Доклад по оценке инновационного потенциала регионов КНР 2017]. Пекин, 2017. С. 12.
4. Гоци жэньцай ланьпишу. Чжунго люсюе фажань баогао 2017. / Ван Хуэйяо, Мяо Люй чжубянь: [Голубая книга по мировым талантам. Доклад по обучению китайских студентов за границей 2017 / гл. ред. Ван Хуэйяо, Мяо Люй]. Пекин, 2017. С. 090.
5. Рассчитано по: Бэйцзин тунци няньцзянь 2017: [Статистический ежегодник Пекина 2017]. Табл. 20–2. URL: <http://www.bjstats.gov.cn/nj/main/2017-tjnj/zk/indexch.htm> (дата обращения: 02.10.2018).
6. Чжунго люсюе жэньюань чуанье няньцзянь 2017: [Ежегодник по вернувшимся специалистам, открывающим бизнес в Китае 2017]. Пекин, 2017. С. 56.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Рассчитано по: Чжунго люсюе жэньюань чуанье няньцзянь 2017. С. 9–10; Чжунго цюйюй чуансинь нэнли пинцзя баогао 2017. С. 234.
11. Описание каждого из видов бизнес-инкубаторов для хайгуэй было составлено автором на основе группировки и обобщения информации по каждому из 32 пекинских бизнес-инкубатора для хайгуэй в Пекине, взятой со страниц официальных сайтов некоторых из них, а также из источника: Чжунго люсюе жэньюань чуанье няньцзянь 2017. С. 385–397.
12. Цифра 5000 инновационных компаний является минимально допустимой, полученной автором путем анализа информации по конкретным бизнес инкубаторам, по некоторым инкубаторам информации о количестве выпущенных и находящихся там компаний не было, и эти компании не вошли в указанные 5000, то есть в реальности инновационных компаний в Пекине может быть больше.
13. Рассчитано по: «Кэци жэньцай чжи ду» мима: [Пароль: Столица научно-технических кадров]. Информационное сообщение на официальном сайте Научно-технического комитета Пекина. URL: http://kw.beijing.gov.cn/art/2017/10/13/art_362_40618.html (дата обращения: 05.10.2018).
14. Рассчитано по: Рейтинг 100 лучших инновационных компаний КНР. URL: <http://top.askci.com/news/20181018/0850151134463.shtml> (дата обращения: 29.09.2018).
15. Чжунго цюйюй чуансинь нэнли пинцзя баогао 2017. С. 61.

Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США

© 2018

Р.А. Варфаловская

Согласно статистике таможенных органов Китая, его внешняя торговля выросла с 2010 по 2017 г. в 1,4 раза (с 2974 до 4105 млрд долл.) На страны, расположенные вдоль Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП-21), ныне приходится свыше четверти его внешне-торгового оборота.

Ключевые слова: внешне-торговая политика, глобализация, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Морской Шелковый путь XXI века (МШП-21), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Новый инвестиционный банк БРИКС, де-долларизация, «торговые войны».

DOI: 10.31857/S013128120002692-2

Внешнеторговое сотрудничество между КНР и РФ

По данным российской статистики, в 2017 г. Китай занимал во внешне-торговом товарообороте РФ 1-е место (15%, 87 млрд долл.), ФРГ была второй (9%, 50 млрд долл.), США — пятыми (4% при 23,2 млрд долл.)¹ Китай первенствовал и по долям в российском экспорте и импорте (соответственно 11% при 38,9 млрд долл. и 21% при 48,0 млрд долл.) К основным экспортным товарам из РФ в КНР в 2016 и 2017 г. относились:

- нефть и продукты ее перегонки, минеральное топливо (63,75% и 64,91%);
- древесина и изделия из нее (9,25% и 8,39%);
- реакторы ядерные, механические устройства (4,29% и 4,02%);
- рыба и рыбопродукты (3,68% и 2,8%);
- руды и шлаки (2,74% и 2,68%),
- удобрения (2,67% и 1,71%);
- бумага и картон (2,53% и 2,03%);
- спецноменклатура (2,03% и 0,01%);
- оптическое оборудование (0,85% и 0,55%);
- соединения органической химии (0,7% и 0,78%);
- средства наземного (не железнодорожного) транспорта (0,67% и 0,63%);
- электрооборудование и машины, инструменты и др. (0,66% и 1,61%);
- пластмассы и изделия из них (0,64% и 0,73%);
- каучук, резиновые изделия (0,6% и 0,54%);
- изделия из черных металлов (0,39% и 0,1%) и др.

Ведущими позициями в ассортименте российского импорта из КНР в 2016 и 2017 г. значились:

Варфаловская Розалия Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vra2005@yandex.ru.

- локомотивы и соответствующее оборудование (29,14% и 0,21%);
- средства наземного транспорта (23,82% и 3,49%);
- пластмассы и изделия из них (3,45% и 3,07%);
- оптическое оборудование (3,13% и 2,40%);
- обувь (3,12% и 3,42%);
- зонты (3,12% и 0,03%);
- произведения искусства (2,82% и 0,00%);
- никель и изделия из него (2,58% и 0,01%);
- одежда (2,49% и 0,59%);
- соединения органической химии (2,47% и 2,4%);
- различные готовые изделия (1,63% и 0,78%);
- медь и изделия из нее (1,32% и 0,19%);
- овощи (1% и 1,02%);
- каучук и резиновые изделия (0,97% и 1,01%);
- различное оборудование (0,95% и 28,4%)².

В 2016–2017 гг. из-за изменения народнохозяйственных потребностей сократился удельный вес российских поставок в КНР рыбы, морепродуктов, удобрений, древесины и изделий из нее. Но благодаря росту ряда других потребностей КНР в ее импорте из РФ заметно возросли доли электрических машин и электрооборудования, инструментов и оптических аппаратов, нефти и продуктов ее перегонки, часов всех видов и их деталей, спецноменклатуры, игрушек, пищевых товаров; химической продукции (органические и неорганические полуфабрикаты, пластмассы, красители), косметических товаров, изделий из кожи и хлопка, текстильных материалов, меди и изделий из нее, алюминия, драгоценных и полудрагоценных камней.

В структуре импорта РФ из КНР в 2016–2017 гг. сократилась из-за насыщения потребностей доля железнодорожных локомотивов, средств наземного транспорта, зонтов, шелка, одежды, готовых текстильных изделий, меди и изделий из нее, рыбы, пластмасс.

За 1-й квартал 2018 г. двусторонний товарооборот вырос, по данным таможи КНР, на 28,2%, превысив 23 млрд долл., за 1-е полугодие — на 24,8%, достигнув 49,15 млрд долл.³ За весь 2018 г. он может превысить 100 млрд долл. При этом экспорт РФ вырос значительно, чем импорт. Многие из текущих показателей можно квалифицировать как восстановительный рост. В период 2014–2016 гг. российская экономика переживала сложный период, и ряд совместных проектов пришлось «заморозить», но в 2017–2018 гг. ситуация улучшилась, что послужило сигналом китайским партнерам для развозки проектов.

По Северному морскому пути с объекта Ямал-СПГ в Китай поступила партия российского сжиженного природного газа (СПГ), что представляет собой идеальную для данных стран внешнеторговую модель: у китайских компаний CNPC и Silk Road Fund имеется 20-летний контракт с Ямал-СПГ на поставку ежегодно 3 млн т СПГ. Танкеры с ямальским газом пришли в китайский порт Цзянсу-Жудун. Кстати, для данного объекта Китай произвел основную часть оборудования.

Заслуживает упоминания V Российско-Китайское ЭКСПО «Новый старт и новые возможности», прошедшее в июле 2018 г. в Свердловской области. В рамках данного мероприятия, ставшего традиционным, увеличивается число участвующих в нем провинций Китая.

«Пояс и путь»: сопряжение с ЕАЭС и Россией

Со стратегической точки зрения формирование ЭПШП и МШП-21, их сопряжение с ЕАЭС изначально сулили Китаю приумножение и углубление связей с десятками

стран Центральной, Юго-Восточной, Южной, Западной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Северной Африки, РФ, Восточной и Западной Европы, регионов Тихого, Северного Ледовитого и Индийского океанов, Персидского залива, Красного, Средиземного и Черного морей. Более того, одновременно то и другое способствовало повышению доли всех этих стран в его внешнеторговом обороте.

Если в первые годы курса реформ и открытости Китай делал акцент на экономический рост восточного побережья, налаживая взаимодействие с США, Японией, Республикой Корея и ведущими странами АСЕАН, то начиная с 2015 г. его экономическая политика стала все заметней ориентироваться на подъем западных и центральных регионов, активизацию связей со странами переходной экономики. Свидетельство тому — Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, подписанное 8 мая 2015 г. руководителями РФ и КНР⁴. Перспективными представляются и одобренные в рамках ШОС мероприятия, суть которых «налаживать совместную работу в двухсторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадках ШОС».

В 2015 г. на Восточном экономическом форуме, проходившем во Владивостоке, было подчеркнуто, что свободное движение товаров и капиталов в рамках ЕАЭС сближает экономики Европы и Азии, перекликается с китайской инициативой ЭПШП, создает дополнительные возможности для развития стран ЕАЭС и КНР.

В марте 2016 г. Минэкономразвития России представило «дорожную карту» с перечнем проектов по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. Благодаря сотрудничеству в рамках ЭПШП и МШП-21 могут образоваться новые экономические кластеры, что сулит рост конкурентоспособности российских товаров, развитие единой евроазиатской транспортной структуры. Например, в июне 2016 г. ПАО «Россети» и China State Grid Corporation подписали соглашение о создании совместного предприятия. К проекту оперативно подключились Япония и Южная Корея.

В 2016–2017 гг. в совместных заявлениях глав государств — членов ШОС была выражена поддержка инициативе «Пояса и Пути» и готовность к совместному осуществлению договоренностей. В ноябре 2017 г. на 22-й регулярной встрече глав правительств ЕАЭС было достигнуто единодушное согласие о северной ветке МШП-21 как важном звене сопряжения ЭПШП и ЕАЭС.

Значительно вырос объем торговли между КНР и ЕАЭС. Согласно данным Евразийской экономической комиссии, в 2017 г. суммарный объем их внешнеторгового оборота достиг 102,72 млрд долл.: на 30,7% больше, чем в 2016 г. (78,56 млрд). При этом экспорт ЕАЭС составил 45,28 млрд долл. (рост на 37,7%), импорт — 57,44 млрд (рост на 25,6%). В совокупном внешнеторговом обороте ЕАЭС доля КНР достигла 16,2% (против 15,4% в 2016 г.)⁵

В июне 2018 г. Министерство коммерции КНР и Евразийская экономическая комиссия подписали Совместное заявление об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом взаимодействии и партнерстве между Китаем и ЕАЭС (включившее пункты о сопряжении ЭПШП и ЕАЭС, таможенных процедурах, правах интеллектуальной собственности, межведомственном сотрудничестве, правительственных закупках, электронной коммерции, конкуренции).

Тогда же в Циндао на 18-м заседании Совета глав государств — членов ШОС председательствовавший на этом саммите Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью «Развитие “шанхайского духа” во имя формирования сообщества единой судьбы». Он обозначил ряд инновационных идей по теории и практике международных отношений, призвал сообща расширять сеть партнеров по международному сотрудничеству, сообщил о намерении Пекина запустить в рамках межбанковского объединения ШОС целевую кредитную программу (в эквиваленте 30 млрд юаней), выделить государствам-членам в течение трех лет 3 тыс. грантов на развитие людских ресурсов. По итогам сам-

мита было оглашено совместное заявление глав государств — членов ШОС, где среди прочего подчеркивалась важность создания благоприятных условий для торговли⁶.

Заслуживает упоминания и китайская инициатива по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ): 100 млрд долл. в уставном капитале, 20 млрд — в акционерном капитале, 80 млрд — в капитале, оплачиваемом по требованию, 16 инфраструктурных инвестиционных проектов на сумму 2,5 млрд долл.). Китаем учрежден и Фонд Шелкового пути (его вклад — 100 млрд юаней). Россия вложит в проекты ЭПШП до 30 млрд долл., Казахстан — 2,3 млрд⁷.

Таблица 1

Географическое распределение внешней торговли КНР с ведущими странами мира в 2017 г. (млрд долл.)

Страны и регионы	Внешнеторговый оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
<i>Всего</i>	4104,5	2263,5	1841,0	+422,5
Гонконг	286,6	279,3	7,3	+272,0
Канада	61,8	31,4	20,4	+11
США	583,7	429,8	153,9	+275,9
Австралия	136,3	41,4	94,8	-53,4
Новая Зеландия	14,5	5,1	9,4	-4,3
Япония	303,0	137,3	165,7	-28,4
Южная Корея	280,3	102,8	177,5	-74,7
Тайвань	199,4	44,0	155,4	-111,4
<i>Страны АСЕАН</i>	514,8	279,1	235,7	+43,4
Индонезия	63,3	34,8	28,5	+6,3
Малайзия	96,0	41,7	54,3	-12,6
Филиппины	51,3	32,1	19,2	+12,9
Сингапур	79,3	45,0	34,2	+10,8
Таиланд	80,3	38,7	41,6	-2,9
Вьетнам	121,3	71,0	50,3	+20,7
<i>Страны ЕС</i>	616,9	372,0	244,9	+127,2
Великобритания	79,0	56,7	22,3	+34,4
Германия	168,1	71,1	97,0	-25,9
Франция	54,5	27,7	26,8	+0,9
Италия	49,6	29,2	20,4	+8,8
Нидерланды	78,3	67,1	11,2	+55,9
<i>Страны БРИКС</i>	295,1	154,8	140,3	+14,5
Россия	84,1	42,9	41,2	+1,7
ЮАР	39,1	14,8	24,3	-9,5
Бразилия	87,5	29,0	58,5	-29,5
Индия	84,4	68,1	16,3	+51,8

Источник: Составлено и рассчитано по данным Таможенного управления КНР.
URL: <http://www.customs.gov.cn/eportal/ui?pageld=302248&articleKey=1416426&columned=302275>

Внешнеторговое взаимодействие КНР со странами Запада

Одна из главных целей ЭПШП и МШП-21 — развитие отношений с Евросоюзом, Северной и Южной Америкой. Знаковым примером этого стал прошедший июле 2018 г. в Пекине 20-й саммит КНР — ЕС, на котором была достигнута договоренность

об укреплении сотрудничества — красноречивый сигнал Вашингтону, пытающемуся перекроить на свой лад мировой торговый порядок.

В ходе саммита было подписано новое соглашение о двусторонних инвестициях. В Заключительной декларации ЕС и КНР подтвердили свою приверженность принципам глобальной торговли, подвергающимся атакам со стороны США. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян на саммите заявил: «Переговоры между КНР и ЕС не нацелены против третьей стороны и никакая третья сторона на них не влияет. Торговые трения между КНР и США суть проблемы двусторонние. Китай не хочет торговой войны с США, ибо победителей в такой войне не будет».

На Пекинском саммите КНР и ЕС в унисон высказались за сохранение роли ВТО и за реформирование этой организации как инструмента защиты от односторонних действий в торговле.

16 июля на встрече с прибывшими на этот саммит председателем Европейского совета Д. Туском и председателем Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером Си Цзиньпин отметил, что на базе уже достигнутого всеобъемлющего стратегического партнерства с ЕС Китай «неизменно рассматривает Евросоюз в качестве важной силы, способствующей стабильности и дальнейшему улучшению международной архитектуры», указал на необходимость «совместно отстаивать мировую экономику открытого типа, содействовать либерализации и упрощению в торгово-инвестиционной сфере».

В ответ европейские чиновники заверили лидера КНР, что ЕС, будучи благодарен Китаю за поддержку процесса европейской интеграции, намерен расширять сотрудничество с ним во всех сферах, осуществляя тесные контакты и координацию в международных делах.

При встрече с О. Азуле (недавно избранной на пост Генерального директора ЮНЕСКО) Си Цзиньпин подчеркнул, что китайская инициатива «Пояса и Пути» призвана содействовать как совместному развитию государств, так и связям между людьми. Китай, по его словам, «намерен делать еще больший вклад в продвижение диалога между мировыми цивилизациями, в развитие и прогресс человечества».

КНР получает из Европы детали для автомобилей, вино, предметы роскоши и др. Китай поставит в страны ЕС ноутбуки, LCD-мониторы, запчасти для автомобилей, стальной прокат и др.

До того, как в Белом доме воцарился Д. Трамп, Соединенные Штаты стремились всячески усилить свое глобальное экономическое влияние, продвигая, в частности, создание Транстихоокеанского партнерства (ТТП), при этом надеясь изолировать Китай с его стремительно растущей экономикой. Теперь они склоняются к тому, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах, одновременно досаждая своим конкурентам экономическими и политическими санкциями.

Статистика ВТО свидетельствует, что КНР и США являются в мировой экономике лидерами по экспорту (совместно 23%) и импорту (совместно 24,3%), но по экспорту услуг Китай пока что значительно отстает от Соединенных Штатов⁸. При этом в 2017 г. положительное сальдо Китая в его торговле с Соединенными Штатами достигло 275,9 млрд долл., положительное сальдо с ЕС — 127 млрд долл.

Выход в мир через АТЭС, АСЕАН, БРИКС

Развивая сотрудничество со множеством стран, Китай стал одним из главных внешнеторговых и инвестиционных партнеров для ряда членов организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На ведущих партнеров из этого конгломерата — Японию, Южную Корею, Вьетнам, Гонконг, Тайвань — в 2017 г. пришлось около 30% китайского внешнего товарооборота (суммарно — 1 трлн долл.)⁹

В ноябре 2017 г. во вьетнамском портовом городе Дананге прошел очередной саммит АТЭС, в котором участвовали лидеры стран, входящих в мировой топ-30 по размеру ВВП — Китая, США, Японии, России, Индонезии, Мексики, Южной Кореи, Канады, Австралии, Филиппин, Малайзии и др.

Д. Трамп в ходе саммита подтвердил свой отказ от дальнейшего участия в созданном (по инициативе самих же США) Транстихоокеанском партнерстве, однако остальные участники саммита настаивали на сохранении этого проекта.

Отметим, что на долю стран АТЭС приходится около 59% мирового ВВП, 48% оборота международной торговли, а на долю АСЕАН — соответственно 4% и 4,6%¹⁰.

В сентябре 2017 г. в китайском портовом городе Сямэне прошел 9-й саммит лидеров стран БРИКС (Бразилии, РФ, Индии, КНР и ЮАР), на которые суммарно приходится 27% мирового ВВП. В ходе саммита Си Цзиньпин призвал партнеров активнее влиять на международные дела. В.В. Путин предложил расширить сотрудничество в сферах космоса, здравоохранения, информационной безопасности, а также подумать над созданием собственного телеканала.

Юбилейный 10-й саммит БРИКС (июль 2018 г., ЮАР) был отмечен дискуссиями по вопросам парламентаризма, бизнеса и финансов, таможенной службы, спорта, информационной безопасности. Для КНР и РФ значение формата БРИКС растет по мере того, как усложняются проблемы с Западом.

На 10-м саммите БРИКС были обсуждены также вопросы экономического планирования в условиях цифровой экономики. Си Цзиньпин в своем выступлении подчеркнул, что страны БРИКС должны адаптироваться к историческим тенденциям, твердо придерживаться принципов сотрудничества на основе совместной выгоды, играть конструктивную роль в создании международных отношений нового типа, в формировании сообщества единой судьбы для всего человечества.

Страны БРИКС выполняют задачу осуществления общими силами прорыва через барьеры четвертой промышленной (цифровой) революции. Постановка такой задачи может на деле послужить перспективам дедолларизации пяти крупных национальных экономик.

Сужению зоны влияния доллара мог бы поспособствовать Новый банк развития БРИКС (штаб-квартира размещается в Шанхае). Одной из его функций, как предполагается, может стать финансирование проектов в валютах стран-участниц. В.В. Путин предложил разместить офис НБР и на территории РФ. К делу устранения «долларовых цепей» могут подключиться в обозримой перспективе и такие государства, как Иран, Турция, Пакистан, Вьетнам, Венесуэла и др.

Поскольку юбилейный саммит БРИКС проходил в ЮАР, в нем участвовали многие представители африканских стран — Анголы, Габона, Намибии, Руанды, Того, Сенегала, Уганды.

Внешнеторговый потенциал КНР и «торговая война» с Соединенными Штатами

Будучи главным мировым производителем, Китай и по объемам своей внешней торговли приблизился к позициям абсолютного мирового лидерства: по экспорту в 2016 г. был первым, по импорту — вторым, уступая лишь Соединенным Штатам¹¹. Причем, согласно оценке корпорации China International Capital Corporation Limited (СИС), в ближайшие 5 лет он опередит США и по импорту, что совпадает с установками высшего руководства КНР. Так, на Боаоском азиатском форуме (апрель 2018 г.) Си Цзиньпин охарактеризовал принципы внешнеторговой политики КНР в 13-й пятилетке следующим образом: «Глобализация отвечает общим интересам всех стран... Китай продолжит поддерживать свободную торговлю... мы намерены наращивать импорт». Из рассмотренных выше ассортиментов китайского товарооборота со странами СНГ, РФ,

ЕС и США явствует, что КНР жизненно заинтересована в получении и сбыте огромного множества товаров, технологий, услуг, ноу-хау. Однако вслед за сменой власти новая администрация США развязала «торговую войну», резко подняв в марте 2018 г. импортные пошлины на китайские товары. Китай прибегнул к ответным мерам, введя 15–25%-е пошлины на импорт 128 товаров из США на сумму 50 млрд долл.

Ответные меры Пекина побудили американцев к дальнейшему наступлению (они запланировали 10–25%-е пошлины на китайские товары на общую сумму около 200 млрд долл. 6 июля 2018 г. Вашингтон обложил 20%-ми пошлинами китайский импорт на сумму 34 млрд долл. В список товаров включены сельхозпродукция, автомобили, морепродукты. КНР подала жалобу в ВТО, но 6 августа Вашингтон вновь наложил 25%-ю пошлину на импорт из Китая товаров на 16 млрд долл. (полупроводники, продукция химической и энергетической промышленности, медицинское оборудование и пр.) Не заставил себя ждать ответ КНР — повесить пошлины на такой же объем американского импорта.

Пока что торговая война, казалось бы, не отразилась на валовых показателях двустороннего товарооборота: двухсторонняя торговля КНР с США за первые семь месяцев (с января по июль) 2018 г. составила 356,6 млрд долл. (на 12,9% больше, чем за тот же период 2017 г.) Но в июле «война» еще только стартовала, а Китай, судя по всему, отступать не намерен¹². Он решительно выступает против любых протекционистских и односторонних действий в мировой торговле.

1. Россия в цифрах. 2018: краткий статистический сборник. М., 2018. С. 407–409.
2. General Administration of Customs of China. 15.01.2018. URL: <http://english.customs.gov.cn/>; URL: <http://gazeta.ru>. 22.03.2018; WTO. World Trade Statistical Review, 2017.
3. Рассчитано по данным General Administration of Customs of China. 15.01.2018. URL: <http://english.customs.gov.cn/>
4. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>.
5. WTO. World Trade Statistical Review, 2017; URL: <http://english.customs.gov.cn/>
6. Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества [текст] // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 12–22.
7. Данные Всемирного банка. 2017 г. URL: <https://data.worldbank.org/>
8. URL: <http://www.russian.trade.com/report-and-review/2018-02/torgovl.htm>; URL: <http://customs.ru>.
9. Рассчитано по данным General Administration of Customs of China. 15.01.2018. URL: <http://english.customs.gov.cn/>
10. WTO. World Trade Statistical Review, 2017.
11. Ibid.
12. URL: <http://www.expert.ru/2018/08/10/torgovay-vojna-ssha-kitaj-perc>; URL: <http://www.tass.ru/8.08.2018/>

Особая экономическая зона Сямэнь: успехи, уроки, прогнозы

© 2018

Вэй Лиань, Лю Япин

Сямэньская особая экономическая зона, уже 37 лет выполняющая функции «окна» КНР во внешний мир, «опытного поля» реформ и открытости, внесла весомый вклад в экономическую перестройку, социалистическую модернизацию страны. Опыт Сямэня заслуживает обобщения и углубленного анализа. Исходя из изложенных в статье фактов, авторы предпринимают попытку оценить перспективы развития Сямэньской ОЭЗ.

Ключевые слова: Китай, Сямэнь, провинция Фуцзянь, политика реформ и открытости, особые экономические зоны (ОЭЗ), Тайваньский пролив, зоны свободной торговли (ЗСТ), Дэн Сяопин, Си Цзиньпин.

DOI: 10.31857/S013128120002691-1

Город Сямэнь, расположенный на юго-востоке провинции Фуцзянь, представляет собой важный торговый и промышленный центр на юго-восточном побережье КНР, крупный интегрированный узел мирового судоходства. Учрежденная здесь ОЭЗ за 37 лет своего существования снискала репутацию эффективного звена в реализации курса реформ и открытости.

Предыстория «особых зон»

Курс на проведение внутренних реформ и расширение внешних связей был, как известно, определен на историческом 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г.

В апреле 1979 г. на рабочем совещании ЦК КПК прозвучали предложения (активно поддержанные Дэн Сяопином) об учреждении на юго-восточном побережье КНР, в провинциях Гуандун и Фуцзянь, площадок с *особыми*, расширенными правами реализации внешнеэкономических связей.

В июле 1980 г. партийный комитет провинции Фуцзянь и Сямэньский горком КПК представили в ЦК документы с обоснованием проекта Сямэньской ОЭЗ (под которую тогда предполагалось отвести 1,1 кв. км островной территории).

Вэй Лиань, доктор управленческих наук, доцент Сямэньского университета (КНР).
E-mail: weiliyan7691@xmu.edu.cn.

Лю Япин, магистр управленческих наук, аспирант Сямэньского университета (КНР).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра исследований по вопросам качества общественных услуг Сямэньского университета (КНР), направленной на развитие проектов, связанных с философскими и социальными науками (проект FJ2018JDZ038).

Авторы выражают благодарность переводчику Пономаренко Татьяне Александровне и аспиранту ИДВ РАН Сюн Жоюю за перевод статьи на русский язык.

Наконец, в 1981 г. на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей было узаконено создание первых четырех особых экономических зон — в Шэньчжэне, Чжухае, Шаньюе, Сямэне.

Благодаря факторам природного, географического и политического характера Сямэньская ОЭЗ выделяется в этой четверке рядом преимуществ. Тем, к примеру, что расположена на морском острове прямо напротив Тайваня.

Тепло, муссоны, идеальная гавань. Будучи островным городом, Сямэнь обладает одной из самых удобных гаваней на юго-восточном побережье КНР. Климат — субтропический, муссонный. Вне портовой зоны, как звезды на небосклоне, гирлянды мелких островков. Неудивительно, что здесь еще при династиях Мин и Цин сложился узел международной торговли.

После образования Нового Китая инфраструктура Сямэня улучшалась, многообразней становился корабельный парк. Словно бы самой природой ему была уготована узловая роль в развитии экспортно ориентированной экономики. Тем более что город лежит на пересечении важнейших морских путей, вблизи таких мегаполисов, как Шанхай, Гуанчжоу, Гонконг. И что не менее важно — напротив Тайваня.

«Куратор» общения двух берегов. Южная часть провинции Фуцзянь (где расположен Сямэнь) является родиной немалой части тайваньских соотечественников. По обе стороны Тайваньского пролива в ходу один и тот же диалект китайского языка. Обычаи и культурные традиции весьма сходны, ибо перебираясь через этот пролив (шириной всего-то в 300–400 км), фуцзяньцы сохраняли, как правило, традиционную культуру и обычаи.

Все это побуждает Сямэнь к выполнению особой миссии для обеспечения единства Родины — активно привлекать тайваньских инвесторов и инвестиции.

Задель в индустрии. Еще до прихода в КНР эры реформ и открытости Сямэнь обладал неплохой, относительно развитой индустрией. В 1978 г. здесь имелось 767 предприятий таких отраслей, как электроника, электротехника, приборостроение, судостроение, легкая и пищевкусовая промышленность¹. После того как возникла ОЭЗ, сферы торговли, услуг, культуры и образования стали драйверами дальнейшего развития. Кстати, относительная доля граждан с высшим образованием здесь вшестеро выше среднего по стране показателя: еще одно конкурентное преимущество в четверке южно-китайских ОЭЗ-«ровесниц».

Особые экономические зоны изначально сыграли в КНР роль драйверов модернизации, тогда как курс реформ и открытости служил основной движущей силой формирования и развития ОЭЗ. Этот более чем 30-летний двусторонний процесс можно разделить на четыре этапа.

Начальные шаги Сямэньской ОЭЗ (1981–1991 гг.)

В ноябре 1980 г. руководство провинции Фуцзянь учредило Комитет по управлению Сямэньской ОЭЗ, ответственный за ее становление и развитие. Разработанный им краткосрочный план предусматривал сконцентрироваться поначалу на трех сферах: промышленности, торговле, туризме.

Деньги на инфраструктуру. На основе имевшейся здесь промышленной базы требовалось освоить район Хули, возвести ряд вспомогательных сооружений, провести технологические инновации. Новоявленная ОЭЗ с не вполне определенным статусом нуждалась в привлечении инвестиций, внедрении инжиниринга, передовых технологий, современного оборудования.

На обновление инфраструктуры изыскали 1,3 млрд юаней. Удалось расширить системы водо- и электроснабжения, улучшить городскую транспортную сеть. В 1983 г.

вступил в строй международный аэропорт Гаоци. При участии внешних инвестиций были преобразованы старые предприятия, стал налаживаться туризм.

Расширение границ. По ходу предпринятой в 1984 г. инспекции Сямэньской ОЭЗ (тогда ее территория охватывала лишь 2,5 кв. км) Дэн Сяопин высказался за ее расширение, и в следующем году Госсовет КНР постановил распространить юрисдикцию ОЭЗ на весь остров Сямэнь. Добавили к ней и близлежащий остров Гуланьюй (суммарно получилось примерно 131 кв. км). Было решено постепенно внедрить статус «порто-франко» (свободного порта), превратить Сямэньскую ОЭЗ в комплексную, ориентированную вовне зону с акцентом на подвижки в индустрии.

Тайваньский козырь. Чтобы привлечь тайваньский капитал, Сямэньская ОЭЗ сразу же встала на путь преференций (от Центра и местных властей). В 1989 г. Госсовет КНР утвердил сямэньские районы Хайцан и Синлинь в качестве зон тайваньских инвестиций. Все это себя оправдало. Последовательная поддержка, оказываемая тайваньскими коммерсантами, способствовала новому прорыву в экспортно ориентированной экономике Сямэня: инвестиции с Тайваня позволили провести модернизацию старых компаний, внедряя новые технологии и оборудование, что напрямую стимулировало их экспортную активность. Так, в 1991 г. объем экспорта Сямэньской ОЭЗ превысил 1 млрд долл.² Таков был прямой результат подвижек в сфере индустрии: с 1980 по 1991 г. общий объем производства в Сямэне возрос с 640 млн до 7,2 млрд юаней³.

За свое первое десятилетие Сямэньская ОЭЗ превратилась в промышленную экспорто-ориентированную зону комплексного развития.

Этап бурного развития (1992–2000 гг.)

Инспекционная поездка Дэн Сяопина на юг (1992 г.), в ходе которой были определены задачи продолжения курса на построение социалистической рыночной экономики, открыла перед Сямэнем новые перспективы развития. В следующем, 1993 г. его общий объем производства уже превысил 100 млрд юаней. Год спустя Госсовет утвердил Сямэнь городом субпровинциального значения. Тогда же он стал (вслед за Шэньчжэнем) второй в стране ОЭЗ с собственной законодательной властью, обретя еще более благоприятные условия для своего развития. Сямэньская ОЭЗ вступила в новую фазу всесторонней открытости и процветания, смогла активнейшим образом углублять связи и с отечественным, и с международным рынками.

Сдвиги в инвестиционной среде. Вступая в XXI век, руководство Сямэньской ОЭЗ по-прежнему не выпускало инфраструктурное строительство из сферы своего внимания. На втором этапе ее развития (1990-е годы) завершились работы по расширению причала Гаоци, была проложена скоростная магистраль Сямэнь — Чжанчжоу. Строительство таких функциональных объектов, как зоны с особым налоговым режимом, зоны тайваньских инвестиций, зоны развития высоких и новых технологий, зоны экспортной переработки, также стало важным звеном инфраструктурного строительства. Тайваньская инвестиционная зона (в районах Хайцан, Синлинь и Цзимэй), созданная на начальных этапах функционирования Сямэньской ОЭЗ, непрерывно совершенствуется. Зона с особым налоговым режимом Сянью сулит ускорить реализацию проекта «порто-франко».

С построением функциональных зон и улучшением базовой инфраструктуры непрерывно оптимизировалась аппаратно-программная инфраструктура: в основном завершилось формирование наземной, морской и воздушной транспортных систем, неуклонно оптимизировалась коммуникационная сеть.

Откуда деньги? Приходится вновь обратиться к теме взаимодействия двух берегов. В 1997 г. был осуществлен пилотный проект контейнерных перевозок из Сямэня в тайваньский порт Гаосюн (в рамках реализации формулы «три вида связей между бере-

гами Тайваньского пролива) — почтовые, транспортные, торговые). За Сямэнем закрепилась репутация важнейшего звена в пассажирских и грузовых рейсах через пролив. Как бы в подтверждение аксиомы, что налаженность коммуникаций есть лучшая приманка для инвесторов, всемирно известные транснациональные корпорации (Кодак, Дэлл, TDK, Сянлу, РТА и пр.) принялись размещать свои проекты в Сямэньской ОЭЗ. К концу 2001 г. 27 из 500 крупнейших международных корпораций внесли средства для открытия здесь своего дела — в сферы общественного питания, развлечений, недвижимости, финансов, информации.

Хозяйственная деятельность с преобладанием физического труда постепенно трансформировалась в капиталоемкое и техноемкое производство. С 1992 по 2000 г. объем общегородского производства вырос с 9,768 млрд до 50,187 млрд юаней (среднегодовой прирост 20,7%⁴). На этом же этапе в Сямэне был учрежден первый банк с китайским и иностранным капиталом. Был реконструирован старый жилой фонд города, улучшилась жизнь населения.

Этап комплексного развития (2001–2012 гг.)

В начале 2001 г. проблематика особых экономических зон была озвучена при разработке Плана экономического и социального развития на 10-ю пятилетку, принятого сессией Всекитайского собрания народных представителей. Сямэню было предложено продолжить структурную перестройку, добиваться процветания науки и образования, усилить позиции во внешней торговле, управлять городом в соответствии с законом и стратегией устойчивого развития.

Интеграция внутри региона. Сямэнь с севера примыкает к городу Цюаньчжоу, с запада — к Чжанчжоу (и к расположенной там тайваньской инвестиционной зоне). В июле 2004 г. эти три соседствующих города провели первое совместное заседание, подписав «Декларацию об альянсе Сямэнь — Цюаньчжоу — Чжанчжоу». Цель — региональная экономическая интеграция, построение многоуровневой платформы, которая затронула бы экономическую и социальную сферы, природные ресурсы. Это важный шаг по созданию нового формата для взаимных консультаций, диалога, общения, сотрудничества и координации между городами, а также совместного продвижения строительства Золотого треугольника в южной части провинции Фуцзянь.

Институт функциональных зон ОЭЗ. Начиная с 1989 г. были одна за другой учреждены важнейшие функциональные зоны Сямэньской особой экономической зоны (некоторые были упомянуты выше, когда речь шла об инфраструктурном строительстве). По мере отлаживания системы управления каждая из них успешно прогрессировала.

Сямэньская зона развития новых и высоких технологий «Хоцзюй» («Факел») есть главное звено экономического роста, важное окно открытости. Она исполняет одну из ключевых функций в продвижении экономического развития и высокотехнологичных производств Сямэньской ОЭЗ.

В отношении зоны свободной торговли «Сянью» применяется льготная политика. В сочетании с гибкими механизмами своего функционирования она обладает на текущий момент наибольшей в рамках данной ОЭЗ экономической открытостью.

Тайваньская инвестиционная зона «Синлинь» в районе Цзимэй совершила исторический скачок от закрытой экономики с опорой на традиционное земледелие — к открытой, с акцентом на промышленное производство.

Всестороннее развитие функциональных зон действительно помогло Сямэньской ОЭЗ повысить конкурентоспособность и экономический потенциал. Валовый региональный продукт города в 2010 г. превысил 200 млрд юаней.

Новые акценты: забота о жизни народа. В Сямэньской ОЭЗ крепнет понимание необходимости добиваться, чтобы показателям экономического роста адекватно со-

путствовало улучшение жизни людей. По статистике, затраты на социальное обеспечение с 2006 по 2010 г. составили там 76,8 млрд юаней. Многие показатели свидетельствуют о последовательном повышении уровня жизни. В Сямэньской ОЭЗ, между прочим, был принят ряд мер по сокращению разрыва в доходах городских и сельских районов и по внедрению нормативов «Здорового города». В 2012 г. инвестиции в инфраструктуру составили 37,03 млрд юаней, по сравнению с 4 млн юаней в 1981 г.

Со вступлением Китая в ВТО его односторонняя открытость внешнему миру сменилась взаимным торговым сотрудничеством со странами — членами этой организации, что расширило участие китайских ОЭЗ в процессах экономической глобализации. С другой стороны, коль скоро открытость Китая перешла с экспериментального на полномасштабный уровень, то и значимость льготной политики для особых экономических зон снизилась.

Сямэньская ОЭЗ придерживается стратегии устойчивого развития. Она всесторонне использует внутренние и внешние возможности, реализуя институциональные механизмы для внедрения инноваций и улучшения окружающей среды, экономического развития. На основе базы, которая закладывалась на протяжении трех десятилетий, ОЭЗ устанавливает все более стабильные отношения с тайваньскими соотечественниками, стремится приобщить к своим задачам тайваньские компании и их наиболее одаренных сотрудников.

Повышая уровень своего инновационного потенциала, опираясь на эффективность производства в функциональных зонах, Сямэнь ускоряет развитие современной сферы услуг, включая банковско-финансовый сервис, устройство выставок, туризм. Налицо подвижки в формировании деловой среды, в сфере социального управления.

Этап нового углубления реформ (начиная с 2013 г.)

«Один пояс, один путь» и новые шансы Сямэня. С 2013 г., когда Председатель КПК Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», Сямэньская ОЭЗ активно к ней присоединилась, став важными воротами китайского Морского Шелкового пути.

16 августа 2015 г. с железнодорожной станции Сямэнь-Хайцан отправился первый международный грузовой поезд в Европу: тем самым в Сямэне состыковались «наземный» и «морской» шелковые пути.

Базируясь на вышеописанных географических преимуществах, Сямэньская ОЭЗ создала ряд крупных платформ и проектов в таких ключевых областях, как инфраструктура, инвестиции и торговля, организация выставок и туризм, культурный обмен. Под руководством местного правительства эта ОЭЗ способствовала созданию первого всекитайского инвестиционного фонда «Морской Шелковый путь» и инвестиционного фонда интеллектуальной собственности, активно расширяла сотрудничество с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фондом «Шелковый Путь». По состоянию на 2017 г. объем торговли Сямэньской ОЭЗ со странами, прилегающими к «Морскому Шелковому пути», достиг 208,3 млрд юаней при инвестициях извне 2,2 млрд долл.⁵

При этом сохранялся акцент на укрепление связей с Тайванем. Его предприятия Сямэнь обеспечивал комплексный сервис на материке, поощряя внедрение тайваньских промышленных проектов и привлекая тайваньские таланты, формируя двусторонние производственные цепочки и совместно развиваясь.

31 декабря 2014 г. Госсовет КНР утвердил экспериментальную зону свободной торговли (ЗСТ) провинции Фуцзянь (включившую города Фучжоу, Сямэнь и Пинтань) — вторую в материковом Китае после Шанхайской. В ЗСТ было положено начало многим новшествам, таким, как изменение коммерческого учета, упрощение таможенных процедур.

Роль Сямэня в структурной перестройке. В 2015 г. центральное правительство, содействуя проведению структурных реформ, столкнулось с противоречиями в сфере системности преобразований. Сямэньская ОЭЗ сосредоточилась тогда на правилах снижения предпринимательских расходов и сокращения управленческого аппарата, повышении прав низовых органов власти, оптимизации сектора услуг, исполнении коммерческих процедур через Интернет, внедрении институциональных инноваций. В частности, уменьшилась нагрузка на предприятия посредством перехода от уплаты налога за хозяйственную деятельность к выплате НДС, снижения ставки социального страхового взноса. Благодаря углублению реформы по сокращению управленческого аппарата и расширению прав низовых органов власти, другим мерам упрощения административных процедур, Сямэнь по индексу развития электронного управления занял 4-е место в стране.

Перспективы Сямэньской особой зоны

По состоянию на конец 2017 г. в Сямэнь входят 6 районов городского подчинения. Общегородская площадь составляет 1699,39 кв. км, постоянное население 4,01 млн человек⁶. Общий доход государственного бюджета города составил 118,729 млрд юаней, годовые расходы 81,189 млрд юаней. Продолжают расти инвестиции в сферы образования, науки и техники, социального страхования, медицинского обслуживания и др. Уровень урбанизации достиг 89%, уровень жизни людей значительно улучшился. Средний доход населения достиг 108 500 юаней, Сямэнь находится в первых рядах среди 36 крупных и средних городов Китая по данному параметру⁷.

В 2011 г. Сямэнь был удостоен высокой оценки за собственные инновации среди 10 крупнейших городов Китая, признан образцовым городом в сфере научного развития.

В Сямэньской особой экономической зоне, как уже отмечалось, серьезное внимание уделяется социальному управлению. Город пять раз получал звание «Культурный город Китая», трижды удостоился чести стать лучшим городом в области комплексного социального управления.

ЗСТ: новые шансы развития Сямэня

Учреждение Фуцзяньской, второй по счету, зоны свободной торговли в КНР влило новые жизненные силы в экономическое развитие Сямэня: общий масштаб торговли стал расширяться, а число предприятий умножаться. Что касается системных реформ, сосредоточенных на коммерции, торговом надзоре, инновациях в области финансовой открытости, было ускорено формирование интернациональной, следующей закону, деловой среды. Так как ЗСТ создана совсем недавно, все еще необходимо уделять повышенное внимание оптимизации и внедрению инноваций в таких областях, как промышленно-экономическая структура, транспортная и логистическая инфраструктуры, модель управления.

Во-первых, на базе независимых инноваций необходимо создать новую комплексную систему, ориентированную на инвестиции, торговлю, финансы, научные разработки. Что касается преференциальной политики, то следует продолжить поощрение торговли и инвестиций, привлечения крупномасштабных проектов и транснациональных корпораций. Кроме того, поскольку талантливые кадры являются необходимой гарантией успешного внедрения инноваций, сами инновации должны «идти в ногу» с политикой их привлечения в Китай.

Во-вторых, нужно активизировать строительство экономики открытого типа, содействуя торгово-экономическим инвестициям, в то же время проявляя строгость и четкость в соответствии с международной практикой в финансовой, валютной и миграционной областях.

В-третьих, следует интенсифицировать трансформацию государственных функций, повысить уровень государственного управления. Благодаря таким пяти основным концепциям развития Китая, как «инновации, согласованность, экологичность, открытость и совместное использование», необходимо раскрывать потенциал и роль Сямэньской особой экономической зоны в секторе сервиса, совершенствовать систему и механизмы особых экономических зон, усиливать их комплексную конкурентоспособность, повышать уровень и качество сектора социального обслуживания, тем самым осуществляя модернизацию системы социального управления и потенциала управления.

Порто-франко: новое стратегическое направление Сямэньской ОЭЗ

Напомним, что еще в 1984 г. Дэн Сяопин в ходе инспектирования Сямэньской ОЭЗ высказал мнение, что Сямэнь пригоден для статуса свободного порта. Си Цзиньпин (занявший год спустя в Сямэне пост вице-мэра) организовал серию исследований по этой проблематике. Теперь, после создания экспериментальной ЗСТ в провинции Фуцзянь, порто-франко стал для Сямэня задачей реальной.

Для этого от Сямэньской ОЭЗ потребуется продолжить многое из того, в чем она уже преуспела, т.е. далее развивать роль «окна» реформ и открытости, внедрять институциональные инновации, строить интернациональную, соответствующую закону деловую среду и выполнять функции ключевого звена сотрудничества и коммуникаций материкового Китая с Тайванем, важного пункта на Морском Шелковом пути XXI века в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

В заключение стоит отметить, что Сямэньской особой экономической зоне предначертан дальнейший поиск путей к устранению недостатков институциональных механизмов, к освобождению и развитию общественных производительных сил.

-
1. Чжан Цзихай, Чжун Цзянь. Сямэнь цзинци тэюй фачжань до лиши хуйгу юй цяньцзинь чжань ван: [Ретроспектива и прогнозы развития Сямэньской особой экономической зоны] // Чжунго цзинци тэюй фачжань баотао: [Доклад о развитии особых экономических зон Китая]. 2009.
 2. Сяо Цзяньчжун. Дуйвай цзинци цуншу: [Обзор внешнеэкономической деятельности] // Сямэнь цзинци тэюй няньцзянь: [Ежегодник Сямэньской особой экономической зоны]. 1992.
 3. Сямэнь тунци няньцзянь: [Сямэнь: статистический ежегодник]. 1980. Пекин, 1981.
 4. Там же. 1992–2000 гг.
 5. Там же.
 6. URL: http://www.stats-xm.gov.cn/tjzl/tjfx/201803/t20180309_32262.htm.
 7. Сямэнь жибао. 22.03.2018.

Российский Дальний Восток

Проблемы рыбопромыслового районирования в Тихом и Северном Ледовитом океанах

© 2018

П.А. Балькин

В статье отмечены значимость снабжения страны морепродуктами как фактора продовольственной безопасности и серьезное отставание этой отрасли в последнее время. Это, по мнению автора, в немалой степени обусловлено просчетами в современной схеме рыбопромыслового районирования. В статье предлагается обновить рыбопромысловое районирование посредством современных методов морского пространственного планирования. Также затрагивается проблематика международного соперничества и взаимодействия, включая развитие Севморпути, перспективы его использования в контексте проекта «Морской Шелковый путь XXI века»

Ключевые слова: рыболовство, рыбопромысловое районирование, Арктика, Дальний Восток, Северный морской путь, аквакультура, запасы углеводородного сырья, морское пространственное планирование.

DOI: 10.31857/S013128120002693-3

Рыбохозяйственный комплекс РФ: тотальное отставание

Отрасль всегда занимала важное место в продовольственном обеспечении населения нашей страны¹. Наиболее динамичный период ее развития пришелся на 1980-е годы, когда годовой улов достигал 11,4 млн т, и по этому показателю СССР поочередно делил 1-е место с Японией (рис.1). Ежегодное потребление рыбной продукции на душу населения достигало 22–24 кг, что соответствует медицинским нормам. Для сравнения сообщим, что в 2016–2017 гг. потребление рыбы в РФ упало вдвое — до 11–12 кг на человека².

В 2017 г. добыто 4,774 млн т водных биоресурсов, больше, чем в предшествующие годы (2015–4,38 млн, 2016–4,68 млн т). С такими показателями мы, впрочем, сохраняем позиции среди ведущих рыболовных держав мира. По итогам 2016 г. Российская Федерация была на 5-м месте³.

Балькин Павел Александрович, доктор биологических наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону). E-mail: balykin@ssc-ras.ru.

Статья подготовлена в рамках бюджетного финансирования ЮНЦ РАН (00–18–07, № госрегистрации 01201354245) по теме «Оценка современного состояния, анализ процессов формирования водных биоресурсов южных морей России в условиях антропогенного стресса и разработка научных основ технологии реставрации ихтиофауны, сохранения и восстановления хозяйственно-ценных видов рыб».

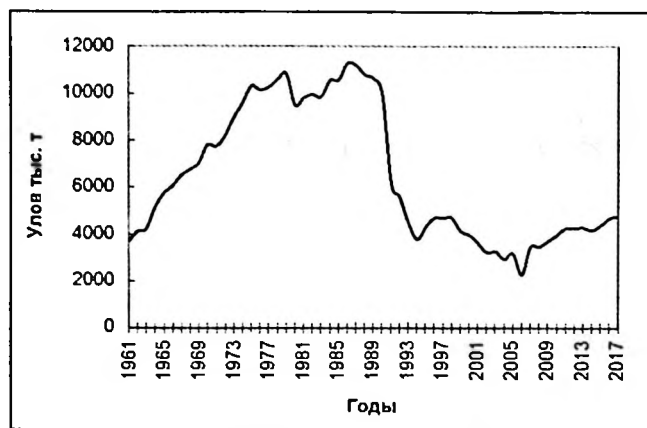

Рис. 1. Добыча водных биоресурсов СССР и Россией

Все окружающие территорию России моря, кроме центральной и восточной Арктики, являются районами рыбного промысла. В 2017 г., как и в предыдущие годы, основная доля вылова пришлось на Дальневосточный бассейн — 3,112 млн т, или более 65% суммарного улова. На 2-м месте — Северный бассейн: 0,57 млн т, или около 12% общего улова. Балтийский — 75,8 тыс. т, Азово-Черноморский — 90,1 тыс. т и Волго-Каспийский — 71,9 тыс. т⁴. То есть подавляющая часть российских водных биоресурсов сосредоточена в северных и дальневосточных морях.

Следствием смены социально-экономической формации в 1990-х годах стало сосредоточение почти всего отечественного рыболовного флота в пределах 200-мильной экономической зоны РФ. Так, в 2015–2017 гг. более 80% водных биоресурсов добывалось в ее границах. В водах иностранных государств и в открытом океане выловлено 0,804 млн т рыбы и морепродуктов, что составило 16,8% от российского улова 2017 г., тогда как советский рыболовный флот вылавливал в этих районах 5,2–5,6 млн т. Теперь, когда Россия стала страной с рыночной экономикой, неизбежна конкуренция с другими государствами за океанские биоресурсы. Даже в случае возврата отечественного рыболовного флота в отдаленные районы Мирового океана рассчитывать на достижение прежних величин улова не приходится. Поэтому особую значимость приобретает вопрос сохранения и возобновления водных биологических ресурсов в собственных водах.

Кроме морских акваторий (состоящих под российской юрисдикцией), велика и площадь пресноводных водосмов. Так, озера занимают у нас более 400 тыс. кв. км, водохранилища — более 6 млн га, длина рек превышает 615 тыс. км. Улов рыбы во внутренних водоемах Российской Федерации в 1961–1970 гг. колебался возле отметки 200 тыс. т (в 2017 г. добыто лишь 113,4 тыс. т).

Суммарная биомасса доступных промыслу водных биоресурсов в морях, находящихся под российской юрисдикцией, превышает 40 млн т. Уловы морских гидробионтов можно увеличить, как минимум, до 6 млн т. Ресурсы пресных водосмов позволяют добывать около 200 тыс. т рыбы⁵.

Перед Россией встает задача более полного и рационального использования всех видов промысловых водных биоресурсов. Значимые ориентиры поставлены перед рыбной промышленностью «Концепцией развития рыбохозяйственной науки в Российской Федерации на период до 2020 года» и «Стратегией развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года». Согласно этим документам необходимо достигнуть следующих целевых показателей:

- добыча водных биологических ресурсов — 5 млн т пищевых объектов и 4 млн т технических;
- производство продукции аквакультуры — 0,84 млн т;

- обеспечение потребления рыбопродуктов в объеме 22–27 кг на человека в год;
- достижение показателя самообеспечения рыбопродукцией в 80–90%.

Однако для достижения этих параметров следует решить ряд насущных вопросов⁶.

Отечественное рыболовство в Советском Союзе развивалось в пределах одного ведомства — Министерства рыбного хозяйства СССР, которое отвечало за все этапы использования водных биоресурсов (ВБР) — от изучения их состояния с целью определения общих допустимых уловов (ОДУ) промысловых объектов до выпуска рыбной продукции и ее реализации.

В современной России эти функции (за исключением выпуска и реализации продукции) выполняет Федеральное агентство по рыболовству (ФАР или Росрыболовство), входящее в состав Министерства сельского хозяйства (МСХ). Это ведомство отвечает за изучение и сохранение водных биоресурсов российских морей и внутренних водоемов, устанавливает Правила промысла и контролирует их соблюдение (вместе с Федеральной пограничной службой).

Поскольку водные биоресурсы относятся к возобновляемым природным ресурсам, то при правильном подходе к их эксплуатации, бережном и рачительном хозяйствовании можно рассчитывать на то, что это природное богатство наша страна сможет сохранять и использовать очень долго, практически вечно. Однако для того чтобы обеспечить соблюдение упомянутых принципов, нужно грамотное и профессиональное управление этим ценнейшим достоянием — водными биологическими ресурсами, доступными для российского рыболовства.

Недочеты рыбопромыслового районирования в РФ

Регулирование и управление эксплуатацией водных биоресурсов осуществляется путем разделения акватории, находящейся под юрисдикцией государства или международной организации, на участки, именуемые промысловыми районами.

В нашей стране в 1975 г. была установлена классификация промысловых районов (Приказ МРХ СССР № 520 от 17.11.1975) «... в целях единого учета вылова рыбы... и морепродуктов рыболовным флотом, планирования и анализа его работы по отдельным районам и подрайонам промысла, т.е. по ареалу обитания биоресурсов»⁷. Схема районирования, представленная в Федеральном Законе «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» 2004 г., содержит перечень рыбохозяйственных бассейнов:

- 1) Азово-Черноморский;
- 2) Байкальский;
- 3) Волжско-Каспийский;
- 4) Восточно-Сибирский;
- 5) Дальневосточный;
- 6) Западно-Сибирский;
- 7) Западный;
- 8) Северный.

Определенная Законом схема рыбохозяйственного (рыбопромыслового) районирования совершенно не учитывает значимость конкретных бассейнов и никак не соотносится с другими схемами территориальных делений, действующих в Российской Федерации. В одних случаях границы бассейнов привязаны к водным объектам (Азовское, Черное и Каспийское моря; оз. Байкал; р. Волга), в других к географическим районам (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток), в третьих — просто к сторонам света (Запад, Север). В Законе как равнозначные элементы фигурируют южные моря, оз. Байкал и р. Волга, дающие в совокупности всего лишь около 5% общероссийского вылова. При

этом наиболее продуктивное в рыбопромысловом отношении Охотское море, обеспечивающее около 30% отечественных уловов, почему-то не выделено в качестве отдельного рыбохозяйственного бассейна⁸. Внутри каждого из выделенных бассейнов устанавливается деление на промысловые зоны и подзоны.

Рассмотрим действующее рыбохозяйственное районирование акваторий Северного Ледовитого и Тихого океанов, находящихся под российской юрисдикцией.

Арктическая зона РФ занимает около 7 млн кв. км водного пространства, что превышает 50% площади Северного Ледовитого океана. Размеры континентального шельфа превышают 6 млн кв. км, из них подо льдом постоянно находится свыше 5 млн кв. км, в том числе под паковым льдом — более 1,5 млн кв. км⁹.

Важным районом рыбного промысла является Баренцево море, где российские рыбаки в настоящее время добывают от 259 до 563 тыс. т гидробионтов ежегодно¹⁰, и это — после уступки в 2011 г. норвежцам обширной акватории¹¹.

Основными промысловыми рыбами являются треска, пикша, сайка, сельдь и мойва. Промысел в Баренцевом море и сопредельных водах ведут рыбаки России, Норвегии, Фарерских островов, Франции, Германии, Польши, Дании, Эстонии, Гренландии, Исландии, Ирландии, Нидерландов, Португалии, Испании и Великобритании.

Общее число видов в ихтиофауне Баренцева моря (222 вида) сравнимо с данными о составе ихтиофауны других районов Северной Атлантики и в несколько раз (от 3,5 до 8) превышает число видов в арктических морях России. Даже в наиболее теплых морях, граничащих с Баренцевым морем, количество видов не превышает 60–70: в Белом море — 67 видов, из них 15 пресноводных и в Карском море — 70 видов, из них 10 пресноводных¹². В море Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском морях число морских видов рыб не превышает 40. При этом следует учитывать значительно меньшую изученность арктических морей по сравнению с Баренцевым, что может служить причиной занижения числа видов.

На 2018 г. в Баренцевом море решением смешанной Российско-Норвежской комиссии по рыболовству утвержден объем российского вылова в 516 тыс. т¹³. Таким образом, только на «западной окраине» российской морской арктической зоны за год вылавливается порядка 10–12% суммарной добычи водных биоресурсов. Эта доля может существенно возрасти в ближайшие годы вследствие развития процессов глобального потепления. Потепление Арктики происходит вдвое быстрее, чем в целом по планете. Предполагается, что к середине XXI века Северный Ледовитый океан летом будет полностью свободным от толстого многолетнего льда. По прогнозу специалистов университета Аляски, летний морской лед в арктических морях может исчезнуть после 2037 г.¹⁴ Неслучайно вопрос о рыбном промысле в Карском море уже обсуждался на конференции в Мурманске в марте 2018 г.¹⁵ Поэтому уже сейчас следует подумать о рыбохозяйственном районировании арктических морей с учетом имеющегося опыта.

На рис. 2 показана схема рыбопромыслового районирования Баренцева моря. Данное деление было разработано в 1974 г. главком «Севрыба»¹⁶. После установления в 1976 г. де-юре и в 1978 г. де-факто на акватории Баренцева моря и сопредельных вод 200-мильных экономических зон данный регион оказался под юрисдикцией двух прибрежных стран — России и Норвегии. С этого времени рыболовная деятельность ежегодно осуществляется на двусторонней основе в рамках межправительственной Смешанной Российско-Норвежской комиссии по рыболовству (СРНК), которая гарантирует обеим сторонам право промысла в водах друг друга.

Практика показывает, что схема 1974 г. не совпадает с районированием, принятым в Международном совете по исследованию моря (ИКЕС), с границами реальных морских экосистем¹⁷ и не учитывает внутривидовой популяционный состав эксплуатируемых гидробионтов, вследствие чего распределение скоплений рыбы и промысловая значимость основных районов рыбного лова в Баренцевом море испытывали значительные межгодовые колебания¹⁸.

Кроме того, зачастую при выделении промысловых районов (и не только на Северном бассейне) определяющими становились такие факторы, как административные границы или мнения тех или иных властных структур¹⁹. Таким образом, «промысловые районы» (рис. 2) являются всего лишь традиционной формой отчетности, от которой давно пора отказаться ввиду полной научной необоснованности данного «рыбохозяйственного районирования».

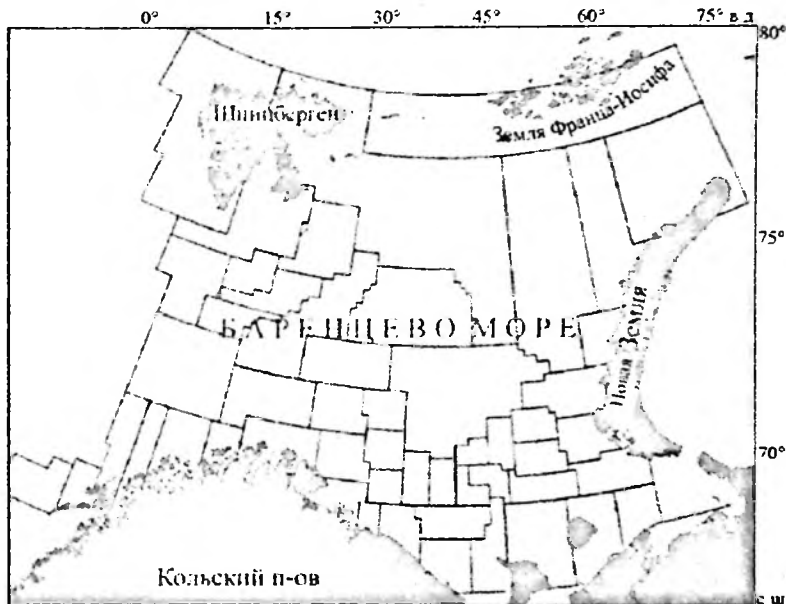

Рис. 2. Схема рыбопромыслового районирования Баренцева моря

Для рационального использования таких возобновляемых природных богатств, как водные биоресурсы, следует составить новые схемы рыбопромыслового районирования российских «рыбных» акваторий на основе современных научных знаний о границах морских экосистем и популяционном составе гидробионтов. Тем более что в большинстве арктических морей (Карском, Лаптевых, Восточно-Сибирском, Чукотском) такие работы никогда не проводились.

В основу районирования Баренцева моря можно положить результаты исследований А. В. Долгова, выделившего 6 устойчивых типов донных ихтиоценов²⁰.

Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн

Дальневосточная экономическая зона России включает Охотское море, акватории Японского и Берингова морей, воды, омывающие восточную Камчатку и Курильские острова. Эти акватории обеспечивают, как отмечалось выше, почти 70% ежегодной российской добычи водных биоресурсов. Главными промысловыми рыбами в дальневосточных морях России являются минтай, треска, палтусы, камбалы, сельдь, терпуги и сайра²¹. Доминирует минтай, ежегодные уловы которого превышают 1 млн т. Важной составляющей водных биоресурсов являются беспозвоночные животные (кальмары, крабы, иглокожие и др.) и водоросли. Наибольшие уловы среди них обеспечивают головоногие моллюски — кальмары, однако гораздо более ценными объектами рыболовства являются ракообразные, в первую очередь крабы и крабиды. На рис. 3 приводится схема рыбопромыслового районирования дальневосточных вод²².

Данное деление было утверждено в Приказе Минрыбхоза СССР № 408 от 09.09.1980²³, в дальнейшем в него несколько раз вносились изменения. Например, в 1989 г. единый прежде Западнокамчатский рыбопромысловый район в интересах промысла краба был разделен на Западнокамчатскую и Камчатско-Курильскую подзоны. В результате, чтобы полностью выбрать разрешенные объемы минтая, рыбакам часто приходится добиваться объединения квот в Росрыболовстве²⁴. В 2008 г. к северу от Анадырского залива из Западноберинговоморской зоны была выделена Чукотская²⁵.

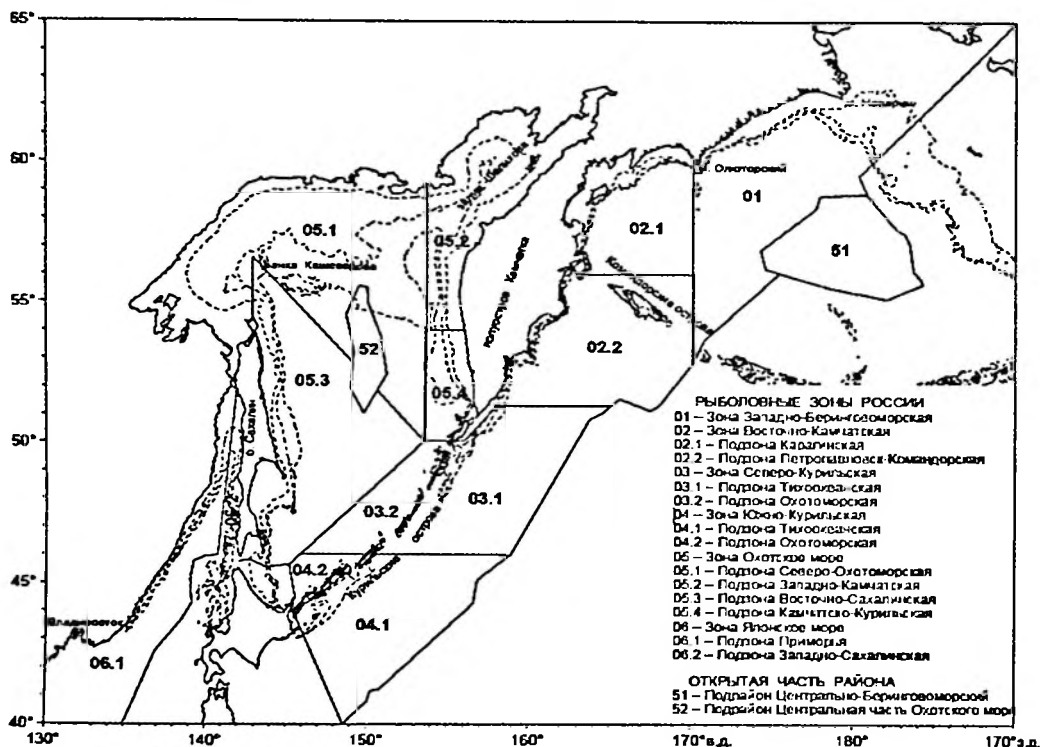

Рис. 3. Промысловое районирование дальневосточных морей РФ и прилегающих вод Тихого океана

Со времени введения в действие данной схемы рыбопромыслового районирования в дальневосточном регионе произошли громадные социально-экономические и климатические изменения, обусловившие необходимость ее модернизации в соответствии с современными требованиями. Это очевидно специалистам рыбной отрасли. Так, западную часть Берингова моря (районы 01 и 02.1 на рис.3) следовало бы разделить на 5 подрайонов вместо 4 существующих: подзоны Карагинская (в прежних границах), Корьякская, Наваринская, Анадырская и Чукотская. При этом Карагинская и Анадырская подзоны будут районами преимущественно прибрежного, а Корьякская и Наваринская — экспедиционного рыболовства²⁶. Восточносахалинский промысловый район (05.3) следовало бы разделить на 3 подрайона²⁷.

Перспективы морехозяйственной деятельности в дальневосточных и арктических регионах России

Наиболее заметным проявлением интенсифицирующихся процессов глобального потепления является сокращение протяженности и уменьшение толщины арктичес-

ких морских льдов²⁸. Эти обстоятельства заставляют уже сейчас планировать хозяйственное использование арктических и дальневосточных морских акваторий.

Альтернативой промышленному рыболовству является аквакультура — динамично развивающееся направление рыбного хозяйства, дающее уже треть объемов пищевой рыбопродукции в мире. Отметим, что себестоимость тонны выращенной рыбы в пересчете на единицу белка меньше, чем у мяса крупного рогатого скота в 2,6 раза, у свинины — в 2,4 раза, у птицы — в 1,5 раза. При этом рыночная цена рыбы выше, чем у говядины. Однако доля РФ в мировой продукции аквакультуры составляет ныне лишь 0,2%. Это обусловлено тем, в частности, что и в РФ, и в СССР рыбное хозяйство было нацелено на развитие и наращивание объемов вылова рыбы. Темпы и масштабы развития товарного выращивания рыбы в России значительно отстают от общемировых (тем более, от стран-лидеров — Китая, Вьетнама и др.). В России производство аквакультуры выросло с 90,4 тыс. т в 2001 г. до 173,84 тыс. т в 2016 г. Между тем площадь только морской акватории в Российской Федерации, пригодной для марикультуры, оценивается в 0,38 млн кв. км²⁹.

Упомянутая выше «Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года» устанавливает стратегическим ориентиром для аквакультуры развитие лососеводства (включая выращивание атлантического лосося и форели, а также пастбищное разведение кеты, нерки, чавычи, кижуча). Приоритет — за неркой, чавычей и кижучем. Выращивание молоди достигнет 35 млн шт./год, объем товарной рыбы 150 тыс. т/год. Использование прибрежных акваторий к 2030 г. должно вырасти до 60 тыс. га по сравнению 1 тыс. га в 2017 г.

В данном случае упор сделан на лососеводство, поскольку, как показал опыт Норвегии, этот вид товарной аквакультуры наиболее перспективен в условиях арктических морей. Поэтому, кроме выделения зон под промышленное рыболовство, схема рыбохозяйственного районирования должна включать участки для развития аквакультурного производства.

Практика морской хозяйственной деятельности позволяет назвать рыбный промысел и морской транспорт как самые значимые в социальном, экономическом и экологическом аспектах отрасли. На эту основу использования природных ресурсов накладываются другие виды антропогенного воздействия: разработка месторождений и транспорт углеводородного сырья, переработка газоконденсата, марикультура, рекреационная деятельность, создание природоохранных зон. Так, сегодня на арктическом шельфе России в рамках 73 действующих лицензий ведется подготовка к масштабному освоению месторождений нефти и природного газа. Охваченная ими суммарная площадь — свыше 1 млн кв. км³⁰. Суммарные нефтегазовые морские ресурсы России оцениваются величиной порядка 130 млрд т, из них на дальневосточные моря приходится 13,2%³¹.

Самыми богатыми являются акватории Карского (37,4%) и Баренцева (19,8%) морей, в пределах которых сосредоточено более половины нефтегазовых запасов. Третьей по величине ресурсов является акватория Охотского моря, меньшими, но промышленно значимыми запасами отмечены Берингово и Японское моря. В настоящее время шельф дальневосточных морей России, за исключением проекта «Сахалин-2», который контролируется «Газпромом», практически не осваивается, хотя осуществляются активные подготовительные работы.

Также ожидается возрастание грузопотока до 80 млн т к 2025 г. по Северному морскому пути (рис.4). Именно под него строятся и модернизируются российские порты и инфраструктура.

Китайские эксперты не прочь использовать Севморпуть в качестве северной части Морского Шелкового пути XXI века³². Первые китайские грузовые суда уже осваивают арктические морские трассы³³.

При сопоставлении рис. 3 и 4 напрашивается вывод, что в летнее время морской транспортный грузопоток может создать некоторые трудности рыбопромысловым судам

в пределах зон Западной Беринговоморской, Восточнокамчатской, Северо- и Южно-Курильской, в Приморье. Перечисленные промрайоны вносят, как уже отмечалось в данной статье, большой вклад в нашу суммарную добычу морепродуктов на Дальнем Востоке. Так, в 2015–2017 гг. среднегодовой улов рыбы в данных акваториях составил 1175,73 тыс. т, или 41,2% суммарной добычи рыбы (данные ТИПРО-центра).

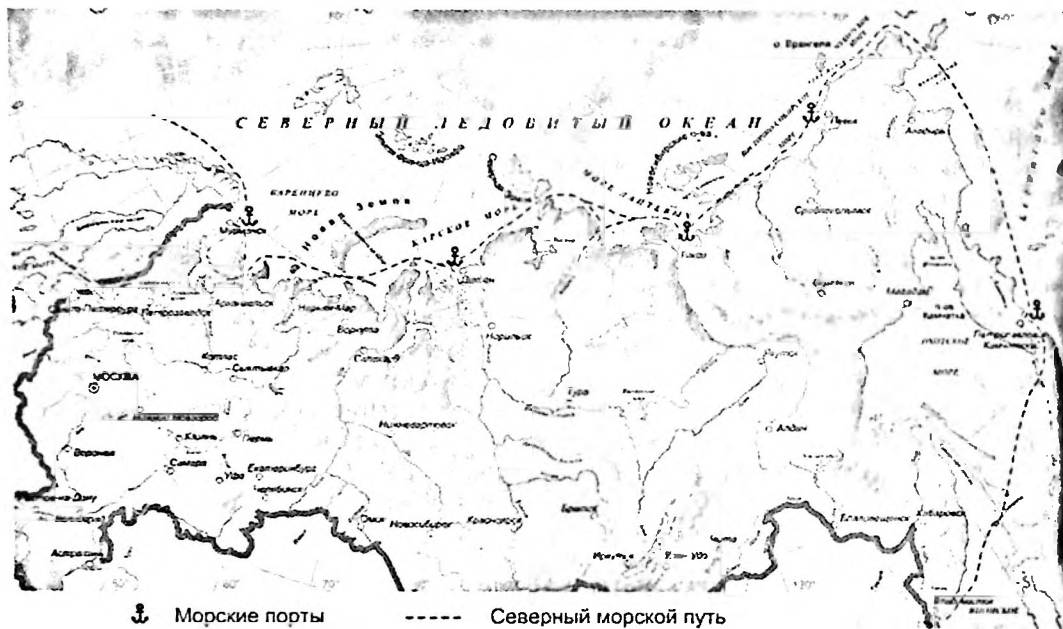

Рис. 4. Северный морской путь

Источник: URL: http://www.unionexpert.ru/images/nomers/no_12/str-50.jpg

Очевидно, что морехозяйственная деятельность в морях российской Арктики должна планироваться в масштабах комплексных программ с применением современных методических подходов. Это обусловлено слабой эффективностью отраслевых и ведомственных подходов, что влечет за собой конфликтность природопользователей и антропогенные угрозы морским экосистемам в районах морехозяйственной деятельности.

Морское пространственное планирование и организация морехозяйственной деятельности

В роли инструмента морской политики экономически развитые страны используют морское пространственное планирование (МПП), основанное на экосистемном подходе к управлению морской деятельностью. Задача МПП — создавать условия для функционирования самых разных хозяйственных отраслей, включая и рыболовство, и нефтегазовую промышленность, и морской транспорт³⁴. Базисом «единиц планирования и управления» служат морские и береговые экосистемы, надстройкой — морехозяйственные комплексы. Функциональное зонирование морских акваторий — это распределение различных видов хозяйственной или иной деятельности на конкретных, выделенных частях территорий (акваторий) в ходе процесса морского природопользования. МПП призвано определять наиболее рациональное использование морского пространства, помогая сочетать его многостороннюю хозяйственную эксплуатацию с обязанностью сберечь окружающую среду и способствовать выполнению социальных и экономических задач.

Морское пространственное планирование как передовой способ функционального зонирования и определения хозяйственного потенциала морских акваторий, несмотря на ограничения сфер использования и применения, связанные с отсутствием в РФ необходимой нормативной базы, является полезным инструментом разработки комплексных программ социально-экономического развития приморских территорий.

В июне 2014 г. Минрегионом РФ был разработан проект Федерального Закона «О морском планировании в Российской Федерации», который после экспертного обсуждения должен был поступить на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Роспуск в сентябре 2014 г. Министерства регионального развития РФ и объективная сложность проблемы отодвинули сроки принятия этого закона на неопределенное время. Однако опыт приложения методики морского пространственного планирования для подготовки предложений по решению хозяйственных задач в Арктике имеется в учреждениях РАН — например, в Мурманском морском биологическом институте (ММБИ). Его учеными осуществлены исследования в целях зонирования Баренцево-Карского морского региона для различных отраслей хозяйственной деятельности и разработки стратегического плана интегрированного природопользования³⁵. При разрешении задач функционального зонирования региона руководствовались следующим:

- принцип приоритетности, т.е. действующие морехозяйственные отрасли промышленности не вправе нарушать природное равновесие в морских и прибрежных экосистемах;

- принцип обоснованного риска, т.е. неизбежность принятия управленческих решений на основе систематических мониторинговых исследований шельфовой зоны;

- принцип зонального освоения, т.е. необходимость строгого разграничения сфер деятельности разных хозяйственных отраслей, выделения особо охраняемых морских и прибрежных участков, которые недопустимо затрагивать хозяйственной деятельностью.

Соответственно этим принципам выстроено вариант районирования (функционального зонирования) акватории Баренцево-Карского региона, при разработке использовались главным образом научные данные ММБИ. Они содержат собранные в ходе многочисленных региональных экспедиций подробные характеристики ресурсов и перспектив хозяйственной деятельности в регионе. Признано целесообразным выделить зоны шести типов районирования: приоритетные зоны; рекомендуемые зоны; зоны межконфликтного природопользования; зоны межведомственных конфликтов; зоны внутриведомственных ограничений; зоны особого назначения в Кольском заливе (т.е. районы Мурманского морского транспортного узла и военно-морского базирования).

Исходя из первого принципа (приоритетности) главным признано сбережение природного равновесия в морских экосистемах Арктики при осуществлении деятельности различных морехозяйственных отраслей. Выделены приоритетные зоны (участки сохранения биоразнообразия), а именно: районы нереста и концентрации преднерестовых скоплений рыб, акватории для кормовых миграций рыб, районы преимущественного обитания ценных видов донных животных. В качестве приоритетных зон отмечены также бухты (губы) с благоприятными природными условиями для воспроизводства биоресурсов. К этой же группе отнесены особо значимые природные участки обитания птиц и морских млекопитающих.

Участки из этой категории расположены почти без перерывов на материковом побережье обеих морей и берегах арктических островов. Их размеры, исходя из границы территориального моря и прилегающей к ней акватории, составляют до 30 км.

С участками этой группы соседствуют рекомендуемые зоны — участки акватории с наиболее сложным процессом их выделения. Их значимость состоит в выделении и фиксации зон использования биоресурсного и нефтегазового потенциала. В результате этот тип выделяемых участков включает подзоны 4 типов — регулярного и нерегулярно-

го рыболовства, добычи коммерчески ценных донных биоресурсов и подрайон нефтсгазового освоения.

Пересечение интересов этих альтернативных видов природопользования наиболее четко выражено в Баренцевом море. Локальные участки могут накладываться друг на друга, но обычно они четко ограничиваются по своему подтипу.

Почти полное отсутствие промышленного рыболовства в Карском море обуславливает соприкосновение участков этого зонального типа (рекомендуемые зоны) с районами консервативного природопользования (приоритетные зоны).

* * *

Чтобы Российская Федерация была готова к хозяйственной деятельности в арктических и дальневосточных морях, следует уже сейчас начать активную подготовку. В качестве первого этапа предлагается осуществить рыбохозяйственное районирование морских акваторий с учетом лицензий, выданных для освоения нефтяных и газовых месторождений, и интересов Севморпути. Эта работа может быть выполнена институтами РАН в сотрудничестве с отраслевыми учреждениями Росрыболовства, Минприроды и другими региональными НИИ.

1. *Тупикина Е.Н.* Продовольственная безопасность и роль рыбного хозяйства в ее обеспечении // Российское предпринимательство. 2008. № 12 (2). С. 118–122.
2. В этом году потребление рыбы в России упадет до 11 кг на человека — эксперт. URL: www.finmarket.ru/news/4610629.
3. Объем вылова водных биоресурсов 10 ведущих стран мира в 2016 году. URL: <http://www.vniro.ru/ru/novosti/ob-em-vylova-vodnykh-bioresursov-10-vedushchikh-stran-mira-v-2016-godu>.
4. Росрыболовство назвало 2017 год рекордным по вылову за четверть века. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/96114>.
5. *Балыкин П.А., Кушнаренко А.И., Жичкин А.П.* Водные биоресурсы России и проблемы их использования // Использование и охрана природных ресурсов России. 2012. № 5. С. 44–48.
6. *Балыкин П.А., Болтнев А.И.* Актуальные проблемы сохранения и использования водных биоресурсов // Использование и охрана природных ресурсов России. 2014. № 1. С. 35–39.
7. *Макоедов А.Н.* Научные основы рыболовства: учеб. пособие. М.: Медиа М, 2014.
8. Там же.
9. *Кондратов Н.А.* Влияние климатических изменений на освоение природных ресурсов российской арктики // Состояние арктических морей и территорий в условиях изменения климата: сб. тезисов Всероссийской конференции с международным участием / Сев. федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 141–142.
10. *Борисов В.М., Древетяк К.В., Греков А.А., Русских А.А.* Использование рыбопромысловых запасов Баренцева моря и сопредельных вод отечественным флотом в 2013 г. // Труды ВНИРО. 2016. Т. 160. С. 95–115.
11. Как Россия отдала Норвегии территории Баренцева моря. URL: <http://partia-slovoideclo.ru/sobytiya/kak-rossiya-otdala-norvegii-territorii-barenceva-morya>.
12. *Долгов А.В.* Состав, формирование и трофическая структура ихтиоцены Баренцева моря. Автореферат дисс. доктора биологических наук. Москва: ВНИРО, 2012. 48 с.
13. Смешанная Российско-Норвежская комиссия по рыболовству (СРНК). URL: <http://bbtu.ru/index.php/novosti/912>.
14. *Корзун В.А.* Арктика — горячая пора // Прямые инвестиции. 2014. № 4 (144). С. 38–43.
15. Внимание рыбаков обратили на Карское море. URL: <http://fishnews.ru/news/33355>.
16. *Жичкин А.П.* Пространственно-временная изменчивость промысловой значимости различных районов рыбного лова в Баренцевом море // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 3. С. 465–473.

17. *Котенев Б.Н.* Экосистемная стратегия оценки биоресурсов Мирового океана; мировой вылов и резервы сырьевой базы // Мировой океан: использование биологических ресурсов. М.: ВИНТИ, 2001. Вып. 2. С. 69–87.
18. *Жичкин А.П.* Указ. соч.
19. См.: *Троицкий С.К.* Рассказ об азовской и донской рыбе. Ростиздат, 1973. 192 с.; *Каредин Е.П.* О рыбопромысловом (биостатистическом) районировании Дальневосточной исключительной экономической зоны России // Рыбное хозяйство. 2001. № 3. С. 23–25.
20. *Долгов А.В.* Указ. соч.
21. *Антонов Н.П., Кловач Н.В., Орлов А.М., Датский А.В., Лепская В.А., Кузнецов В.В., Яржамбек А.А., Абрамов А.А., Алексеев Д.О., Моисеев С.И., Евсеева Н.А., Сологуб Д.О.* Рыболовство в Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне в 2013 г. // Труды ВНИРО. 2016. Т. 160. С. 133–211.
22. Там же.
23. *Варкеentin А.И., Сергеева Н.П.* Промысел минтая (*Theragra Halcogramma*) в прикамчатских водах в 2003–2015 гг. // Исследования водных биологических ресурсов Камчатки и северо-западной части Тихого океана. Петропавловск-Камчатский. 2017. Вып. 47. С. 5–45.
24. Рыбакам разрешили перераспределять объемы вылова минтая. URL: www.rybazdes.ru/node/4266.
25. *Антонов Н.П., Кловач Н.В., Орлов А.М. и др.* Указ. соч.
26. *Балыкин П.А.* К вопросу о рыбопромысловом районировании западной части Берингова моря // Вопросы рыболовства. 2009. Т. 10. № 1(37). С. 136–149.
27. Во ВНИРО прошли заседания научно-консультативных советов по камбаловым рыбам и тихоокеанской сельди. URL: <http://vniro.ru/ru/novosti/vo-vniro-proshli-zasedaniya-nauchno-konsultativnykh-sovetov-po-kambalovym-rybam-i-tikhookeanskoj-seldi-2>.
28. Там же.
29. *Киселёв В.К.* Этология — экономика — этономика // Рыбное хозяйство. 2009. № 3. С. 18–21.
30. *Новиков Ю.Н., Галиева Е.Р.* Арктический шельф — на пороге вторжения // Состояние арктических морей и территорий в условиях изменения климата: сб. тезисов Всероссийской конференции с международным участием / Сев. федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 126–127.
31. *Григоренко Ю.Н., Маргулис Е.А., Новиков Ю.Н., Соболев В.С.* Морская база углеводородного сырья России и перспективы ее освоения // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2007. № 2. URL: <http://www.ngtp.ru>.
32. *Ли Цзинъюй, Чжан Чэньяо.* О стратегии сотрудничества Китая и России на северном маршруте Морского Шелкового пути XXI века // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 64–72.
33. Китай открыл Полярный шелковый путь. URL: www.tks.ru/logistics/2018/09/03/0004?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
34. *Мякишенков В.М.* Основные Подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования // Региональное развитие и пространственное планирование территорий. СПб: изд-во СПбГУ, 2013. С. 99–115.
35. *Денисов В.В., Дженюк С.Л., Жичкин А.П., Ильин Г.В.* Функциональное зонирование Баренцева и Карского морей. URL: <http://barenzevo.arktiskfish.com/index.php/ekonomika/200-funktsionalnoe-zonirovanie-barentseva-i-karskogo-morej>.

Теория и методология

Дун Шицзинь о проблемах аграрной экономики республиканского Китая

© 2018

О.Н. Борох

Становление исследований экономики сельского хозяйства в Китае в первой половине XX в. рассматривается на примере научного наследия Дун Шицзиня, подчеркивавшего сравнительные преимущества аграрной модели развития. Попытка создать «идеальное крупное аграрное государство Восточной Азии» сочеталась с идеей превращения китайского сельского хозяйства в прибыльное производство и крестьян в предпринимателей. Проанализированы подходы Дун Шицзиня к роли образования в изменении уклада жизни китайской деревни, его взгляды на проблемы занятости сельского населения и земельной реформы.

Ключевые слова: Китай, экономическая наука, сельское хозяйство, индустриализация, сравнительные преимущества, сельское образование, земельная реформа.

DOI: 10.31857/S013128120002694-4

Аграрный вопрос занимал важное место в китайской политике и общественной мысли первой половины XX в. Тема перераспределения земли находилась в центре соперничества между КПК и Гоминьданом за поддержку со стороны народных масс. Объективным фоном служили отсталость китайского сельского хозяйства, бедность крестьян, обострение социальных противоречий в деревне.

Отечественные ученые уделяли большое внимание аграрным проблемам республиканского Китая и их влиянию на политические течения той эпохи. Л.П. Делюсин рассмотрел особенности аграрной политики КПК¹, А.Н. Карнесв, В.А. Козырев и А.А. Писарев проанализировали взаимодействие гоминьдановских властей с сельским населением². А.С. Мугрузин сосредоточил внимание на проблемах землевладения и землепользования в китайской деревне в 1920-е — 1940-е годы³. Недостаточно изученной остается тема становления китайских исследований экономики сельского хозяйства. Среди китайских ученых наиболее заметный вклад в разработку аграрных проблем внес Дун Шицзинь (1900–1984).

Дун Шицзинь родился в богатой крестьянской семье в провинции Сычуань. В 1917–1920 гг. он учился в Школе сельского хозяйства в Пекине; после года обучения в университете Цинхуа в 1921 г. отправился на учебу в США⁴. В 1924 г. он получил

в Корнеллском университете степень доктора по экономике сельского хозяйства за диссертацию «Снабжение продовольствием и народонаселение мира»⁵.

Корнеллский и Висконсинский университеты сыграли важную роль в подготовке китайских студентов по экономике сельского хозяйства. Программой в Корнелле руководил Дж. Уоррен, его ученики Дж. Рейснер и Дж.Л. Бак стали видными фигурами в Школе сельского хозяйства и лесоводства в миссионерском Нанкинском университете. Они направляли китайских студентов в Корнеллский университет, где в 1924 г. четыре китайца, включая Дун Шицзиня, получили докторские степени по экономике сельского хозяйства⁶.

После возвращения в Китай Дун Шицзинь преподавал аграрную экономику. В 1928 г. он стал профессором и руководителем Школы сельского хозяйства в Бэйпинском университете, на основе которой был создан Китайский аграрный университет. Ученый возглавлял отдел улучшения положения села в Китайской международной комиссии по борьбе с голодом. В 1934 г. Дун Шицзинь стал главой Института сельского хозяйства провинции Цзянси и членом Комитета оборонного планирования. В 1938 г. он возглавил Школу сельского хозяйства Сычуаньского университета. В 1940 г. в Чунцине Дун Шицзинь основал крупное экспериментальное хозяйство нового типа, где выращивали плодовые деревья, разводили скот и птицу. Позднее он создал компанию по производству сельскохозяйственной продукции.

Дун Шицзинь организовал Общество современных крестьян (*Сяньдай нунминь шэ*, переименовано в Китайскую сельскохозяйственную ассоциацию *Чжунго нунъе сехуэй*), с 1938 г. выпускал ежемесячный журнал «Сяньдай нунъе» («Современное сельское хозяйство»), нацеленный на увеличение знаний крестьян, обсуждение их проблем, поддержку наращивания сельскохозяйственного производства. В 1942 г. Дун Шицзинь руководил Институтом улучшения сельского хозяйства в Чэнду, в 1947 г. учредил Китайскую крестьянскую партию (*Чжунго нунминьдан*), которая просуществовала до лета 1949 г. Среди его научных работ по аграрной проблематике известны книги «Экономика сельского хозяйства» (1933), «Аграрная политика Китая» (1940), «Оборона и сельское хозяйство» (1944).

В 1950 г. ученый уехал в Гонконг, в 1957 г. он обосновался в США и преподавал в Калифорнийском университете, писал художественные книги о жизни китайской деревни. После начала реформ Дун Шицзинь трижды посетил КНР — в 1979, 1981 и 1983 г.

Преимущества аграрного пути развития

В начале 1920-х годов в Китае развернулась дискуссия о том, должна ли экономика страны развиваться на основе сельского хозяйства (*и нун ли го*) или промышленности (*и гуи ли го*). Обучавшийся в США Дун Шицзинь отдал приоритет развитию сельского хозяйства. В статье «Китаю не следует проводить индустриализацию», опубликованной в газете «Шэньбао» 25 октября 1923 г., он утверждал, что индустриальные государства вынуждены опираться на импорт сырья и продовольствия из аграрных стран, их можно назвать «паразитами». Раньше этих поставок было достаточно для подъема индустриальных стран, однако в последние годы ситуация изменилась. В индустриальных странах закрываются заводы, растет число безработных, что создает в мире и внутри стран политическую и экономическую нестабильность, жизнь «паразитов» с каждым днем становится труднее.

Ученый заявил, что аграрный путь развития поможет защитить экономические права и интересы Китая, поддержать социальную стабильность. Он привел пример Дании, ставшей богатой и могущественной на основе сельского хозяйства. Аграрные государства могут быть независимыми от индустриальных стран, внутри них не возникнет значительного разрыва в доходах, а также связанного с перепроизводством политического и экономического кризиса. У Китая длительная аграрная история, обширные сельскохозяйственные угодья и хорошие крестьяне, способные проявить свои сильные

стороны, поэтому «не следует с людьми Запада конкурировать за то, чтобы занять невыгодное для себя положение»⁷.

Тезис о том, что аграрные страны не нуждаются в экономических связях с индустриальными государствами, тогда как последние не могут существовать без закупок сырья и продовольствия, вызвал несогласие сторонников «опоры государства на промышленность»⁸. Деятель КПК Юнь Дайин указал, что в других странах есть передовая техника и крупные заводы, себестоимость их продукции низкая, а качество высокое. Нехватка необходимого вынудит Китай обратиться к иностранным государствам, в этой ситуации трудно говорить о независимости от индустриальных стран⁹.

Дун Шицзинь развил свои идеи в статье «Обсуждение вопроса об основе государства в Китае», опубликованной в 1923 г. во влиятельном общественно-политическом издании «Дунфан цзачжи»¹⁰. Он заявил, что традиционное аграрное государство Китая помимо своей воли оказалось втянутым в водоворот индустриального мира, всеобщим поветрием стали разговоры о выгодах индустриализации. Когда «западный ветер» проник на Восток, при виде богатства Европы и Америки в Китае заговорили о том, что без подъема национальной промышленности страна может погибнуть. Однако противоположное мнение гласит, что «индустриализация наносит вред естественной прекрасной жизни человечества». После Первой мировой войны ситуация в Европе стала менее стабильной, там проявились недостатки промышленного пути развития. Западные сторонники «строительства государства на основе сельского хозяйства» заговорили о трудностях городской жизни, они предложили «возвращаться в поля» и вливаться в ряды крестьян.

Ученый провел сравнение аграрных и индустриальных государств по шести направлениям: экономическое положение, общественный порядок, моральное состояние, здоровье людей, боеспособность армии, кадровый потенциал. Он пришел к выводу, что аграрные государства в целом не уступают индустриальным. Вместе с тем в период Нового времени и современности силой и богатством располагали индустриальные государства (Англия, Франция, Германия), а аграрные (Россия, Индия, Китай) были бедны и слабы. В сильных странах, наподобие Японии и США, также существовала развитая промышленность. Дун Шицзинь объяснил успех современных индустриальных государств тем, что они победили в конкуренции за контроль над источниками сырья и рынками сбыта для поддержки своей промышленности. Страны, не располагавшие военной мощью, потерпели поражение и не смогли сохранить источники сырья. Поэтому сила была причиной успеха, а индустриализация — ее следствием. Ученый признал, что индустриализация может сделать сильной небольшую страну, если та способна из зарубежного сырья производить продукцию и сбывать ее вовне, используя получаемую прибыль для усиления государства и его военной мощи.

Чтобы сделать выбор между аграрным и промышленным путями развития, необходимо понять специфические особенности Китая, его географию и историю, национальный характер китайцев. Дун Шицзинь подчеркнул, что в Китае на протяжении тысячелетий государство, культура и народные обычаи были основаны на сельском хозяйстве. Исходя из особенностей национального характера китайцев индустриализацию также проводить не следует, поскольку они склонны к спокойной жизни и привязаны к земле, им не подходит образ жизни индустриального общества, самостоятельное существование в отрыве от семьи не соответствует традиционным ценностям и может спровоцировать нестабильность.

По мнению Дун Шицзиня, в мире возник переизбыток индустриальных государств, и если самое большое аграрное государство захочет стать индустриальным, это лишь увеличит масштаб проблемы. «Желание провести в Китае индустриализацию в действительности не является требованием времени, это не только не принесет пользы Китаю, но и причинит убыток миру»¹¹. Ученый полагал, что хотя Китай не должен превращаться в индустриальную страну, существует необходимость возрождения промыш-

ленности. По поводу использования зарубежного капитала Дун Шицзинь бескомпромиссно заявил, что пусть лучше у Китая не будет промышленности, но он не хочет видеть в стране промышленность, созданную иностранным капиталом¹².

В начале 1924 г. он пояснил, что в ходе использования зарубежного капитала для проведения индустриализации Китай будет слабой стороной, предотвратить разграбление ресурсов иностранцами будет сложно. С учетом внутренней политической коррупции избежать утечки богатых ресурсов окажется еще труднее, поэтому Китаю не следует слепо жертвовать своими ресурсами ради индустриализации¹³.

Ранние публикации Дун Шицзиня исходили из констатации кризиса в индустриальных капиталистических странах и наличия сравнительных преимуществ Китая в развитии сельского хозяйства. После возвращения из США ученый смягчил противопоставление аграрного и индустриального путей развития. Сохраняя приоритет за сельским хозяйством, он признал, что можно одновременно строить аграрное и индустриальное государство, добиваясь превращения аграрного сектора в прибыльную отрасль производства.

«Идеальное крупное аграрное государство Восточной Азии»

В 1927 г. Дун Шицзинь попытался нарисовать будущий облик Китая как «идеального крупного аграрного государства Восточной Азии»¹⁴. Он хотел продемонстрировать несправедливость суждений о том, что в аграрном государстве нет промышленности, его жители едят грубое зерно и носят хлопковые одежды, поскольку там нет ни тонкого риса и хлеба, ни тканей и шелка. По мнению ученого, благодаря высокому уровню развития сельского хозяйства идеальное аграрное государство не испытывает нужды в сырье и продовольствии, которых достаточно не только для самообеспечения, но и для экспорта.

В аграрном государстве может быть развитая промышленность, равно как индустриальный характер государства не означает отсталости сельского хозяйства. По словам Дун Шицзиня, школьника считают спортсменом не потому, что у него низкая успеваемость, а потому, что у него есть спортивные достижения. Ребенок может быть прилежным в учебе и одновременно демонстрировать хорошие результаты в спорте. Так же и государство может параллельно развивать сельское хозяйство и промышленность, одно не противоречит другому. Однако преподаватель физкультуры поощряет учеников заниматься спортом и не спрашивает их об успехах на других уроках. Сходным образом те, кто изучает сельское хозяйство, стремятся лишь к развитию этой отрасли, степень развитости промышленности интересует их лишь в меру ее влияния на сельское хозяйство.

Путь к созданию в Китае идеального аграрного государства пролегает через подъем сельского хозяйства, который возможно обеспечить с помощью защиты от разрушительного воздействия внешних сил в сочетании с методами активной поддержки. С точки зрения Дун Шицзиня, лишь дилетанты могут утверждать, что сельское хозяйство развито в Китае лучше, чем за рубежом. Преимуществом китайского сельского хозяйства является тщательная обработка земель, но у крестьян нет знаний, а от самообеспечивающегося сельского хозяйства нельзя получить прибыль. На современном этапе требуется сельское хозяйство с большим объемом производства и высокой производительностью, способное предложить на продажу всю продукцию или значительную ее часть, поэтому рентабельное сельское хозяйство не отличается по характеру от промышленности.

Исследователь поставил вопрос о том, как превратить китайское сельское хозяйство в прибыльное производство и сделать из крестьян предпринимателей. Дун Шицзинь напомнил, что страны, уделяющие внимание сельскому хозяйству, вводят защитные пошлины при импорте и предоставляют субсидии при экспорте. Крестьяне должны получить возможность экспортировать свою продукцию, следует повышать производительность крестьянского труда, улучшать жизнь в деревне, пропагандировать освоение новых земель, строить сельские дороги. Важно обеспечивать деревню кредитами, разви-

вать кооперацию, поощрять возвращение образованных людей в деревню. Исследователь признал, что занимающиеся изучением сельского хозяйства, такие, как он сам, большей частью не хотят ехать в деревню — но в этом случае идеальное аграрное государство так и останется идеалом.

Образ идеальной жизни китайских крестьян сочетал улучшение материальных условий жизни с повышенным моральных качеств. Дун Шицинь представлял, что крестьяне избавятся от бедности, у них станет больше промышленных товаров, предметов роскоши. Помимо потребления овощей, фруктов, меда, кур и поросят собственного производства они будут обменивать излишки сельхозпродукции на хорошую одежду и зарубежные товары. Крестьяне смогут путешествовать и приглашать к себе гостей, вокруг их домов появятся сады и деревья. В жилищах будут стеклянные окна, электрическое освещение, телефон, диван, музыкальные инструменты, книги. Зимой крестьяне будут топить печь, а летом устанавливать на окна москитные сетки. На Новый год все смогут позволить себе купить хлопушки, сладости и пирожные, нарезать курицу и поросенка, приготовить вино. При выезде из деревни крестьяне будут перемещаться на машине, в запряженной лошадию повозке либо на велосипеде. Они получают возможность отправлять детей учиться и делать накопления для своей старости. Среди них не останется крупных помещиков и мелких арендаторов, а также безработных, исчезнут нищие и разбойники, в скудные годы крестьянам придется быть лишь немного экономнее. У каждого будет свой участок земли, маленький сад, куры и утки, несколько голов лошадей, коров, баранов.

Обстановка в обществе изменится, все будут знать источники доходов каждой семьи, доверять друг другу. Появится стремление к общим делам, крестьяне станут совместно выделять деньги для строительства дорог и развития образования. В деревнях появятся кинотеатры, исчезнет необходимость приглашать актеров, крестьяне сами смогут выступать на представлениях. Будут построены музеи, где покажут местную продукцию и познакомят с местной историей, и люди с гордостью станут говорить — это наш музей, наш театр, это создано нами или нашими отцами. Деревня не будет изолирована от культуры, уровень знаний у крестьян возрастет, они станут на равных обсуждать дела государства и мировые тенденции. Моральные качества крестьян повысятся, у них появится способность вести политическую деятельность, не нужны будут чиновники, чтобы управлять крестьянами. Дун Шицинь признал, что все это похоже на мечты, но их можно реализовать, только нужен человек, который руководил бы движением в этом направлении.

Через несколько лет в статье «О возрождении деревни» Дун Шицинь был вынужден признать, что чем громче говорят о помощи крестьянам, тем больше появляется разорившихся крестьян и тем быстрее наступает крах деревни. Ученый заявил, что путь к спасению деревни должен состоять не в создании дополнительных административных органов, что зачастую ведет лишь к увеличению бремени крестьян, а в правильном использовании кадров и средств уже имеющихся структур¹⁵.

В качестве первоочередной задачи ученый рассматривал рост доходов крестьян. Поскольку спасение деревни не произойдет исключительно силами самой деревни, он предлагал сосредоточить усилия на развитии промышленности и торговли в городах. В этом случае цена на сельскохозяйственную продукцию будет расти, увеличится потребность в овощах, фруктах, яйцах, которые сегодня многие рассматривают как роскошь. Производство такой продукции создаст возможности для трудоустройства и привлечет избыточное сельское население. Сокращение числа безработных в деревне при увеличении покупательной способности городского населения будет способствовать модернизации сельского хозяйства. Дун Шицинь признавал, что у сельского хозяйства есть очевидные слабые места — трудность ведения масштабного хозяйства, сезонность, убывающая отдача. Однако в Китае эта отрасль важна для экономики, политики и порядка в обществе, подъем сельского хозяйства способен предотвратить социальную нестабильность¹⁶.

В годы Войны сопротивления Японии необходимость индустриализации для создания оборонной промышленности стала очевидной, интерес научных кругов и общества к сельскому хозяйству снизился. В тот период Дун Шицзинь напоминал, что сельскохозяйственное производство позволяет повысить уровень жизни людей, улучшить их питание, сделать их физически здоровыми. Снабжение промышленности сырьем — это также задача сельского хозяйства, поэтому его важность для государства в ходе индустриализации или модернизации не уменьшается, а все более усиливается¹⁷.

В завершающий период войны в 1944 г. Дун Шицзинь указывал, что в стратегии индустриализации на сельское хозяйство нужно обратить особое внимание и превратить его в приоритетную отрасль. У Китая большая территория, хороший климат и качество почвы, сельскохозяйственные растения и животные, самое большое в мире число трудолюбивых крестьян, накопленный за тысячелетия опыт ведения сельскохозяйственного производства. В стране есть все возможности для того, чтобы построить «обгоняющую других» аграрную державу. Он призвал стремиться к тому, чтобы китайское сельское хозяйство заняло в мире ведущие позиции, и разные страны посылали людей в Китай изучать аграрную науку, проводить обследования сельского хозяйства, покупать образцы растений. Если китайская промышленность не будет отставать в своем развитии, это даст сельскому хозяйству возможность обогнать другие страны¹⁸.

Образование и проблема занятости в деревне

Дун Шицзинь полагал, что без развития специализированного аграрного образования невозможно обеспечить экономический подъем села. Он подчеркивал, что копировать иностранную систему обучения в Китае нельзя. Его собственным вкладом в соединение западных научных принципов с китайской реальностью стал учебник «Экономика сельского хозяйства»¹⁹.

Ученый призывал учитывать в образовательной системе региональные различия, поэтому программы провинциальных аграрных вузов не должны копировать друг друга. Учебным заведениям не следует отгораживаться от общества, им нужно знать трудности и проблемы крестьян своего региона. Общегосударственные аграрные университеты в Пекине и Нанкине должны заниматься изучением сельских проблем в масштабах всей страны.

Сосредоточенность на преподавании аграрных дисциплин делала кругозор студентов неоправданно узким, что приводило к неспособности решать сложные проблемы китайской деревни²⁰. Прежнее господство конфуцианских книжников сформировало представление о превосходстве знатоков общих принципов над узкими специалистами, поэтому было необходимо преодолеть пренебрежительное отношение к носителям профессиональных аграрных знаний. Дун Шицзинь рекомендовал ввести в аграрных вузах курсы политики, экономики, истории, социологии. Он не поддерживал распространенное мнение, согласно которому их выпускники обязательно должны возвращаться в деревню для занятия сельскохозяйственным производством. По мнению ученого, они могут проявить себя в других сферах сельской жизни, поэтому необходимо готовить для деревни технических специалистов и преподавателей, глав крестьянских организаций, административные и управленческие кадры.

Свои взгляды на сельское образование ученый изложил в 1933 г. во влиятельном либеральном издании «Дули пинлунь»²¹. Он отметил, что власти ошибочно ставят на первое место практическое образование, призванное научить сельских жителей правильно возделывать землю, разводить скот, совершенствовать методы производства. Ученый не согласился с рассуждениями о том, что китайцы используют отсталые способы обработки земли, и потому их в первую очередь следует обучить улучшенным методам. С учетом имеющихся природных условий и ресурсов китайские способы обработки земли не так уж плохи. Главную проблему Дун Шицзинь видел в том, что в Китае деревен-

ское общество остается средневековым, люди эксплуатируют и угнетают друг друга, сильные унижают тех, кто слабее их. Самым слабым достается больше всех, особенно тяжело в деревне приходится женщинам, которые живут как в аду.

Ученый заявил, что причиной подобного положения является отсутствие знаний. Образование должно помочь крестьянам избавиться от старых представлений о жизни и старых обычаев, допускающих угнетение человека человеком. Смена мировоззрения уменьшит тяготы крестьян и сделает их более счастливыми, и это важнее, чем обучение навыкам сельскохозяйственного производства. Деревня должна выйти из мрака, а крестьяне — обрести способность отстаивать свои интересы и противостоять монополии на знания, которую присвоили себе деревенские «служилые». Цель образования состоит не в том, чтобы научить крестьян заниматься сельским хозяйством, а в том, чтобы они знали, чем они занимаются. Обучение крестьян с опорой на понятные им явления и проблемы сельского хозяйства может стать отправной точкой для освоения ими математики, экономики, этики и других научных знаний.

Дун Шицинь подчеркнул, что китайские крестьяне умеют работать руками, но им не хватает способности использовать мозги, у них неплохие производственные навыки, однако им недостает авторитета в обществе. Деревенские жители, в прошлом напомиавшие рабочий скот, должны стать современными гражданами. Решить эту проблему можно только с помощью образования. «Мы должны добиться того, чтобы люди в деревне увидели дневной свет, узнали, что такое мир, какая сейчас эпоха, чтобы они осознали смысл человеческой жизни, поняли, как устроены государство, общество, политика, чтобы они ценили современную цивилизацию и не считали хорошим все то, что было в старом Китае»²².

При обсуждении проблемы избыточной рабочей силы в деревне в 1933 г. Дун Шицинь вступил в спор с известным социологом У Цзинчао, полагавшим, что в Китае слишком много занятых в сельском хозяйстве, и это доказывает отсталость методов производства в деревне. Чтобы изменить положение дел, У Цзинчао предлагал улучшать сельскохозяйственную технику. Когда обрабатывать землю будет меньшее число людей, значительная часть высвободившегося сельского населения сможет заняться другими делами²³. Дун Шицинь отметил, что рассуждения У Цзинчао совпадают с мнением многих американских экономистов, сожалеющих по поводу избыточного числа занятых в сельском хозяйстве. С формальной точки зрения, чем меньше людей — тем лучше: если работу 300 млн человек выполнит 10 млн, это даст им возможность обогатиться.

Тезис У Цзинчао об отсталости китайских методов сельскохозяйственного производства вызвал у Дун Шициня несогласие. Подлинную проблему он видел в том, что у крестьян нет других возможностей, кроме как жить в деревне и обрабатывать поля. Поэтому решать ее надо не с помощью внедрения новой техники ради сокращения числа занятых, а путем развития других отраслей, что позволит крестьянам найти новую работу. Даже при использовании примитивных способов обработки полей Китая не требуется так много земледельцев. «Неужели не видно, что в деревнях повсюду много праздных людей? Не видно, что у многих крестьян в году много свободных дней? Если бы была возможность использовать этих незанятых людей и свободные дни для работы в промышленности и торговле, можно было бы сделать очень многое»²⁴.

Дун Шицинь привел данные, которые получил во время обследования более 20 тыс. крестьянских дворов в провинции Хэбэй: лишь 13% крестьян используют лошадей и ослов и 24% — волов. Крестьяне понимают, что эффективность вспашки с помощью тяговой силы выросла бы в несколько раз, однако не делают этого. Если бы на их рабочую силу нашелся хороший покупатель, они быстро занялись бы другим делом, а другие крестьяне заменили бы их тяговой силой и эффективным сельскохозяйственным инвентарем.

Ученый подчеркнул, что китайская ситуация отличается от американской. В США было много дел и мало людей, поэтому каждое дело стремились выполнять с привлечением меньшего числа работников. В Китае дел мало, а людей много, поэтому

главные опасения связаны с тем, что людям будет нечем заняться. По словам Дун Шициня, «вместо того, чтобы утверждать, что китайская промышленность неразвита потому, что рабочая сила прикована к сельскому хозяйству, правильнее было бы сказать, что из-за неразвитости промышленности люди вынуждены искать себе место в сельском хозяйстве». Рекомендацию У Цзинчао освободить крестьян от сельскохозяйственного труда выполнить нетрудно. Подлинная проблема состоит в том, куда потом направить этих людей. «У них нет пути в промышленность, боюсь, они могут только стать на путь кули, нищих, грабителей», — предостерег Дун Шицинь²⁵.

Критика земельной реформы в конце 1940-х годов

В завершающий период гражданской войны в 1948 г. Дун Шицинь высказал несогласие с мнением ведущих политических сил того времени: главной проблемой Китая является земельный вопрос. Суть господствовавшей точки зрения заключалась в том, что земля сосредоточена в руках помещиков, которые осуществляют феодальную эксплуатацию крестьян, не позволяя им обеспечить прожиточный минимум, что ведет к восстаниям. КПК уже приступила к разделу земли между крестьянами. Гоминьдан собирался последовать этому примеру.

Дун Шицинь заметил, что тщательные экономические обследования в деревне не проводились много лет, поэтому нет надежных данных, свидетельствующих о тенденции концентрации земли в руках помещиков. Смысл китайского слова «помещик» (*ди-чжу*) — это «хозяин земли» (*туди дэ чжужэнь*). В Китае таких людей было принято называть «хозяин дела», «владелец» (*ечжэ*), слово «помещик» распространилось благодаря иностранному влиянию, оно означало аристократов-землевладельцев (*landlord*) Европы времен феодализма. Ученый настойчиво подчеркивал, что эта аналогия является ошибочной — в Китае уже давно существует практика свободной купли-продажи земли, приобретение которой нередко существует способом защиты сбережений²⁶.

Идея уравнительного распределения земли, заметил Дун Шицинь, присутствовала в Древнем Китае в виде системы «колодезных полей» (*цзин тянь*). Реализовать ее не удается, прежде всего, из-за объективных трудностей, связанных с различием качества земель и сложностью рельефа. Землю нельзя передвинуть в другое место, а изменение численности крестьянских семей не позволит зафиксировать результаты равного распределения. Несостоятельной представляется попытка осуществить лозунг Сунь Ятсена «каждому пахарю свое поле» путем запрета на аренду земли и изъятия арендованных участков. «Если спросят, почему у каждого пахаря не может быть своего поля, мой ответ такой: сначала спросите, почему у каждого рабочего не может быть своего завода и машин, у каждого торговца — лавки или магазина, у каждого водителя — автомобиля, у каждого капитана — судна. Часть ответа в том, что общество еще не стало идеальным, другая — люди не могут быть полностью одинаковыми»²⁷.

Ученый указывал, что КПК распределяет поровну землю и имущество, не делая различия между старыми и молодыми, между женщинами и мужчинами. Дун Шицинь назвал нереалистичной задачу равного наделения землей в масштабах всей страны и полагал, что в перспективе неизбежно образуется новое неравенство. Он заметил, что коммунисты уверены в своей грядущей победе, поскольку исходят из того, что свыше 90% бедных крестьян обязательно одержат верх над менее чем 10% помещиков и богатых крестьян. Настоящими причинами бедности китайского крестьянства стали война, отсутствие безопасности, высокие налоги, стихийные бедствия, недостаток земли при избытке населения, неразвитая промышленность, а вовсе не высокий размер арендной платы. По мнению ученого, китайские крестьяне больше всего мечтают о том, чтобы их не обкрадывали бандиты, не обирали чиновники, не забирали в армию, не реквизировали их

повозки и дома, чтобы им дали возможность спокойно трудиться, поэтому ошибочно полагать, что земельная реформа избавит их от горестей²⁸.

Дун Шицзинь настаивал, что китайские «помещики» — это обычные люди, создавшие богатство своим трудом и стремящиеся его сохранить, шапку «феодалов и реакционеров» на них надевать не нужно. Настоящие богатеи, в том числе несправедливо нажившиеся за счет использования власти, живут в китайских городах. Неудачное проведение земельной реформы может стать причиной большого беспорядка, поскольку собственники будут сопротивляться изъятию имущества. К росту производства реформа также не приведет. Чтобы решить проблему недостатка земли при избытке людей, следует улучшать сельское хозяйство, проводить ирригационные работы, осваивать целину, развивать промышленность и торговлю для трудоустройства избыточного населения, а также сокращать рождаемость²⁹.

После образования КНР взгляды ученого остались неизменными. В декабре 1949 г. Дун Шицзинь написал письмо Мао Цзэдуну и другим руководителям ЦК КПК с призывом отменить земельную реформу³⁰. Он указывал, что исходный тезис коммунистов о «феодальном» характере земельной собственности в Китае ошибочен. Земля находится в частной собственности, ее можно свободно покупать и продавать подобно недвижимости, транспортным средствам и рабочему скоту, владение которыми никто не называет «феодальным». Противопоставление земли как «объекта природы» «искусственным» объектам неверно, поскольку для ведения сельского хозяйства пригодны лишь улучшенные человеком территории, где вырыты колодцы и построены дамбы, проведено выравнивание грунта, проложены дороги.

Обращаясь к лидеру КПК, ученый напомнил древнее китайское поучение — «если есть постоянное имущество, есть и постоянство», согласно которому обладающие недвижимым имуществом и постоянным занятием люди обретают нравственную устойчивость. Во все эпохи китайские власти поощряли людей покупать землю, чтобы они могли «обосноваться» (*лое*), никто не считал превращение сбережений в земельный участок и сдачу его в аренду «феодальным занятием». В царской России и европейских странах земля принадлежала аристократии, помещики передавали ее по наследству, крестьяне могли работать только на одного помещика, у них не было свободы передвижения, эта система, действительно, имела феодальный характер. В Китае землю можно было делить и продавать, аренда основывалась на свободном договоре, помещики не были аристократами и могли происходить из любого класса, в том числе из простолюдинов. Дун Шицзинь заявил, что характеристика китайской земельной системы как «феодальной» не соответствует фактам³¹.

В провозглашенной китайскими коммунистами программе «новой демократии» призыв к союзу с мелкой буржуазией должен был означать взаимодействие со средними и мелкими помещиками, богатыми крестьянами. Если видеть в них врагов, это будет противоречить целям «новой демократии». Дун Шицзинь находил противоречие в том, что в городах КПК защищает права на любое движимое и недвижимое имущество богатых людей и на средства производства в промышленности и торговле, однако в деревне изымает земельную собственность. Боязнь возможной конфискации земли породит беспокорство, что не позволит обеспечить в стране стабильность и порядок. За небольшим исключением помещики и богатые крестьяне трудолюбивы и экономны, это «лучшие люди в обществе, стимул общественного прогресса, государство должно защищать и поощрять их», оказывая при этом поддержку беднякам³².

Власти могут воспользоваться моментом и ввести прогрессивное налогообложение, увеличив нагрузку на богатых и снизив ее для бедных. Напротив, при уравнительном распределении земли проблемы государства при сборе налогов лишь возрастут. Ученый напомнил, что проведение преобразований в освобожденных районах под руководством КПК носило постепенный характер, на первом этапе происходило снижение

арендной платы. Если у людей появятся опасения, что находящаяся в их распоряжении земля может быть в любой момент отчуждена, они будут стремиться больше от нее взять при минимуме вложений: можно не восстанавливать разрушающуюся плотину, не вносить в почву удобрения, распилить деревья на дрова. Он сообщил, что до прихода коммунистов слышал от друзей о желании срубить деревья, на выращивание которых потом потребуется время.

Дун Шицинь понимал, что «новая демократия» является переходным этапом на пути к социализму и полному обобществлению сельскохозяйственного производства. «Тогда зачем лишний раз делить землю? Сейчас, когда у помещиков и богатых крестьян отрезают землю как мясо, уже очень больно. Вскоре после того, как она будет отрезана и разделена между бедными крестьянами, ее опять надо будет отрезать от них и от всех, возможно, трудностей будет еще больше. Не лучше ли сейчас не делить, а когда действительно будет социализм, тогда напрямую землю с другими средствами производства сразу обобществить?»³³.

Обращаясь к Мао Цзэдуну, ученый признал, что долго размышлял над темой земельной реформы: «Некоторые говорят, что я “крупный помещик”, это пустые слова... Я не скрываю от Вас, что у меня есть плодовый сад и более ста му неплодородной земли на склоне горы, к тому же правительство уже давно объявило, что землю плодовых садов и хозяйств нового типа делить не будут. Я неоднократно вступаю в полемику, не останавливаясь ни перед чем, а в этот раз даже несмотря на опасность обидеть Вас, потому что мне кажется, что я достаточно глубоко и достоверно разбираюсь в земельном вопросе. Если я не изложу в полной мере свою точку зрения, я всю жизнь буду ощущать вину перед своей совестью, перед Китаем и ни в чем не повинным народом, у которого забирают землю. Я думаю, что Вы любите правду и можете ей подчиняться. обнаружив ошибку в политике, Вы обязательно возьмете на себя смелость исправить ее»³⁴.

В 1951 г. в Гонконге Дун Шицинь поведал, что размножил текст письма Мао Цзэдуну в нескольких сотнях экземпляров, которые отправил деятелям КПК, лидерам различных партий, изучающим эту тему друзьям, научным и образовательным организациям. После рассылки стало известно, что Мао Цзэдун отправился с визитом в Москву, откуда он вернулся через два месяца. По словам Дун Шицинь, у китайского лидера наверняка накопилось много дел, и у него вряд бы было время прочесть письмо.

За сопротивление планам земельной реформы Дун Шицинь критиковали еще до образования КНР. Его выступление на организованном шанхайской газетой «Да гун бао» обсуждении было воспринято как заявление о том, что «земельная проблема серьезной не является, наделять каждого пахаря своим полем также не обязательно»³⁵. Ученый сетовал, что ему трудно избавиться от ярлыка сторонника «феодализма», который «держится за старое» и «покрывает помещиков». Он получил много писем от единомышленников, советовавших больше не выступать в защиту землевладельцев. Соратники из Крестьянской партии были особенно встревожены тем, что заявления Дун Шицинь дадут возможность утверждать, будто партия отстаивает интересы помещиков. Отражавший взгляды прогрессивной интеллигенции журнал «Шин юй вэнь» отмечал, что председатель Китайской аграрной ассоциации Дун Шицинь не считает земельный вопрос важным, ставит на первое место проблемы недостатка земли и избытка населения, полагает, что после земельной реформы нельзя будет увеличить сельскохозяйственное производство³⁶.

Критика взглядов Дун Шицинь была продолжена в 1950-е — 1960-е годы, когда он находился за пределами материкового Китая³⁷. Китайские авторы напомнили, как в 1920-е годы Мао Цзэдун утверждал, что класс помещиков «представляет самые отсталые, самые реакционные производственные отношения в Китае». На VI съезде в 1928 г. КПК главными задачами назвала свержение империализма и земельную революцию. Однако «ученые из реакционных классов» сговорились и выступили против теории и про-

граммы КПК в земельном вопросе, они защищали класс помещиков и социальную основу господства империалистов в Китае.

Полемика с идеями Дун Шицзиня охватывала два основных направления. Как представителя «правых буржуазных экономистов» его критиковали за открытые выступления в защиту класса помещиков. В книге «Экономика сельского хозяйства» Дун Шицзинь писал, что земля китайских помещиков, кроме небольшого их числа, накоплена потом и кровью, поэтому он не поддерживает законодательные акты гоминьдановского правительства о повсеместном ограничении арендной платы. «Если он выступает против являющегося пустой бумажкой закона реакционного правительства Гоминьдана о снижении арендной платы, что же говорить об окончательном уничтожении феодальной земельной системы», — возмущались критики³⁸. Другим направлением спора стало выявление присутствия в трудах Дун Шицзиня теории народонаселения Мальтуса и закона убывающей отдачи земли. Был сделан вывод, что эти концепции служили оружием «защиты полуфеодального полуколониального общества»³⁹.

Заключение

В 1920-е — 1940-е годы воззрения Дун Шицзиня прошли путь от критики индустриализации до признания важности промышленности как инструмента поддержки аграрного развития. Неизменными оставались обоснование сравнительных преимуществ китайского сельского хозяйства и призывы к построению современной аграрной экономики.

Аргументы ученого против проведения в Китае земельной реформы опирались на материалы экономической истории. Дун Шицзинь подчеркивал, что европейский опыт земельных преобразований не может служить образцом для Китая, поскольку со времен династии Цинь земля находилась в свободной продаже, а императорская власть уважала статус земледельцев. По его мнению, для Китая «освобождение крестьян, или так называемое освобождение земли» не является главной проблемой, «так как китайские крестьяне давно уже освобождены»⁴⁰.

Ученый считал ошибочным традиционное конфуцианское положение о том, что плохо не когда богатства мало, а когда оно распределено не поровну. Отвергая опасения по поводу неравного распределения, он приводил образ худого как хворостинка человека, который постоянно боится поправиться, либо человека, который в засушливой пустыне каждый день готовится к борьбе с наводнением. Дун Шицзинь отмечал, что пассивный подход к потреблению не благоприятствует социально-экономическому развитию, обогатившиеся раньше других создают спрос и возможности для расширения занятости⁴¹.

В 1930-е годы в книге «Экономика сельского хозяйства» ученый рассматривал в качестве ориентира сельское хозяйство других стран мира, его внимание к аграрному сектору невозможно приравнять к выражению традиционалистского «сожаления о прошлом». Дун Шицзинь говорил о необходимости преобразований в китайской деревне с учетом мирового экономического опыта, граничащие с утопизмом описание будущего крестьянского быта сочетались в его работах с хорошим знанием освоенной во время учебы в США западной аграрной науки. Программа разработанного Дун Шицзинем университетского курса экономики сельского хозяйства соединяла изложение ключевых теоретических положений с анализом аграрной экономики Китая. Вся рекомендованная для курса литература была западного происхождения — это труды по аграрной экономике Дж.Э. Бойла, Э.Г. Нурса, Т.Н. Карвера, Г.Ч. Тейлора⁴².

Современные китайские исследователи Юй Сытянь, Чжоу Цзяньбо и Лян Иньхэ (Пекинский университет) более не причисляют Дун Шицзиня к числу консерваторов лишь на основании его высказываний в пользу «полоры государства на сельское хозяйство». Его относят к представителям интеллигенции, получившим на Западе современное высшее образование⁴³. Дун Шицзинь принадлежит к «инноваторам» (*чуансинь пай*), или

сторонникам «технического направления» (*цзишу сюэпай*), чьи теоретические воззрения были основаны на передовой экономической и аграрной науке⁴⁴. Исходя из базовой роли сельского хозяйства, они стремились с помощью развития аграрного сектора подтолкнуть рост экономики в целом.

В книге «Экономика сельского хозяйства» Дун Шицинь сравнивал важность сельского хозяйства для Китая с человеческим сердцем⁴⁵. Он призывал использовать преимущества Китая как аграрной страны, делая упор на развитии сельского хозяйства, лесоводства, рыбоводства. Ученый советовал улучшать сорта сельскохозяйственных культур, внедрять передовую технику, развивать ирригацию. Дун Шицинь выступал за контроль над численностью населения и повышение интенсивности землепользования в условиях ограниченности земельных ресурсов. Его рекомендации включали предотвращение разрушительного воздействия сельскохозяйственной деятельности на окружающую среду, сохранение качества воды и почвы. Современные китайские исследователи отмечают, что предложения Дун Шициня не были «воздушными замками», в них можно проследить сходство с современной политикой, направленной на решение «трех сельских проблем» — сельского хозяйства, крестьян и деревни⁴⁶.

Сохраняют актуальность рассуждения Дун Шициня о важности повышения уровня образования крестьян. Самый большой интерес представляет попытка Дун Шициня найти путь сбалансированного развития сельского хозяйства и промышленности на начальной стадии индустриализации Китая. Знакомство с его воззрениями позволяет расширить понимание аграрных проблем республиканского периода, изучению которых были посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей.

1. *Делюсин Л.П.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921–1928). М.: Наука, ГРВЛ, 1972.
2. *Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949). М.: Изд-во ООО «Соверо-принт», 2005.
3. *Мугрузин А.С.* Аграрные отношения в Китае в 20-х — 40-х годах XX века. М.: Наука, ГРВЛ, 1970.
4. *Е Шичан, Сунь Дацюань, Дин Сяочжи.* Цзиньдай Чжунго цзинци сысянши. Ся цз: [История китайской экономической мысли Нового времени. Ч. 2.]. Шанхай: Шанхай цайцин дасюэ чубаньшэ, 2017. С. 349–351; *Сунь Дацюань.* Нунье цзинцисюэцзя Дун Шицинь дэ цинци сысян: [Экономические идеи экономиста-аграрника Дун Шициня] // Фуцзянь луньтань. Жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань. 2010. № 10. С. 16; *Чжоу Цзяньбо, Юй Сытянь.* Дун Шицинь дэ нунье цинци сысян: [Идеи аграрной экономики Дун Шициня] // Гуйчжоу шэхуэй кэсюэ. 2017. № 2 (326). Февраль 2017 г. С. 143–144.
5. *Цзоу Цзиньвэнь.* Цзиньдай Чжунго цинцисюэ дэ фачжань: и люсюэшэн боши луньвэнь вэй чжунсинь дэ каоча: [Развитие китайской экономической науки в Новое время: исследование докторских диссертаций соискателей, обучавшихся за рубежом]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2016. С. 90.
6. *Trescott P.V.* Jingji Xue: The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 2007. P. 73–74.
7. *Дун Шицинь.* Лунь Чжунго бу и гуньехуа: [Китаю не следует проводить индустриализацию] // Цун «сихуа» дао сяньдайхуа: [От «вестернизации» к модернизации] / *Ло Жунцуй* (ред.) Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1990. С. 705–707.
8. См.: *Янь Шуцинь.* Гоцзя юй цинци: Канчжань шици чжишицизе гуаньюй Чжунго цинци фачжань даолу дэ луньчжэн: [Государство и экономика: споры интеллигенции о пути развития китайской экономики в период войны сопротивления Японии]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 130.
9. *Дай Ин.* Чжунго кэи бу гуньехуа ху: [Может ли Китай не проводить индустриализацию] // Цун «сихуа» дао сяньдайхуа / *Ло Жунцуй* (ред.) С. 710–712.
10. *Дун Шицинь.* Чжунго ли го ши чжи таолунь: [Обсуждение вопроса об основе государства в Китае] // Дунфан цзачжэ. Т. 20. № 23. 1923 г. 10 декабря. С. 19–33.
11. Там же. С. 32.
12. Там же. С. 33.

13. Дун Шицзинь. Лунь Чжунго бу и н вайцзы кайфа фуюань: [Китаю не следует использовать иностранный капитал для освоения богатых ресурсов] // Дунфан цзачжи. Т. 21. № 10. 1924 г. 21 октября. С. 135–136.
14. Дун Шицзинь. Лисян дэ Дунья да нунго: [Идеальное крупное аграрное государство Восточной Азии] // Дунфан цзачжи. Т. 24. № 11. 1927 г. 10 июня. С. 1–6.
15. Дун Шицзинь. Лунь фусин нунцунь: [О возрождении деревни] // Дули пинлунь. № 56. 25 июня 1933 г. С. 8–10.
16. См.: Е Шичан, Сунь Дацюань, Дин Сяочжи. Указ. соч. С. 353.
17. Там же.
18. Там же.
19. Дун Шицзинь. Нунье цзинцзисюэ: [Экономика сельского хозяйства]. Пекин: Бэйпин вэньхуа сюэшэ, 1933.
20. У Цян. Дун Шицзинь гаодэн нунье цзяоюй сысян [Иден высшего аграрного образования Дун Шицзиня] // Хэйлунцзян гаоцзяо яньцзю. № 1. 2017. С. 14–17.
21. Дун Шицзинь. Сянся муцянь цзуй сюйяо шэнмо ян дэ цзяоюй: [Какое образование больше всего нужно сейчас в деревне?] // Дули пинлунь. № 47. 1933 г. 23 апреля. С. 17–19.
22. Там же. С. 19.
23. У Цзинчао. Души цзяоюй юй сянцунь цзяоюй: [Образование в городе и в деревне] // Дули пинлунь. № 40. 1933 г. 5 марта. С. 5–10.
24. Дун Шицзинь. Цзуйцзинь «Дули пинлунь» шан иньци дэ лянгэ вэньти: [Два вопроса, поднятые в последнее время «Дули пинлунь»] // Дули пинлунь. № 43. 1933 г. 26 марта. С. 19.
25. Там же.
26. Дун Шицзинь. Туди фэньпэй ти вэньти (шан): [Задаю вопрос о распределении земли. Ч. 1] // Цзинцзи пинлунь. 1948. Т. 3. № 10. С. 3–7.
27. Дун Шицзинь. Туди фэньпэй ти вэньти (ся): [Задаю вопрос о распределении земли. Ч. 2] // Цзинцзи пинлунь. 1948. Т. 3. № 11. С. 3.
28. Там же. С. 6.
29. Там же. С. 5.
30. Дун Шицзинь чжи синь Мао Цзэдун тань тугай: [Дун Шицзинь направил письмо Мао Цзэдуну и обсудил земельную реформу] // Яньхуан чуньцзю. 2011. № 4. С. 85–88.
31. Там же. С. 86.
32. Там же. С. 87.
33. Там же. С. 88.
34. Там же.
35. Дун Шицзинь. Туди фэньпэй ти вэньти (шан). С. 3.
36. Там же.
37. Ван Хайбо, Цзоу Бинь. Ди эр цы гонэй чжаньчжэн шици макэсычжун юй фань макэсычжун цзай туди вэньти шан дэ доучжэн: [Борьба между марксизмом и антимарксизмом по земельному вопросу в период второй гражданской революционной войны] // Цзинцзи яньцзю. 1960. № 2. С. 35–47.
38. Там же. С. 38.
39. Там же. С. 39, 47.
40. Цит. по: Чжоу Цзяньбо, Юй Сытянь. Указ. соч. С. 147.
41. Там же. С. 148.
42. James E. Boyle. Agricultural Economics, 3rd ed., 1928; Thomas N. Carver. Principles of Rural Economics, 2nd ed., 1932; Edwin G. Nourse. Agricultural Economics, 1923; Henry C. Taylor. Agricultural Economics, 1921. См.: Trescott P.V. Op. cit. P. 233.
43. Юй Сытянь, Чжоу Цзяньбо, Лян Иньхэ. «И нун ли го» хайши «и гуи ли го»? — Миньго шици ли го чжи чжэн дэ цзай сыкао: [Основывать государство на сельском хозяйстве или на промышленности? — Переосмысление спора республиканского периода о том, на основании чего строить государство] // Сибэй нунлинь кэцзи дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). Т. 18. № 1. Январь 2018 г. С. 147.
44. Чжоу Цзяньбо, Юй Сытянь. Указ. соч. С. 145.
45. Дун Шицзинь. Нунье цзинцзисюэ. С. 56.
46. Юй Сытянь, Чжоу Цзяньбо, Лян Иньхэ. Указ. соч. С. 148.

Дискуссионная трибуна

Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты

© 2018

М.С. Михалев

В статье предпринята попытка осмысления трансграничного района, прилегающего к российско-китайской границе, в качестве самостоятельного региона, обладающего особой субъектностью. Делается вывод о том, что он представляет собой последовательность буферных зон, образовавшихся вдоль линии разграничения либо вследствие целенаправленной политики одной из сторон, либо помимо их воли, в результате действий самих жителей приграничья. Эти буферные зоны не являются пустотами в полном понимании этого слова, ибо их культурное и социальное наполнение обеспечивают представители коренных малых народов региона. Именно они выступают гарантами мирного контакта двух крупнейших государств Евразии.

Ключевые слова: Китай, государственная граница, трансграничье, коренные народы, буферные зоны.

DOI: 10.31857/S013128120002696-6

Трансграничье России и Китая: потребность в антропологическом осмыслении

В то время как любая трансграничная территория является, в той или иной степени, особенной, границу Китая и России и прилегающие к ней районы можно с полным основанием назвать уникальным географическим и культурно-историческим феноменом. Несмотря на почти двукратное сокращение, вызванное распадом СССР и появлением новых государств, и, как следствие, новых границ в Центральной Азии, зона разграничения двух этих стран до сих пор поражает воображение и своей протяженностью, и разнообразием заключенных в ней природных и культурных ландшафтов¹. Велико также и ее геополитическое значение. По крайней мере, в течение последних четырех столетий она служила своеобразным отражением истории всей центральной части Евразии, да и в наши дни происходящее в приграничном пространстве двух крупнейших государств континента во многом формирует его повестку дня. Стоит отметить, что граница России и Китая много раз становилась ареной драматических коллизий и знала как моменты кон-

Михалев Максим Сергеевич, кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com.

фронтации, так и времена плодотворного, взаимовыгодного сотрудничества. При этом она не только отражала тенденции внешнеполитического курса, формируемого в столицах двух стран, или, к примеру, динамику постепенно изменяющегося соотношения их экономического и военно-политического веса: иногда именно ситуация в зоне соприкосновения сама определяла характер отношений между двумя государствами².

Не вызывает сомнения, что понимание природы социально-экономических процессов, протекающих в районах, непосредственно прилегающих к границе РФ и КНР, которые также называют российско-китайским трансграничьем³, всегда представляло и будет представлять немалый практический интерес. Учитывая разворот вектора российской геополитики на Восток, а также тот факт, что Китай становится нашим стратегическим партнером, не прекращая при этом оставаться нашим основным конкурентом в регионе, процессы, протекающие в приграничных районах двух крупнейших стран континента, становятся все более значимыми и требуют как можно более глубокого осмысления. Четкое понимание, достигнутое в данном вопросе, способно предотвратить рост взаимного недоверия и напряженности в будущем, свести к минимуму возможность появления ложных представлений и принятия неверных решений, а также снизить вероятность возникновения социальной и политической напряженности во взаимоотношениях между соседними государствами и даже внутри самих этих государств.

Следует отметить, что основные этапы и характер формирования российско-китайской границы тщательно изучены⁴. Нет дефицита и в научных работах, посвященных спорам, омрачавшим историю взаимоотношений двух стран на протяжении определенной части XX века⁵. Ученых также привлекает феномен стихийной торговли и вызванные им демографические процессы, ставшие характерной особенностью жизни приграничных районов России и Китая в 90-х годах прошлого столетия⁶. При этом необходимо напомнить, что в мировой науке в последние десятилетия исследования приграничных территорий, до той поры сконцентрированные, в основном, вокруг политических и экономических аспектов, а также вопросов безопасности, перешагнули рамки узкой утилитарности. Значительно расширился спектр поднимаемых иностранными исследователями вопросов, богаче стала палитра применяемых подходов. Этому, в частности, способствовало подключение к дискуссии о природе и сущности приграничных территорий представителей социальной антропологии, которые обратили внимание на символический и культурный аспект проблемы, а также на уникальную идентичность, присущую жителям районов, примыкающим к государственным границам⁷. В связи с этим вызывает сожаление, что трансграничье России и Китая как объект изучения до настоящего времени мало интересовал представителей отечественной антропологии. И это при том, что, как подчеркивают историки, «сотни тысяч китайцев в России и не меньшее количество русских в Китае привели в действие механизм установления близких отношений именно между народами двух стран»⁸. Несмотря на это, в то время как зарубежные антропологи проявляют все возрастающий интерес к ситуации в приграничных районах России и Китая⁹, в нашей стране данная тема до сих пор остается прерогативой географов, историков и представителей политических наук¹⁰.

На самом деле населяющие приграничье простые люди не являются бессловесными исполнителями тех или иных экономических или политических решений центра или пассивными жертвами географической предопределенности. Скорее, наоборот: зачастую именно их действия или настроения являются источником этих самых решений¹¹. По этой причине представляется чрезвычайно важным при изучении приграничных районов России и Китая применение именно антропологического подхода, в соответствии с которым акцент будет делаться на изучении особенностей культуры, социальной организации, характера и идентичности жителей данного региона, рассматриваемых при этом в качестве активных участников и в какой-то степени творцов межгосударственных отношений. Немаловажно, что в этом случае само российско-китайское транс-

граничье будет конструироваться как особая территория, населенная жителями приграничных районов двух стран, обладающих общими для них судьбой и характером. С одной стороны, именно наличие подобной трансграничной общности выделяет их из массы сограждан, проживающих в отдаленных от границы регионах. С другой — сближает их с обладающими теми же качествами гражданами соседнего государства. Попытка сформулировать основу формирования подобной уникальной идентичности, а также сделать предположения по поводу ее характера предпринимается в данной работе. Как представляется, в дальнейшем это может способствовать лучшему пониманию особенностей российско-китайского трансграничья, а, стало быть, прогнозированию и в какой-то степени управлению степенью и характером его влияния на отношения двух стран.

Форма: совокупность латентных буферных зон

Не секрет, что приграничные районы России и Китая довольно слабо заселены и при этом экономически не развиты¹². Одной из причин такого положения является географическая удаленность приграничных районов от крупных промышленных и культурных центров. В свою очередь, это сказывается на степени их вовлеченности в политические, экономические, культурные и социальные процессы обеих стран. При этом препятствуют полноценной интеграции приграничных территорий также особенности их физической и экономической географии. Суровый климат, присущий этим особым районам, сложный рельеф, и, как следствие, недостаток стабильных путей сообщения затрудняют коммуникацию и делают экономически невыгодным и трудноосуществимым промышленное и сельскохозяйственное освоение региона.

Подобная ситуация обуславливает недостаток внимания к региону со стороны центральных властей обеих стран. Как с некоторой обидой напоминают в связи с этим представители местной интеллигенции. «с позиции Москвы и Пекина, эти [приграничные] районы в одинаковой степени являются отсталыми, периферийными и маловлиятельными с политической и экономической точек зрения»¹³. При этом стоит отметить, что подобное отношение к отдаленным приграничным регионам выражается в России и в Китае по-разному. В то время как Москва предпочитает, несмотря ни на что, держать все нити управления в своих руках, диктуя регионам политическую волю и ограничивая их экономическую инициативу по соображениям безопасности, Пекин предоставляет своим окраинам большую самостоятельность в том, что касается проведения независимой экономической политики. С одной стороны, можно констатировать, что центральные власти КНР проводят более либеральную экономическую политику, позволяя регионам заниматься внешнеэкономической деятельностью на свое усмотрение. С другой — можно отметить, что они в то же самое время все-таки бросают их на произвол судьбы, предлагая выживать самостоятельно в жестких условиях рыночной экономики¹⁴.

Сама по себе удаленность приграничья от центра не является чем-то из ряда вон выходящим, ведь схожую ситуацию можно наблюдать и во многих других регионах мира. Уникальность же именно российско-китайского трансграничного пространства состоит в том, что оно по своей сути представляет собой не просто совокупность периферийных территорий, примыкающих к линии соприкосновения двух стран. Оно может быть описано также как совокупность пустот, или буферных зон, специально или непреднамеренно созданных вдоль границы в процессе ее определения, делимитации и демаркации. Благодаря наличию подобных буферных зон российско-китайское трансграничье не поддается четкому определению и не обладает раз и навсегда заданными пространственными характеристиками. Его скорее можно обозначить как последовательность полостей, лагун, котловин и впадин, образовавшихся в местах неплотного соприкосновения территорий двух стран, которые в настоящее время по большей части являются фантомными, а потому невидимыми невооруженным взглядом, неидентифицируемыми и не восприни-

маемыми как препятствие. Все эти пустоты могут быть в какой-то момент времени сведены к минимуму, но они никогда не могут быть устранены полностью. Они прогрессируют, регрессируют и стагнируют, и делают это безотносительно того, чем заняты породившие и приютившие их государства. В этом смысле их можно соотнести с нематериальными структурами, образующимися на поверхности тел-хозяев¹⁵.

В подобной интерпретации российско-китайское пограничье может считаться обособленным социально-культурным феноменом, и его следует рассматривать как нечто объективно существующее, возникающее, развивающееся и исчезающее в соответствии со своей собственной внутренней логикой. Другими словами, несмотря на то, что с политической точки зрения две его составляющие, безусловно, являются неотъемлемыми частями, соответственно, России и Китая, с культурной, социальной, а иногда и с экономической точки зрения оно не принадлежит ни одному из них полностью. При этом трансграничье обладает своим собственным внутренним единством, позволяющим его идентифицировать, описать и классифицировать.

Рассуждая о предпосылках формирования подобной уникальной особенности российско-китайского трансграничья, следует указать, что к появлению буферных зон на приграничной территории обеих стран иногда приводили осознанные действия Китая, а иногда — и в этом случае, как правило, неосознанно — политика России. При этом в ходе разграничения зон влияния двух стран случались и ситуации, когда буферные зоны образовывались как бы «сами по себе», независимо от желания той или иной стороны, а иногда даже и вопреки ему. Можно сказать, что они являлись выражением воли самих жителей приграничных районов. Не секрет, что правители Поднебесной рассматривали появившихся у их рубежей русских как очередную волну «северных варваров», а потому строили свои взаимоотношения с ними в соответствии с уже отработанными в данном регионе стратегиями. Одной из таких стратегий, издавна применявшейся в отношении тех «варваров», что не желали интегрироваться в китаецентричную социально-культурную и политическую модель и признавать над собой символическую власть императора, но в то же время были достаточно могущественными для того, чтобы их нельзя было привести к покорности силой, была политика *цзими буцзюэ*, или *цзими*. Она представляла собой тактику связывания сил потенциального противника за пределами империи путем создания вдоль ее границ особой буферной зоны, которая исполняла роль своеобразного «пояса безопасности»¹⁶.

В том случае, когда существовала возможность поддерживать в работоспособном состоянии подобную буферную зону за пределами империи, китайцы выбирали именно этот вариант. Так, к примеру, обстояло дело на восточном фланге российско-китайской границы, где Китай был ограничен в своем суверенитете над территорией, не вошедшей в состав России по Нерчинскому договору, он четко следовал своим обязательствам и по существу превратил Приамурье в пустынную буферную зону¹⁷. Схожая, хотя и в меньших масштабах, тактика применялась Пекином и в ходе разграничения в Центральной Азии¹⁸. В том же случае, когда возможности сформировать буферное пространство за пределами страны не оказывалось, подобная полоса отчуждения формировалась уже внутри государства. Так, Тува, которая формально являлась частью Цинской империи, фактически не осваивалась ее жителями именно потому, что она виделась китайцам буфером между их монгольскими владениями и Россией. Несколько иная ситуация сложилась в восточной части нынешней Внутренней Монголии, в Хулунбунуре, который, формально являясь частью китайского государства, был ему также де-факто неподконтролен. Здесь, однако, это произошло во многом вопреки желаниям Пекина, который предпринимал неоднократные попытки инкорпорировать эту приграничную территорию в тело империи и превратить ее в подобие обычной китайской провинции. Как утверждает в своем исследовании Урбанский, достигнуть этого ему не позволили близость границы с Россией и заинтересованность последней в сохранении неопределенного статуса

Хулунбуира¹⁹. Думается, однако, что истинной причиной постигшей Китай неудачи были не происки соседей, а то, что подобное неопределенное положение устраивало самих жителей региона, а стало быть, можно говорить о том, что в данном случае буферная зона образовалась «по собственной инициативе». Подобные до конца не разграниченные, плохо освоенные и, по сути своей, ничейные территории сохранялись в пределах трансграничного пространства Китая и России вплоть до самого начала XX века, когда, наконец, была проведена линия разграничения на Памире.

Стоит упомянуть, что царское правительство и сами жители российского приграничья зачастую рассматривали линию разграничения с Китаем как относительно мирный, но все же подвижный фронт, который медленно, но верно движется в восточном направлении. Динамика взаимоотношения двух государств, одно из которых давно вступило в период упадка, а другое при этом довольно бурно развивалось, приводила к тому, что буферные зоны, которые цинское правительство предусмотрительно создавало на своих северных и западных рубежах, постепенно входили в состав России. Иногда, как это случилось с Тувой, в таком же положении оказывались и некоторые до той поры *внутренние* буферные зоны Китая. Однако после революции 1917 года в России этот процесс был в основном приостановлен, и стороны в конце концов согласовали статус-кво, который во многом продержался вплоть до наших дней. Появившиеся вслед за этим новые буферные зоны либо становились самостоятельными государствами, как это случилось с Монголией, либо постепенно, но неизбежно интегрировались в состав соответствующего государства. Именно так произошло в Синьцзяне или в том же Хулунбуире после прихода к власти коммунистического правительства во главе с Мао Цзэдуном. Схожая история наблюдалась в южных районах Алтая, центральных районах Памира и в формально независимой, но фактически являвшейся протекторатом Советского Союза Туве, которая в 1944 г. окончательно вошла в состав СССР и превратилась в автономную республику в составе РСФСР.

Однако не стоит забывать, что границы продолжают служить важными культурными и социальными водоразделами в течение очень долгого времени после того, как политики, как это им кажется, окончательно стерли их с лица земли²⁰. На самом деле и буферные зоны между государствами — даже после того, как они прекращают существование в качестве таковых с точки зрения тех же политиков или историков. — также могут становиться фантомными, оставаясь важным фактором социокультурного ландшафта. Как это хорошо понимают антропологи, которых интересуют идентичности, культурные различия, системы ценностей и модели поведения, латентные, фантомные и скрытые линии разграничения, а стало быть, и образованные ими полости, продолжают свое существование еще очень долгое время после того, как видимые линии раздела исчезают по тем или иным причинам. При этом их разрушительный (а иногда и созидательный) потенциал, незаметный для всех остальных, продолжает оставаться очень существенным, и может проявить себя в действии в любой, самый неожиданный момент.

Как представляется, именно наличие подобных фантомных буферных зон практически на всем протяжении современной российско-китайской границы до сих пор служит одним из тех факторов, что способствуют предотвращению прямой конфронтации между странами, и в то же время является ее важнейшей особенностью. При этом их в настоящее время скрытый, латентный характер лишь усиливает данный эффект, умело маскируя эти особенные объекты на карте страны и отвлекая от них внимание политиков по обе стороны границы. В противном случае, они предпринимали бы гораздо больше усилий по их окончательной интеграции в единое тело страны. Последствия этих шагов, на самом деле, могли быть непредсказуемыми и способными привести к утрате российско-китайским трансграничьем своего мирного характера и уникальной структуры.

Содержание: этническая «цитоплазма»

Еще одной важной особенностью российско-китайского трансграничья в том виде, в котором оно нам известно, является то, что его формирование происходило в так называемой контактной зоне, этнический состав которой существенно отличался от того, что был присущ центральным районам обеих стран²¹. В научной среде по этому поводу распространено мнение, согласно которому в процессе разграничения сфер влияния и проведения пограничных линий между Россией и Китаем власти обеих стран практически не принимали в расчет мнение тех народов, по землям которых они проходило, преследуя при этом лишь собственные политические и экономические цели. Роль же самих коренных народов региона была пассивна, а потому их можно считать жертвами колониальной политики²². Интересно, что подобного мнения придерживаются не только представители рефлексировавшей части интеллигенции тех самых народов, по землям которых прошла в итоге российско-китайская граница, или зарубежные исследователи, никогда не испытывавшие особых симпатий к России. Его разделяют и многие российские исследователи²³.

Между тем, как показал Салинс²⁴, в динамичной и неоднозначной среде любого трансграничья нередки ситуации, когда незначительные различия и противоречия, подспудно или открыто проявляющиеся в отношениях приграничных местных сообществ между собой, вынуждают инкорпорирующие их в свой состав государства проводить линии разграничения там, где они уже давно существуют на локальном уровне. В таких случаях центральные власти, претендующие на суверенитет над той или иной территорией, вынуждены учитывать особенности местного культурного, этнического и политического ландшафта, превращая их в составную часть ландшафта общенационального. Несмотря на то, что иногда утверждают, будто российско-китайское разграничение в Восточной Сибири разрезало на части единый прежде монгольский мир, различия и противоречия между собственно монголами и бурятами существовали здесь задолго до того, как в эти края пришли и русские, и китайцы. Разграничение между двумя внешними игроками оказалась при этом удобным поводом для самих местных жителей, позволив им придать официальную форму существовавшему задолго до делимитации границ разделению. Не менее характерным является и пример с Тувинской автономной республикой (ныне Республика Тыва), которая вошла в состав СССР во многом по причине противоречивых отношений с близкой в этническом и культурном отношении Монголией. Тот факт, что отдельные группы приграничных народов оказались при этом по разные стороны государственного рубежа, как это случилось, например, с тувинцами или казахами на Алтае, является всего лишь следствием того, что официальная граница во многих местах проходила по районам, где наблюдалось чересполосное проживание различных этнических групп. Этот фактор, в свою очередь, практически невозможно учесть в условиях официальной демаркации рубежей двух стран, при которой незыблемость политических линий разграничения накладывается на текучесть этнических водоразделов²⁵.

Участие коренных народов региона в процессе формирования границы не ограничивалось их влиянием на ее окончательный рисунок посредством наложения на него различий, существовавших между отдельными этническими группами и подгруппами в районе соприкосновения сфер влияния России и Китая. С одной стороны, и китайцы, и русские довольно активно использовали «национальный вопрос» в ходе переговоров между собой, охотно апеллируя к историческим прецедентам или пытаясь заручиться моральной или даже военной поддержкой коренных народов формировавшегося трансграничного пространства. Так, к примеру, описывается процесс разграничения, проходивший в Центральной Азии: «...стороны [...] повели разговор о подданстве пограничных народов — тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов и других. Цинские представители заявили, что все казахи и киргизы суть подданные богдыхана — “иско-

ни принадлежат Китаю»²⁶. С другой стороны, сами эти народы использовали соперничество великих держав между собой в своих личных целях, в итоге сталкивая их между собой. Можно вспомнить и о том, что именно действия «тунгусского князя» Гантимура, который постоянно лавировал между Китаем и Россией, с легкостью переходя из одного подданства в другое, послужили одной из причин вооруженного конфликта между двумя этими странами в Приамурье. Схожая ситуация наблюдалась столетие спустя и на Алтае, где судьба тюркоязычных подданных Джунгарского ханства, бежавших после его разгрома китайскими войсками на неразграниченные территории средней части этой горной страны, долгое время являлась камнем преткновения в отношениях России и Китая на этом участке границы.

В то же самое время вклад коренных народов современного российско-китайского трансграничья в налаживание взаимопонимания между представителями двух государств также велик. «Взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии народов-медиаторов», считают историки²⁷. К таким народам-медиаторам можно отнести монголов, казахов, киргизов, маньчжуров и других. Во многом необходимость в их посреднических услугах вызывалась тем, что русским и китайцам было довольно сложно найти общий язык, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Попытка привлечь для этого иезуитов и перейти в ходе переговоров на латынь оказалась не слишком успешной. В условиях, когда ни русские, ни китайцы не владели речью друг друга, средством дипломатического общения между ними стал монгольский язык. В результате, даже в XX веке, в процессе согласования Цицикарского протокола 1911 года, стороны не просто взяли за основу монгольский текст Кяхтинского договора 1727 года, но также признали монгольский язык основным в работе комиссии. Не стоит забывать и о том, что обширный опыт взаимодействия с народами, населявшими регионы, расположенные в азиатской части страны, помогал российскому государству налаживать разносторонние связи с самим Китаем, ведь эти народы в свое время многое переняли от китайцев и в культурном, и в социальном, и в политическом отношении.

Нельзя назвать судьбу коренных народов региона трагичной, а их роль пассивной и в период после того, как разграничение между Россией и Китаем было фактически завершено и они оказались по разные стороны государственной границы. Скорее наоборот, делимитация привнесла в их жизнь позитивные перемены. С одной стороны, вплоть до второй половины XX века присущая трансграничью России и Китая пористость не препятствовала их достаточно тесным контактам с соплеменниками, оказавшимися по ту сторону линии разграничения. С другой — наличие за рубежом близких родственников, общий с соседями язык, ментальность и культура позволяли им выступать посредниками в ходе трансграничного взаимодействия двух стран и делать это с определенной выгодой для себя. Можно сказать, что сама граница и порожденная ею трансграничная общность являлись тем ценным ресурсом, который мог быть использован представителями периферийных народов в своих интересах до тех пор, пока их уникальное положение и навыки придавали им особую ценность в глазах центра. Некоторые, как, к примеру, буряты, воспользовались этим преимуществом довольно успешно. Как подчеркивает в связи с этим Шаглаюва, «буряты постепенно принимали на себя роль агентов государства и в конце концов, уже во времена Советского Союза, стали его основными агентами в приграничной зоне»²⁸. Другие же оставались лишь пассивными реципиентами того особого внимания центральных властей, которое доставалось им в силу их приграничного положения. Характерным в этом смысле является пример жителей советского Памира, которые пользовались многочисленными льготами и напрямую субсидировались из Москвы, придававшей особое значение развитию ситуации на чувствительной окраине страны, которая к тому же выступала витриной достижений социалистического образа жизни. Как только единое государство распалась, важность

региона для властей в Душанбе, не слишком озабоченных сохранением внешнеполитического престижа, резко упала.

Несмотря на то, что за последние несколько веков в национальном составе территорий, примыкающих к российско-китайской границе, произошли существенные изменения, вызванные, в частности, миграцией в эти районы ханьцев и русских, ее характерной особенностью до сих пор является наличие вдоль всей линии соприкосновения значительного числа представителей коренных народов. Формы институционализации этого присутствия на разных участках границы при этом различны. В одних районах коренные народы проживают дисперсно и уже давно растворены в русском и китайском населении. Здесь стоит упомянуть представителей коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока России, которые также проживают и на территории расположенного по ту сторону границы северо-востока КНР. К ним относятся эвенки, ороконы, нанайцы (хэчжэ) и корейцы. Где-то, как, например, на Алтае или в Забайкалье, национальные меньшинства обладают существенной национальной автономией, их присутствие здесь находит отражение в структуре государственного устройства. Можно также упомянуть Республику Алтай, Агинский бурятский округ Забайкальского края, который до недавнего времени был автономным, автономные районы Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский в КНР. Наконец, в Центральной Азии бывшие коренные народы российской части трансграничья обрели независимость и теперь напрямую выстраивают свои отношения с Китаем, при этом оставаясь в сфере военного и дипломатического влияния России, которая опосредованно также участвует в протекающих в регионе процессах.

При этом следует подчеркнуть, что независимо от степени автономности и независимости коренные народы российско-китайского приграничья в наши дни не в меньшей степени, чем в прошлом, играют роль проводников культурных и социальных влияний обеих стран. По сути своей они являются своеобразной «цитоплазмой» приграничья, которая наполняет собой буферное пространство разделенных мембраной государственных границ России и Китая культурным и социальным содержанием. Именно их участие в результате обеспечивает возможность плодотворного, но безопасного контакта между двумя столь сильно различающимися титульными этносами двух стран. Благодаря своему положению народов-посредников они становятся идеальными проводниками идей, ценностей, информационных потоков и даже товаров, как это происходит, к примеру, с шэнэхэнскими бурятами в Забайкалье²⁹. С одной стороны, они служат спайкой, объединяющей две страны в единое социально-культурное пространство, с другой — не допускают на линии соприкосновения серьезных конфликтов. Наличие подобного «активного буфера» в трансграничном пространстве России и Китая позволяет смягчать противоречия между жителями центральных районов двух крупнейших государств континента, помогая русским и китайцам избежать прямого контакта там, где он не является необходимым, при этом не изолируя их друг от друга полностью. В этом смысле можно утверждать: в то время как наличие цепи буферных зон служит предпосылкой мирного взаимодействия двух крупнейших государств Евразии на политическом уровне, насыщенность этих буферных зон представителями коренных народов региона является гарантией того, что эти самые буферные зоны не разъединяют две страны окончательно.

Сущность и функция: лимитрофная территория

Термин «лимитроф» в западной науке, как правило, используют лишь в отношении зависимых государств на границах Римской империи, в то время как в российских политических, околонуточных и в научных кругах он обычно вызывает ярко выраженные негативные коннотации. Его используют, причем с легким оттенком пренебрежения, при попытке охарактеризовать роль и место государств Восточной и Центральной Европы,

расположенных вдоль западных рубежей России и служащих странам Западной Европы своеобразным *cordon sanitaire*. Между тем в понятии лимитрофа в том виде, в котором его ввел в научный оборот В. Цымбурский, обозначивший им промежуточное, буферное пространство между крупными цивилизационными или, скорее, культурно-историческими платформами, нет ничего априори негативного³⁰. С одной стороны, наличие полноценного лимитрофного пространства по периметру крупной страны может быть полезным, а иногда и критически необходимым как для ее собственной безопасности, так и для безопасности ее геополитического визави, служа обем сторонам своеобразным амортизатором. Подобные пространства, которые могут ограничиваться отдельными приграничными регионами в составе национальных государств, но иногда включают в себя целые страны или даже группы стран, способствуют поддержанию мирных, сбалансированных отношений между двумя примерно равными по мощи геополитическими тяжеловесами, которые в противном случае могут легко оказаться в ситуации взрывоопасного конфликта. С другой стороны, те государства или районы, что расположены в пределах этого промежуточного пространства, также в состоянии извлечь существенные выгоды из своего уникального географического положения. Следует оговориться, впрочем, что это возможно лишь при условии того, что они смогут избежать соблазна отвергнуть свою двойственную природу, окончательно примкнув к одной из сторон³¹.

Как представляется, трансграничный пояс, сформировавшийся вдоль линии разделения России и Китая и протянувшийся от берегов Тихого океана до гор Памира, также может с полным правом быть назван лимитрофной зоной в том нейтральном значении, под которым она подразумевается у Цымбурского. К сожалению, в силу упомянутой выше привычки рассматривать лимитроф как нечто токсичное и неполноценное, эксперты склонны наделять населяющие эту чувствительную переходную зону между двумя странами народы не самыми благозвучными эпитетами³². На самом же деле, оказавшиеся волею исторических судеб на территории своеобразного геокультурного и цивилизационного водораздела Евразии этносы именно благодаря ему обретают свою историческую миссию народов-посредников, народов-медиаторов. Таким образом, именно он, в какой-то мере, является основой их современной идентичности. В свою очередь, они смягчают шероховатости во взаимоотношениях двух крупнейших государств континента и тем самым способствуют достижению глобального геополитического равновесия в его центральной части. Причем делают они это уже на протяжении довольно длительного исторического периода. Во многом благодаря этим посредническим усилиям отношения между двумя евразийскими гигантами остаются в общем и целом мирными. В этой миссии, безусловно, нет ничего достойного пренебрежения. Кроме всего прочего, необходимо отметить, что именно присутствие эвенков, нанайцев, бурят, тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов, памирских народов и монголов обуславливает само существование российско-китайского трансграничья как особой культурной и социальной общности, насыщая его содержанием и придавая ему уникальный, отличительный характер межгосударственной буферной зоны и, в какой-то степени, осевой структуры всего континента.

При этом сами эти народы, оказавшиеся в межграничном пространстве по воле истории, никогда не были и до настоящего времени не являются безвольными жертвами или пассивными бенефициарами истории взаимоотношений двух крупнейших государств региона. Во многом именно от их действий, решений и предпочтений зависела и до сих пор зависит конфигурация и динамика взаимодействия России и Китая. Другими словами, говорить о том, что они пали когда-то жертвой неподконтрольных им геополитических процессов, говорить не совсем корректно. Как правило, не утверждают этого и они сами, чем выгодно отличают себя от тех стран и народов, которые схожим образом оказались зажатыми между Россией и странами Западной Европы. Территория российско-китайского трансграничья остается зоной эффективного и взаимовыгодного сотрудничества, а не конфронтации. Возможно, в этом и состоит главное отличие и главное

преимущество восточного участка гипотетического «Великого Лимитрофа», о котором писал Цымбурский, по сравнению с западной его частью. Она, другими словами, одинаково благоприятно воздействует как на государства, которые она разъединяет, так и на народы, непосредственно это разделение реализующие. По этой причине сохранение российско-китайского трансграничья как последовательности буферных зон, населенных коренными народами, обладающими собственной миссией и собственной идентичностью, является задачей первостепенной государственной важности. Не менее важным являются и дальнейшее изучение и концептуализация накапливаемого здесь опыта, который, безусловно, может быть и должен быть востребован и в других подобных трансграничных регионах России.

1. «Часть бывшей советско-китайской границы стала границей между Китаем и новыми независимыми центральноазиатскими государствами — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном (3700 км)...В настоящее время российско-китайская граница состоит из двух участков — протяженного участка, на котором с провинцией Хэйлунцзян и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР граничат следующие субъекты Российской Федерации: Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская и Читинская области (4325 км), и небольшого участка границы между республикой Алтай и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (55 км)» (цит. по: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. Волгоград: НОФМО, 2002. С. 180).
2. В связи с этим можно вспомнить конфликт вокруг о. Даманский, который произошел в 1969 г. и поставил на грань полномасштабной войны два крупнейших социалистических государства мира того времени.
3. *Ларин В.Л.* Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 12. С. 69.
4. Исторический аспект проблемы, к примеру, подробно рассмотрен: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XIX вв. М.: РИО Мособлупр-полиграфиздата, 1996. 482 с.; *Он же.* Особенности становления договорных отношений России с Китаем // *Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916)* / под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2004. С. 3–43; *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 215 с. Большое количество информации содержится и в коллективной монографии, посвященной истории российско-китайских отношений: *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
5. См., например: *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.
6. *Рыжова Н.П.* Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // *Вестник ВолГУ*. Сер. 4. 2008. № 1 (13). С. 107–114.
7. *Wilson T., Donnan H. (eds.)* Border Identities. Nation and State at International Frontiers. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 301 p.
8. *Мясников В.С.* Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) // *Российско-китайские исследования*. 2017. Т. 1. № 1. С. 10–21.
9. См., например: *Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Borders* / Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.). Cambridge: Open Publishers, 2012. 282 p.; *Ивасита А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. 333 с.
10. *Колосов В.В.* Теоретическая лимнология: новые подходы // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 3. С. 44–59.
11. *Shaglanova O.* The “Borderlands Milieu” between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // *Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.)* Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies. Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 124.

12. «В социально-экономическом отношении российско-китайская граница проходит по периферийным районам обеих стран... Причем с российской стороны располагаются значительно менее населенные и освоенные территории. В российских приграничных регионах (Республика Алтай, Приморский и Хабаровский края, Читинская и Амурская области, Еврейская автономная область) проживает 6,3 млн человек, или 4,3% населения страны. В приграничных китайских регионах (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян и Гирин) проживает почти 110 млн человек (8,5%). Российские приграничные регионы дают около 3,7% валового регионального продукта страны (1999), а китайские 8,8% ВВП Китая (2000)». Цит. по: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. Волгоград: НОФМО, 2002. С. 180–208.
13. *Ларин В.И.* Указ. соч. С. 70.
14. *Cheng Yang.* State-Managed Integration as a Contributor to Regional Development: The Cooperation Program between China's Northeast and Russia's Far East and Eastern Siberia (2009 to 2018) // *Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 38.
15. *Casati R., Varzi A.C.* Holes and Other Superficialities. Cambridge (MA): MIT Press, 1994. 264 p.
16. См., например: История внешней политики России. Конец XV — XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения. 1999. 448 с. Рассуждая об особенностях внутренней политики Китая на северо-восточных рубежах, историки говорят о том, что важность периферийных районов Маньчжурии диктовалась им соображениями сохранения промежуточной, буферной зоны для защиты границ от нападения потенциальных противников.
17. История внешней политики России. Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения. 1999. 448 с.
18. «После завоевания маньчжурской династией Цин Джунгарии и Восточного Туркестана в 50-х годах XVIII в. и образования на их месте наместничества Синьцзян цинские власти выставили на границе с Казахстаном, Киргизией и Горным Алтаем три типа караулов (калуней): постоянные, обозначавшие собственно пределы Цинской империи, передвижные или сезонные и временные, задача последних заключалась в том, чтобы контролировать ситуацию в приграничной полосе и не допускать кочевников к границе Китая» (цит. по: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 43). Именно эти пикеты, обозначавшие, по сути, буферную зону, примыкающую к границе страны, в дальнейшем превратились в предмет спора между представителями России и Китая, ибо китайцы настаивали на том, что они и после подписания договора о разграничении должны обладать суверенитетом над этими, ничейными по сути своей, землями.
19. *Urbansky S.* Tokhtogo's Mission Impossible: Russia, China, and the Quasi-independence of Hulunbeir // *Inner Asia.* 2014. Vol. 16. Is. 1. P. 64–94.
20. *Bille F.* Phantom Pains in Manchuria: Dreams, Projection and Nostalgia // *Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 73–75.
21. Российский историк Галенович следующим образом характеризует те земли, по которым, в итоге, прошла линия разделения: «Граница между Россией и Китаем — это рубежи, размежевывающие территории, которые изначально не были землями собственно русских или собственно ханьцев» (цит. по: *Галенович Ю.М.* Указ. соч.)
22. *Sasaki Sh.* A History of the Far East Indigenous Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires. // *Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 163–193.
23. Вот так, к примеру, описывает российский историк Моисеев процесс разграничения, проходивший в Центральной Азии в XIX веке: «...следует сказать, что и Россия и Цинская империя делили земли других, покоренных или присоединенных ими в разное время народов (интересы которых были проигнорированы договаривавшимися сторонами), а не свои этнические территории» (цит. по: *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 61).
24. *Sahlins P.* State Formation and National Identity in the Catalan Borderlands during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Wilson T., Donnan H.* Op. cit. P. 31–61.

25. «В этих областях обычно очень сложно или даже невозможно провести черту между проживающими по соседству народами, основываясь на их этнической или культурной отличительности» (цит. по: *Мартынова М.Ю.* К вопросу об изучении пограничных территорий // *Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья.* М.: ИЭА РАН, 2012. С. 11).
26. *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 49.
27. *Мясников В.С.* Россия и Китай... С. 13.
28. *Shaglanova O.* Op. cit. P. 139.
29. *Михалев М.С.* Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // *Известия лаборатории древних технологий.* Т. 13. № 4. С. 108–120.
30. *Цымбурский В.Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.
31. Данная проблема стала особенно актуальной для стран Балтии, а также Украины, Белоруссии и Молдавии в контексте глобального политического, экономического и идеологического противостояния России и стран ЕС. В свою очередь это способствовало тому, что теоретические аспекты приграничья всерьез интересуют ученых из этих стран, занятых поиском выхода из, как многим кажется, геополитической ловушки, в которой они оказались. Подробнее см.: *Титаренко Л.Г.* Теории пограничья // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2013. Т. XVI. № 2 (67). С. 28–48; *Беспалытных Н.Н.* Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / ред. М.А. Можейко. Минск: РИВШ, 2007. 404 с.
32. Один из примеров такого отношения можно обнаружить и в упоминавшемся выше исследовании, посвященном новым границам России: «Таким образом, советско-китайская граница формировалась на лимиторфных (по В. Цымбурскому) территориях, населенных народами, меньшими по численности и отстававшими от России и Китая в культурном отношении» (цит. по: *Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов.* Волгоград: НОФМО, 2002. С. 139).

Трансформация социокультурных пространств России и Китая в условиях приграничья: современные реалии, тенденции, перспективы

© 2018

В.С. Морозова, К.С. Дубровская

В статье анализируется процесс трансформации приграничных социокультурных пространств России и Китая на примере региональной пары Забайкальский край РФ — Северо-Восток КНР (Дунбэй). Авторы описывают их функционирование в трех измерениях — локальном, национальном и инокультурном. В этом контексте представляется актуальным обращение к особой практике развития приграничных территорий, которые сегодня выступают не только форпостом, но и местом активного взаимодействия стран, культур, цивилизаций. Авторы делают вывод об одностороннем векторе пути распространения культурных элементов, что диктует необходимость поиска стимулов для дальнейшего качественного развития межрегионального сотрудничества России и Китая, определения места культурной политики приграничных регионов в общей стратегии развития национальной культуры.

Ключевые слова: социокультурное пространство приграничного взаимодействия РФ — КНР, региональная культура, социокультурная идентичность, Забайкальский край РФ, Северо-Восток КНР (Дунбэй).

DOI: 10.31857/S013128120002695-5

Обращение к феномену российско-китайского приграничья сегодня привлекает внимание с точки зрения как его теоретического осмысления, так и практической визуализации. Интерес возрастает и в связи с интерпретацией термина «социокультурное», который, в отличие от российской научной практики, не используется в работах китайских ученых, что связано с типологическими особенностями китайского языка¹. Социокультурные механизмы, структурирующие пригранижье как уникальный культурный феномен, требуют их осмысления с учетом эмпирической базы, построенной по «зеркальному принципу» (с двух сторон — российской и китайской). Современные китайские философы объясняют сущность социального пространства идентично пониманию «социокультурного», устоявшегося в российской науке, теория же культурного пространства находится в стадии становления. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия осмысливают само культурное пространство как вместительное материального и нематериального культурного наследия, оформляющего китайское социальное². Более того, социокультурное пространство приграничья

Морозова Валентина Сергеевна, доктор филос. наук, доцент, профессор кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: morozova1550@mail.ru;

Дубровская Кристина Сергеевна, аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: hatkova@inbox.ru.

(как со стороны России, так и со стороны Китая) диктует необходимость его функционирования в трех культурных измерениях — локальном, национальном, инокультурном.

Практическая сторона взаимодействия в приграничье не может обойтись без анализа теоретического пласта работ по этой тематике. Прежде всего, в российском и китайском научном дискурсе преобладают труды, посвященные общим проблемам взаимопроникновения культур, однако системно вопросы трансформации приграничных социокультурных пространств не освещаются. Сегодня одной из важнейших задач науки становится выработка методологической основы для осмысления всего спектра явлений российско-китайского приграничья, в разработку которой весомый вклад вносят и сформировавшиеся региональные научные школы (научная школа диалога культур Северо-Восточной Азии под руководством д-ра филос. наук, профессора М.Н. Фоминной, научная школа интерпретаций региональных практик современного Китая под руководством д-ра филос. наук, профессора Н.А. Абрамовой). Бесспорно, по тематике российско-китайского взаимодействия преобладают труды, затрагивающие аспекты политики, экономики, демографии, что связано с основными направлениями внешней политики обоих государств. Вместе с тем пространство приграничного взаимодействия РФ — КНР как объект исследования само по себе представляет отдельный интерес именно для философской рефлексии, так как оно конструируется различными цивилизациями и культурами. Практика внутривзаимодействий переходит здесь от межкультурных к межцивилизационным. И этот аспект не должен быть нивелирован. Нельзя забывать и о том, что традиционная китайская философия, имеющая более чем 5-тысячелетнюю историю, глубоко инкорпорирована в современную политику КНР, в России же очевиден евразийский вектор, что требует дополнительного исследовательского внимания.

Говоря о приграничных социокультурных пространствах, мы делаем акцент на Забайкальском крае РФ и Северо-Востоке КНР. Поскольку Забайкальский край является воротами в Азию не только для Дальнего Востока России, но и для ряда западных регионов страны, то в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР основой культурной идентичности для населения Забайкалья может стать соединение восточного и западного начал. Становление Забайкальского края как универсального посредника между АТР и Европой способно сгладить межкультурные противоречия, вывести диалог между этими регионами на принципиально новый уровень³. Что касается китайского приграничья, то согласно выдвинутой концепции руководства страны о роли культурного фактора в развитии Северо-Востока КНР, регион Дунбэй аккумулирует большой потенциал развития приграничных регионов путем «осознанного стремления к достижению гармонии при все возрастающем значении культуры»⁴.

Руководитель Центра изучения культуры Китая Института Дальнего Востока РАН А.Е. Лукьянов справедливо отмечает: «Социокультурное пространство российско-китайского приграничья, казалось бы, территориальная и культурная периферия, малозначимая для политических и гуманитарных центров обеих стран. Однако именно здесь таятся ключи взаимопонимания и взаимодействия России и Китая, что символически и программно запечатлено в лозунге “Всегда друзья и никогда враги”». Приграничье — полоса, роднящая и противоборствующая, говоря философским языком, бурлящая подобно хаосу, и что конкретно она может породить — никому не известно. Поэтому крайне важно найти рациональные методы культурной организации этого пространства, что будет способствовать решению целого ряда первостепенных задач: культурной безопасности России в условиях глобализации, приобретения опыта построения подлинного (не декларативного) диалога культур и цивилизаций России и Китая, в конечном счете — достижения симфонического созвучия культур Евразийского континента при сохранении их самобытности.

С точки зрения практики наличие динамической системы развития взаимодействий России и Китая, которые, находясь в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия, в силу цивилизационных различий все же не могут сформировать единое социокультурное пространство, заставляет обратить внимание не только

на активизацию культурных практик по обе стороны границы, но и на сохранение культурных особенностей и идентичностей по разные ее стороны.

Справедливо возникает вопрос — аспатиальны ли приграничные пространства? Говоря об аспатиальности как характеристике приграничных пространств, невозможно утверждать, что российские границы действительно представляют собой энтропийные пространства. Если аспатиальность — это пониженная реакция границы на какие-то явления (пусть даже культурные), то в пространстве российско-китайского фронта очевидно происходят процессы культурной диффузии, что отражается не только на формировании этнокультурного ландшафта приграничья, но более всего — на формировании и трансформации региональной культурной идентичности населения. Сегодня граница является проницаемой, а ее стороны активно участвуют во взаимодействии. Важной характеристикой данных процессов выступает необходимость уделить особое внимание факту сохранения целостности, самости, самостоятельности русской и китайской культур, взаимодействующих между собой, но находящихся по разные стороны. В этом контексте известный постулат Киплинга о том, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и вместе им не быть» стоит проанализировать с разных точек зрения. Система сложнейших связей между приграничными субъектами, которая является основой их совместного, но самостоятельного развития, выступает неким феноменом, нацеливающим на его детальное философско-культурологическое осмысление.

Что касается тезиса о невозможности формирования единой культуры приграничья в связи с цивилизационными различиями России и Китая, то авторы настаивают на том, что цивилизационные особенности приграничных культур России и Китая делают невозможным как формирование единого социокультурного пространства приграничья, так и тем более — единой приграничной культуры РФ — КНР. Такими цивилизационными различиями выступают не только психологические и ментальные различия русских и китайцев, особые нормы морали, трудно объяснимые с западной точки зрения. Это и принципиально различные идеологические системы (для основ китайской культуры свойственен синкретизм — три учения: конфуцианство, буддизм и даосизм, у русской культуры — единая основа: православное христианство)⁵. Принадлежность русской и китайской письменности к разным типам также служит большим препятствием в формировании единой приграничной культуры. Особенности нероглифической письменности временами создают немалые трудности даже в общении между представителями двух культур, и это обстоятельство также затрудняет процесс культурной интеграции России и Китая. Что же касается примеров формирования на фронтах устойчивых культурных образований, показателен пример формирования единого социокультурного пространства Европы. В течение долгого времени страны Европы в силу ряда различий (политических, религиозных, языковых) были не только разобщены, но и враждебны друг другу. Но так или иначе античное наследие, христианство, средневековая культура составили мощный фундамент единого европейского мира, который сегодня реализуется в рамках европейской интеграции.

Бесспорно, именно в приграничных регионах происходит непосредственное соприкосновение культур, которое способствует возникновению и формированию особых социокультурных пространств. Данная культурная целостность способна ассимилировать различные элементы граничащих культур. Выделение культуры в качестве важнейшего элемента межрегионального сотрудничества государств и процесса приграничного взаимодействия дает возможность изменить видение приграничного региона, осознать его роль в трансляции ценностей общенациональной культуры, понять значимость его вклада в социокультурное пространство страны⁶.

Взаимоотношения между человеком, культурой и географическим пространством в приграничье обусловлены самим явлением границы. Более 4000 км общей границы с Россией определяют Китай не просто как соседнее государство. Он представляет собой крупнейшую из сопредельных восточных цивилизаций. Несмотря на то, что рос-

сийское и китайское пространство определено и обозначено государственными границами, область их взаимодействия не имеет четко очерченной территории⁷.

События, возникающие на фронтире, выступают наиболее наглядными проявлениями культуры. Именно на фоне «другого» «личное» становится вычужденным и видимым. Культурные практики, образующие ткань социокультурного пространства, в этих условиях актуализируются наиболее полно. Вместе с тем можно предположить, что наличие таковых практик «по ту сторону границы» ведет к ослаблению структурного воздействия института государства, в связи с чем процесс взаимодействия и конструирования протекает наиболее чисто. Не случайно именно события фронтира привлекают к себе наибольшее число исследователей. Дополнительную актуальность придает обращение к культуре Китая, которая еще относительно недавно представляла собой герметически закрытое образование. Сегодня культура Китая открывается, становится «мягкой силой» и все более значимым фактором в глобализирующемся мире, в том числе в контексте ее приграничного взаимодействия с другими культурными арсалами.

Совершенно очевидно, что сегодня стабильная и безопасная жизнедеятельность государства зависит не только от развития внутренних регионов, но и от развития его приграничных территорий, которые выступают не только форпостом, но и местом активного взаимодействия стран, культур, цивилизаций. Усиливающееся межкультурное взаимодействие стран и регионов повышает уровень возможной трансформации их социокультурных приграничных пространств.

Трансформация приграничных социокультурных пространств России и Китая сегодня становится все более очевидным феноменом. Так, интересным фактом выступает конструирование китайским руководством социокультурной атмосферы своего приграничья, ориентированной на русскую специфику, что приводит к оттоку приграничного русского населения. Как результат, со стороны китайского приграничья (на Дальнем Востоке) происходит активное формирование т. н. ирредент — мест компактного проживания русской национальности на территории Китая в непосредственной близости к государственной границе. Генезис такой ситуации заключен в том, что Китай создает адекватные, приемлемые, привлекательные, привлекающие россиян условия, «заимствуя» русское население на свои территории. Вместе с тем этнокультурный ландшафт российского приграничья в большей степени нежели китайский (как бы парадоксально это не звучало) сохраняет свою региональную идентичность.

Более того, китайская сторона использует элементы русской культуры (зачастую искажая их традиционную природу), развивая свои приграничные территории. Одним из наиболее значимых городов китайского приграничья в контексте межкультурного взаимодействия является г. Маньчжурия. Город получил статус «цивилизационного порта общегосударственной важности»: обладая культурной спецификой, исторически связанной с Россией, он создает особенный стиль «российско-китайского культурного слияния»⁸. Примерами «неадекватного» заимствования элементов русской культуры со стороны Китая являются:

– площадь «Матрешка» в приграничном городе Маньчжурия, играющая роль основной туристической зоны;

– здание «Музея русского искусства», расположенное в западной части площади «Матрешка» и представляющее собой точную копию православной церкви, расположенной в городе Краснокаменск Забайкальского края. Три этажа музея занимают почти 5 тыс. кв. м. Центральное строение украшено семью башнями, размещенными в форме креста. Данный музей знакомит китайцев и гостей страны с достижениями культуры русского народа. В экспозиции числится более 2 тыс. предметов, среди которых отмечаются картины, скульптуры, книги, украшения, монеты, и другие экспонаты, иллюстрирующие вклад России в развитие мирового искусства и культуры;

– «Парк копий», представляющий интерес как яркий пример использования элементов русской культуры на территории Китая. Здесь можно увидеть уменьшенные копии леген-

дарных памятников — «Рабочий и колхозница», «Родина-Мать», «Медный всадник», памятник И.С. Тургеневу, памятник А.С. Пушкину. Осмотр экспозиции сопровождается музыкой советского периода, что добавляет достопримечательности патриотического колорита.

Все вышеперечисленное являет собой пример взаимопроникновения культур на современном этапе их развития и отражает тот уровень трансформации социокультурных пространств, который допускает приграничное население. Очевидно, что многие каноны русской культуры (в том числе и пропорции при строительстве копий русских церквей) значительно нарушены, традиционная форма матрешки также искажена. Интересно, что исторически такие «нелепые» переносы культуры не фиксировались. Сегодня обеспокоенность вызывает использование китайской стороной элементов русской культуры не по назначению, более того — в трансформированном и искаженном виде. Это не только дискредитирует их традиционную природу, но и формирует в сознании китайского населения не вполне адекватное восприятие русской культуры, что может затруднять полноценный и равноправный диалог культур. Поэтому, с одной стороны, наличие такого «русифицированного» региона-посредника, по логике вещей, создает пространство диалога, облегчает коммуникацию, но с другой — искажает представление об искомой культуре.

Обратимся к исторической практике. Безусловно, важное место среди городов, внесших вклад в развитие приграничного социокультурного пространства России и Китая, занимает Харбин, частично сохраняющий элементы русской культуры¹⁰. Ранее известный в культурных и деловых кругах как «Восточная Москва», Харбин ощутил сильное влияние русской культуры, которое заключалось в особенностях архитектуры, нравов и обычаев, кухни и многом другом. Интересен неодносторонний характер трансформации в социокультурной сфере. Отмечается, что некоторые потомки харбинских русских эмигрантов, имеющие родственников в России и поддерживающие с ними регулярные контакты, в целом считают себя принадлежащими к китайскому народу. Для многих русских эмигрантов, которые впоследствии покинули Харбин, чувство ностальгии по России было вытеснено ностальгией по Китаю как своей второй родине, что, безусловно, указывает на социокультурную трансформацию в сознании представителей российского общества.

Современная же социокультурная ситуация в российском и китайском приграничье характеризуется усилением влияния китайской «мягкой силы». Данное обстоятельство требует не только контроля со стороны российского руководства, но и применения опережающей стратегии для прогнозирования рисков и предотвращения возможных негативных последствий. Значительным фактором, влияющим на степень подверженности приграничья процессам трансформации, является его территория. Так, крупномасштабные приграничные социокультурные пространства редко могут быть полностью изменены, а тенденция к трансформации более характерна для небольших территорий. Процессы культурной диффузии опосредуют развитие приграничных социокультурных пространств и подразумевают заимствования достижений одной культуры у другой¹¹.

Вместе с тем китайские исследователи также обеспокоены вопросом сохранения идентичности, в том числе и в приграничье. Гао Дэлян и Чжао Бо уделяют особое внимание влиянию западной культуры на культурную безопасность Китая¹². В похожем направлении работают Хань Юань и Чжао Цзылин, которые анализируют культурную безопасность как китайскую стратегию в контексте глобализации¹³. Национальная культурная безопасность является предметом исследований Сунь Нина, который акцентирует внимание на необходимости сохранения традиционных выражений культуры, таких, как народная деятельность, этикет, фестивали и ремесла, поскольку культурное наследие конденсирует уникальные духовные ценности китайской нации и отражает ее жизнеспособность и творчество. Он отмечает, что в последние годы активизация глобализационных процессов нанесла ущерб культурному наследию страны, что особенно проявляется в пиратстве китайских культурных реликвий в зарубежных странах и в Китае. Можно полагать, что граница является тем фактором, который активизирует проникновение культур, но качество этого проникновения необходимо строго контролировать.

Так, например, Забайкальский край как приграничный российский регион под воздействием ряда факторов, в частности социокультурного, активно включается во взаимодействие с приграничными регионами КНР. В последнее время в Забайкальском крае осуществляется популяризация древнекитайских практик саморазвития — ушу и цигун. Успешно функционирует Федерация традиционного ушу Забайкальского края, созданная в 2009 г. В 2017 г. была создана краевая спортивная общественная организация «Ассоциация ушу и цигун Забайкальского края», что свидетельствует о значительной вовлеченности населения данного региона в китайское социокультурное пространство. Кроме того, расширение влияния китайской культуры очевидно в увлечении населения Забайкальского края даосской практикой символического освоения пространства «фэншуй» и в умении использовать китайские палочки в качестве столового прибора.

Следует отметить, что популяризация китайской кухни в российском приграничье осуществляется гораздо быстрее, чем в других регионах России. Так, в столице Забайкальского края городе Чите с населением порядка 350 тыс. человек открыто более 20 ресторанов китайской кухни. Примечателен тот факт, что вкус китайской еды в Чите значительно отличается от ресторанной еды китайской кухни в Иркутске, который находится дальше от государственной границы, что позволяет определить закономерность: чем ближе город к границе, тем сильнее и качественнее социокультурная трансляция, даже в пищевой области.

Взаимодействие приграничных регионов России и Китая также сопровождается процессом проникновения некоторых иностранных слов в лексический запас русского населения. Так, например, в разряд устойчивых (регионально ограниченного использования) входят слова «куня» (молодая девушка), «чифанить» (принимать пищу), «сесе» (спасибо), «фанза» (дом). Распространение же русского языка было обусловлено тем обстоятельством, что торговля с китайцами осуществлялась русскими, проживавшими на территории Китая, преимущественно на русском языке. Поэтому некоторые слова, например, «кушать», «хорошо», «хулиган», «копейка» стали употребляться китайским населением Северо-Востока. Появились и периодические издания на русском языке. Примером первой газеты, изданной на русском языке, является «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений», издававшийся с 1901 г.

Интересен и стиль одежды китайского населения Северо-Востока Китая, который претерпевал значительные изменения вследствие проникновения русской культуры на его территорию. Так, мужчины стали носить кожаные шапки, женщины — платья, осенние пальто, головные платки, приближенные к русскому стилю¹⁴.

Более того, в последние годы в пространстве российского приграничья не только наблюдается тенденция к популяризации изучения китайского языка, чему способствуют высшие учебные заведения, языковые курсы при университетах и частных образовательных организациях, — очевидно, увеличение его присутствия в качестве визуальных образов в приграничных городах. Значительно возросло число вывесок, рекламы на китайском языке, что, безусловно, непривычно для населения и «бросается в глаза».

Реализация диффузионных процессов осуществляется и посредством заключения смешанных браков между гражданами РФ и КНР. Так, в выпуске «Российской газеты» (являющейся официальным печатным органом Правительства РФ) от 25 мая 2015 г. Международное радио Китая (МРК) опубликовало рекламный материал, агитирующий российских граждан вступать в брак с гражданами КНР. Среди достоинств китайских мужчин были указаны отсутствие вредных привычек и ответственность, а главными плюсами россиянок авторы объявления посчитали образованность, красоту, трудолюбие и либеральность в отношениях. Согласно статистике, представленной руководителем регионального департамента ЗАГС Забайкальского края О.Ю. Корягиной, самое большое количество русско-китайских браков в последние годы было заключено в 2007 г., их количество составило 16. В 2014 г. в Забайкальском крае из 154 браков с иностранцами 14 союзов были заключены с гражданами КНР. В 2017 г. количество браков с иностранцами составило 136. Справедливости ради стоит отметить, что чаще всего российские граждане вступали в браки с гражданами

данами Азербайджана — 27 браков, Таджикистана — 27, Кыргызстана — 20, Армении — 17, Украины — 17, Узбекистана — 12 браков. Граждане России вступали в брак и с гражданами дальнего зарубежья — Великобритании, Египта, Саудовской Аравии, Кореи и Китая¹⁵ (эти случаи являются единичными). Кроме того, в настоящее время существует множество сайтов знакомств и групп в социальных сетях, агитирующих вступать в брак с гражданами КНР. Подобные союзы являются отправной точкой диффузии культур. Их увеличение может стать причиной социокультурной трансформации приграничного региона и представлять собой угрозу социокультурной безопасности российско-китайского приграничья.

Следует отметить, что социокультурные трансформации, которые возможны в результате взаимодействия России и Китая, воспринимаются жителями Забайкальского края достаточно негативно. Многие жители данного приграничного региона видят в соседнем государстве угрозу и испытывают неприязнь к любым проявлениям китайской культуры на территории региона. Так, например, в 2016 г. в Чите во время проведения праздничных торжеств по случаю Дня города случился неприятный инцидент. Вечерний салют сопровождался китайской музыкой, которую местные жители приняли за гимн Маньчжурии. Жители столицы Забайкальского края и пользователи Интернета, которые увидели видео фейерверка, не оценили культурное взаимопроникновение с Китаем. Большинство людей сочли этот факт признаком интервенции¹⁶.

Отдельно стоит сказать о результатах комплексного сопоставления социально-экономических и культурных характеристик малых приграничных городов России и Китая (Забайкальск и Маньчжурия). Так, при условии общих критериев сравнения (этнокультурный, пространственно-географический, хронологическо-временной), очевиден контраст социокультурного развития российских и китайских малых приграничных городов, что во многом является результатом целенаправленной политики китайского руководства и отсутствия должного внимания к развитию социокультурной сферы российского приграничья. Тем не менее сегодня необходима переориентация малых приграничных городов России с концепции «закрытой территории» на актуализацию их становления как потенциальных площадок для социокультурного развития приграничных территорий¹⁷.

На современном этапе взаимодействие России и Китая в приграничье активизируется. Однако оно затруднено рядом факторов, среди которых главенствующими являются проблема определения «культурного превосходства» и недостаточная осведомленность взаимодействующих субъектов друг о друге. Сложившаяся ситуация в приграничье в будущем может не только затруднить полноценный и равноправный диалог культур, но и привести к значительной трансформации социокультурных пространств, что в дальнейшем скажется на сохранении культурной идентичности российских территорий.

В целях сохранения региональной культурной идентичности возможно дополнение стратегии социально-экономического развития приграничных регионов России задачами социокультурной направленности. Основой в этих процессах становится культурно-цивилизационный потенциал региональных культур, который необходимо поддерживать в его аутентичном виде. В настоящее время, безусловно, стоит вопрос о порождении некоего «культурного продукта», интегрированного активизирующимся взаимодействием культурных приграничных практик РФ — КНР. Сейчас довольно трудно описать его качественные характеристики, говорить о том, в каком виде он создан. Правильнее было бы сказать, что пока такого продукта как такового нет. И нужен ли он нам? Это также вопрос дальнейшего исследования, вопрос для рефлексии последующим поколениям, которые уже сегодня становятся свидетелями хаотичного бесконтрольного внедрения элементов китайской культуры в российское социокультурное пространство. Необходимо создавать определенные методы, механизмы, чтобы не только ставить под контроль трансляцию элементов китайской культуры в российское социокультурное пространство, но и следить за тем, как китайские территории сегодня используют элементы русской культуры не по назначению, искажая и трансформируя их традиционную сущность.

Данный факт диктует необходимость выработки культурного механизма, устраняющего этот барьер. Традиционно мы можем говорить об интеграции, соразвитии, диалоге, но стоит особо обратить внимание на так называемую модель диалогичности региональных культур приграничья, основанную на целостности региональных культур по обе стороны границы и выстраивающую схему дополняемости, но не выбора роли. Такой вариант интеграции региональных культурных практик сменит вектор одностороннего пути распространения культурных элементов, станет стимулом для дальнейшего развития межрегионального сотрудничества и определит место культурной политики приграничных регионов в общей стратегии развития национальной культуры.

1. *Чжоу Юй*. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: автореф. дис.... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чжоу Юй. Чита, 2015. С. 10.
2. Там же. С. 9.
3. *Морозова В.С.* РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 140.
4. *Морозова В.С.* Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис.... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 30.
5. *Лоу Жучжуан*. Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети интернет: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.02. М., 2003. С. 12.
6. *Дубровская К.С., Морозова В.С.* Особенности генезиса приграничных социокультурных пространств РФ-КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VIII международной научно-практической конференции. Чита: изд-во ЗабГУ, 2016. С. 82.
7. Там же. С. 87.
8. *Ли Пин*. Формирование культурного пространства в приграничных регионах КНР и России (на примере Забайкальского края и Автономного района Внутренняя Монголия КНР) // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 134.
9. Маньчжурия — самый русский город Китая. URL: <https://wiki-turizm.ru/china/1165-tanchzhuriya-samuy-russkij-gorod-kitay> (дата обращения: 12.10.2018).
10. *Мяо Хэй*. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 128.
11. *Морозова В.С.* Региональная культура в социокультурном пространстве... С. 30.
12. *Гао Дэлян, Чжао Бо*. Сифан вэньхуа шэньтоу дуй вого вэньхуа аньцюань до инсян: [Влияние проникновения западной культуры на культурную безопасность Китая]. Бэйцзин: Чжунго чуньмэй дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 115.
13. *Чжао Цзылинь*. Чжунго гоцзя вэньхуа аньцюань лунь: [О культурной безопасности КНР]. Бэйцзин: Хунань дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 53.
14. *Чжан Фань*. Феномен православия в духовной культуре Китая // Вестник ЗабГУ. 2014. № 4 (107). С. 136.
15. Чаще всего забайкальцы вступают в браки с гражданами Азербайджана и Таджикистана. URL: https://zab.ru/news/103054_chacshe_vsego_zabajkalcy_vstupayut_v_braki_s_grazhdanami_azerbajdzhana_i_tadzhikista на (дата обращения: 12.10.2018).
16. Жителей Читы возмутил «гимн Маньчжурии» на Дне города. URL: <https://www.pravda.ru/news/districts/siberia/chita/30-05-2016/1302203-chinagimn-0/> (дата обращения: 12.10.2018)
17. *Морозова В.С.* Региональная культура в социокультурном пространстве... С. 28.

История

Американский гуманизм в контексте китайского консерватизма 1920-х годов

© 2018

А.В. Ломанов

В статье рассматривается влияние идей нового гуманизма Ирвинга Бэббита на становление китайского культурного консерватизма. Бэббит считал гуманистические учения Конфуция и Аристотеля близкими по своему содержанию компонентами мировой культуры. Он призывал проявлять осторожность в деле модернизации Китая, чтобы не допустить разрушения моральных устоев китайской традиции. Китайские ученики трансформировали эти идеи в аргументы полемики с Движением за новую культуру. Опыт восприятия идеологии нового гуманизма последователями группы «Сюэхэн» опровергает тезис о закрытости китайского консерватизма от внешних воздействий.

Ключевые слова: Китай, Запад, модернизация, традиция, конфуцианство.

DOI: 10.31857/S013128120002697-7

Период 1920-х годов стал временем быстрого обновления идейной жизни Китая. Движение за новую культуру бросило серьезный вызов традиционным устоям. Ответом на угрозу разрушения китайской традиции стало появление новой волны китайского культурного консерватизма, вобравшего в себя достижения современной западной мысли тех лет. Ярким примером может служить течение «Сюэхэн», основателями которого стали выпускники Гарвардского университета, учившиеся у знатока классической и современной европейской литературы, идеолога нового гуманизма Ирвинга Бэббита (1865–1933). Призывы Бэббита к приверженности традиционным моральным нормам и его внимание к роли гуманитарного образования в формировании компетентной и ответственной правящей элиты оказались созвучными настроениям китайской интеллигенции, стремившейся сохранить от разрушения ключевые компоненты конфуцианского наследия.

Взгляды Бэббита на китайскую культуру

Создатель американского нового гуманизма Ирвинг Бэббит не только увлекался культурой Востока, но и профессионально изучал ее. Еще будучи студентом в Гарварде

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00353 «Эволюция и специфика культурного консерватизма в Китае в XX веке».

он заинтересовался буддизмом и индийскими религиями. В 1891 г. он отправился в Париж, чтобы изучать санскрит и язык пали под руководством востоковеда Сильвена Леви. Бэббит обрел навык самостоятельного чтения буддийских текстов, после чего продолжил изучать санскрит в Гарварде у востоковеда Чарльза Ланмана. Выполненный Бэббитом перевод Дхаммапады с языка пали был издан после смерти мыслителя¹.

Изучением китайского языка Бэббит не занимался, однако связь с Китаем и его культурой у него в семье была. Его жена Дора Дрю родилась в Китае, где ее отец был комиссаром таможи в Тяньцзине. В ранних работах Бэббита китайская тема заметного места не занимает. Она появилась после того, как в Гарвард прибыли китайские студенты, общение с которыми стало поводом для размышлений о будущем Китая и его цивилизации.

Отсылки к Китаю и его духовной традиции присутствуют в книге Бэббита «Руссо и романтизм» (1919 г.)² Во введении ученый отметил, что опыт культур Дальнего Востока потребуется для осуществления попытки создания «подлинно экуменической мудрости», призванной стать противовесом «зловещей односторонности» западного натурализма. Этический опыт Дальнего Востока сосредоточен в учениях Конфуция и Будды. Бэббит сделал оговорку, указывавшую на его реальный уровень познания культур Востока: «Возможно, я должен сказать, что в случае Будды я имел возможность обратиться к оригинальным документам на языке пали. В случае Конфуция и китайского языка мне пришлось опираться на переводы»³.

В работе присутствуют контуры схемы сопоставления культур, которую Ирвинг Бэббит развивал в своих последующих выступлениях и публикациях. Он заявил, что изучение Будды и Конфуция, как и других великих учителей Востока, показывает, что человеческий опыт повсеместно делится на три категории — натуралистический, гуманистический и религиозный. К сфере религиозной относятся буддизм и христианство, учение Будды способно подтверждать учение Христа. Конфуцианство близко к учению Аристотеля и других греческих философов, которые разрабатывали этику и провозглашали учение о середине. По словам Бэббита, это сходство настолько очевидно, что Конфуция называют «Аристотелем Востока».

Вплетение китайского материала в полемику Бэббита с учением Руссо обусловило повышенное внимание к учению раннего даосизма, которое предлагало натуралистическую альтернативу гуманистической и религиозной мысли. В конце книги было помещено краткое приложение, озаглавленное «Китайский примитивизм». В нем Бэббит изложил свои взгляды на учение Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Мыслитель заявил о близости раннего даосизма к идейному движению руссонизма. Об этом свидетельствуют стремление даосизма к единству и к отказу от различий, его призывы возвращаться к природным истокам. Даосы полагали, что человек должен стремиться к простой жизни, становясь подобным ребенку. «Даосское понятие следования природе тесно связано, как и в других натуралистических движениях, с идеей судьбы, будь то в стоической или в эпикурейской форме»⁴.

По мнению Бэббита, ранний даосизм стал частью большой натуралистической и примитивистской тенденции. Он заметил, что в те времена в Древнем Китае было изобилие пацифистов, апостолов братской любви, или, выражаясь на современном языке, «толстовцев». Демонстрируя неплохое знание течений древнекитайской мысли, он подчеркнул, что настоящей противоположностью эгоизма Ян Чжу была проповедь Мо Ди чистого альтруизма и симпатии, не делающей различий. Когда Мэй-цзы и другие конфуцианские гуманисты противопоставили натурализму идеи разделения и этические стандарты, таким образом они «боролись за цивилизацию».

Бэббит признал частичную обоснованность сформулированных даосами обвинений в том, что стандарты конфуцианцев слишком буквальны, в своей защите принципа подражания они не дают достаточно места подвижности и релятивности вещей. Чтобы дать весомый ответ даосскому релятивизму, древним конфуцианцам следовало разрабо-

тать свою концепцию воображения. С другой стороны, древние даосы восприняли влияние восточной культуры, что обусловило специфику их воззрений. Учение Лао-цзы о том, что мягкое превосходит твердое, должно привлекать западных сентименталистов. И все же, по мнению Бэббита, в нем невозможно увидеть эквивалент крайней эмоциональной экспансивности руссоистов. У ранних даосов, в особенности у Лао-цзы, есть высказывания, которые в соответствии с мудростью Востока делают акцент на концентрации и спокойствии. «Даже если эти учения безошибочно примитивны, их эмоциональное качество часто отличается от соответствующих движений на Западе»⁵.

Выступая в 1921 г. перед китайскими студентами, Бэббит продемонстрировал знакомство с проблемой выбора пути развития, стоявшей в то время перед Китаем⁶. Он прямо упомянул о стремлении к радикальному обновлению, к которому призывали деятели Движения за новую культуру. Ученый сообщил, что многие китайские студенты говорят ему о том, что их стране необходимо Возрождение, которое предполагает разрыв с прошлым.

Бэббит изложил собственные критические взгляды на западное Возрождение, нацеленное на расширение человеческих знаний и контроль над силами природы ради комфорта и пользы людей. Пророком утилитарной стороны этого проекта был Фрэнсис Бэкон, выразителем его эмоциональной стороны, нацеленной на братство всех людей, стал Жан-Жак Руссо. Однако теперь на Западе появляется все больше сомнений в идее прогресса. На первый план выходит борьба не между силами прогресса и реакции, а между цивилизацией и варварством. Мыслитель напомнил, что в Германии продано более 50 тысяч экземпляров книги Шпенглера «Закат Европы». Люди признают, что Запад был удивительно успешен в стремлении к могуществу, однако пора задать вопрос, не была ли мудрость платой за эту мощь.

Теперь, по словам Бэббита, в Китае начинается борьба между новым и старым. Эта схемы хорошо знакома тем, кто занимался изучением Запада. С одной стороны, — ослабленная традиция, с другой — силы, стремящиеся к созданию прогрессивного, хорошо организованного и эффективного Китая. Он отметил, что ему рассказали о «китайских прогрессистах», которые с готовностью отбрасывают китайскую классику и обращаются к западным авторам «крайнего руссоистского типа» наподобие Ибсена, Стриндберга и Бернарда Шоу. Указанные имена западных литераторов подсказывают, что речь идет о предпочтениях деятелей китайского Движения за новую культуру.

Американский мыслитель заявил, что до некоторой степени симпатизирует целям «китайских прогрессистов». Китаю нужно стать организованным и обрести эффективность, ему нужно заполучить созданную на Западе технику, дабы защитить себя от империалистической агрессии Японии или держав Европы. В будущем Китай увидит нечто напоминающее европейскую индустриальную революцию, ему также нужно вырваться из колен псевдоклассического формализма, в которую он угодил благодаря слишком инертному традиционализму.

Однако Бэббит настойчиво предупреждал о том, что в своем желании стать прогрессивным Китай не должен копировать Запад и выплескивать воду вместе с ребенком. Он увещевал китайских студентов проявлять осторожность, чтобы, отказавшись от формализма, Китай смог сохранить «душу истины», которая содержится в его древних традициях.

Проводя аналогию между культурными спорами в Китае и на Западе, Бэббит подчеркнул, что утилитарно-сентиментальное движение отбрасывает западную традицию, которая является отчасти гуманистической, отчасти религиозной. Он заявил, что олицетворениями этих двух ипостасей культуры на Западе выступают Аристотель и Христос, сходное место на Востоке занимают Конфуций и Будда. Чтобы развить эту аналогию, он упомянул о прочитанной в журнале *Revue Philosophique* статье, автор которой утверждал, что Фома Аквинский объединил Аристотеля и Христа в «Сумме теологии».

при этом Чжу Си проделал ту же работу для соединения буддистских и конфуцианских элементов в своем великом комментарии.

Потеря ключевых компонентов мудрости великих традиций способна привести Восток и Запад к деградации от подлинной цивилизации к машинному варварству. Проблема цивилизации стала насущной, поскольку все части планеты находятся теперь в физическом и экономическом контакте друг с другом. Бэббит заметил, что древние даосы мечтали о летающих колесницах, однако в будущем поездка из Нью-Йорка в Пекин будет не труднее, чем путешествие из Нью-Йорка в Бостон в конце XIX века. Телефон помогает общению между людьми, но опасность возникает в том случае, если они «шепчут слова ненависти и подозрения» — машины связывают людей в большую массу, но в духовной сфере среди людей преобладают центробежные устремления.

В прошлом люди смотрели как на воплощение цивилизации лишь на свою страну, чужие взгляды на жизнь представлялись им варварскими. Бэббит подчеркнул, что в прошлом Китай выступал крайним воплощением этой тенденции, отождествляя себя с цивилизованным миром, что отразилось в китайском понятии «Поднебесная» (*Тянься*), полагая, что весь остальной мир пребывает в варварстве. Мыслитель заметил, что он в некоторой степени симпатизирует этой уверенности старого Китая в своей собственной цивилизации, — но не той надменности, которая побуждала отбрасывать всяческую ценность достижений любой другой цивилизации.

Традиционная китайская цивилизация заслуживает, по мысли Бэббита, высокой оценки по сравнению с другими цивилизациями. Несмотря на засилье коррумпированных чиновников в прошлом и настоящем, Китай более чем любая другая страна укоренен в моральных идеях. Эти идеи не были ни натуралистическими, как на Западе в нынешнее время, ни религиозными, как в Индии. Главной заботой китайцев были этические аспекты отношений между людьми в этом мире.

Нынешнее утилитарно-сентиментальное движение в Китае, то есть Движение за новую культуру, называет себя цивилизованным и этическим, однако оно готово отвергнуть традиционные этические концепции. По мнению Бэббита, утилитаристы смешали моральный и материальный прогресс, они выдали материальный прогресс за духовный с помощью искажения имен. Рецепт для излечения этого недуга можно найти в прошлом. Основатели классической культуры, Сократ и Конфуций, выступали против софистики за исправление имен и приведение слов в соответствие с вещами.

Конфуцианская традиция опирается на огромную массу конкретного опыта, она ищет то, что объединяет людей, а не направляет их по центробежной траектории. Конфуций определил специфический гуманный элемент в человеке не в понятиях экспансивных эмоций, как сентиментальные гуманисты наших дней, но как «закон внутреннего контроля», и потому он созвучен лучшим гуманистам Запада начиная от Аристотеля и греков. Настоящий человек не может безудержно расширять свое заурядное «я», он стремится дисциплинировать это заурядное «я» в понятиях меры и пропорций. Человек, воспринявший подлинную гуманистическую дисциплину, начинает становиться «превосходным человеком» (*цзюнь цзы*) Конфуция или «высоко серьезным человеком» Аристотеля. Бэббит заявил, что впечатлен солидностью этой конфуцианской концепции, которая не предписывает симпатию, но содержит в себе симпатию, закаленную выбором. «Превосходный человек» является благословением для мира не столько потому, что он вовлечен в то, что ныне называют социальным служением, но потому, что он дает миру хороший пример. Это особенно актуально в эпоху, когда вмешательство в чужие дела становится повсеместным. Идеальный правитель Шунь, о котором рассказывал Конфуций, просто сидел на троне, он занимался своим делом в платоновском смысле, и сила его примера была такой, что вела других людей поступать так же.

Эти гуманистические идеи поддерживала в Китае система образования. Даже если она угодила в колею псевдоклассического формализма, Бэббит еще раз подчеркнул,

что в этой сфере нельзя выплескивать ребенка вместе с водой. В частности, он напомнил о позитивном значении старой системы экзаменов на занятие должностей гражданских чиновников. Должен быть строгий отбор по гуманистической линии среди тех, кто мечтает служить государству, но основа этого отбора должна быть демократической. По словам мыслителя, на Западе форму сочетания демократических и аристократических принципов отбора так и не нашли. Западное демократическое развитие победило за счет отказа от стандартов. Без лидеров, которые воспитаны по лучшим гуманистическим стандартам, весь демократический эксперимент окажется невозможным.

Сделав оговорку о своем «несовершенном знании Китая», Бэббит уверил слушателей в том, что им удастся внести необходимые улучшения в китайскую систему образования, избавив ее конфуцианскую основу от схоластики. Следовало выявить и унаследовать содержание лежащих в центре гуманизма правил поведения, или закона внутреннего контроля, оставив в стороне внешние и случайные обстоятельства, наподобие предания о привычке Конфуция постоянно есть имбирь. У молодого поколения китайской интеллигенции появился шанс пополнить свое образование недостающими западными компонентами, в том числе относящимися к науке и к натурализму, что позволит Китаю компенсировать нехватку «материалистической эффективности».

При этом Бэббит подчеркивал, что изменения будут затрагивать лишь периферию традиции, сохраняя нетронутой правильность центрального положения о том, что поддержание цивилизации опирается на небольшое количество руководителей. Характер этих лидеров формируется через самодисциплину, которая коренится в смирении, или «подчинении воле Неба». Мыслитель заявил, что готов поставить Конфуция выше многих западных гуманистов потому, что он четко признавал факт подчинения закона меры закону смирения. Упоминание темы смирения стало поводом поставить вопрос о том, в какой мере в новое китайское образование должны войти религиозные компоненты. Бэббит лишь вскользь коснулся этой темы, отметив, что конфуцианство не является религией, порекомендовав китайским студентам, по крайней мере, части из них, изучать язык пали, чтобы получить более глубокое знание буддизма и понять, что «древняя вера может быть живой силой в современности».

В заключение Ирвинг Бэббит сказал китайским студентам: «Вы не можете позволить себе пренебречь этической стороной вашего Возрождения, как не можете себе быть псевдоэтическими, какими вы можете быть, если слишком некритично воспримете некоторые положения, которые сейчас в ходу на Западе. В особенности вы столкнетесь с опасностью потерять лучшее в своем великом и цивилизованном прошлом, не получив реальной цивилизованности на Западе. Вы просто получите, если вы слишком утилитарны, наши машины — наши пищевые машинки, телефоны, автомобили — и поскольку самые новые машины, скорее всего, самые лучшие, вы скорее всего предположите то же самое о нашей литературе и устремитесь за нашими руссоновскими эксцентриками»⁷.

Чтобы избежать такого развития событий, мыслитель рекомендовал будущим китайским интеллектуальным лидерам не допускать разрыва связи с собственной культурной традицией во имя поверхностно понятого прогресса, и вместе с тем добиваться более глубокого понимания западной традиции начиная с Древней Греции. Это позволит понять «мудрость веков», лежащую во взаимном сходстве двух традиций, в особенности в области гуманизма.

Бэббит призывал китайских студентов больше заниматься изучением наследия западного искусства, литературы и философии. Следовало добиваться того, чтобы в основных китайских образовательных центрах появились ученые, способные преподавать «Беседы и рассуждения» Конфуция в свете «Этики» Аристотеля. Равным образом в Америке должны быть ученые, «предпочтительно китайцы», которые смогли бы читать курсы по китайской истории и моральной философии. Взаимное распространение знаний

о традициях позволит проложить путь к реальному пониманию между интеллектуальными лидерами Востока и Запада.

Американский мыслитель посетовал, что в XIX веке человечеству не удалось найти жизнеспособную форму интернационализма. Естественные науки при всей своей интернациональности для этого не подходят, поскольку служат целям национального возвышения. Проповедь братской любви также оказалась несостоятельной. Бэббит предложил поработать над созданием гуманистического интернационала джентльменов, которые, не возвышаясь до тонкостей религии, ощущали бы возможность объединиться на платформе умеренности, общего понимания и общей благопристойности. «Я надеюсь, что если гуманистическое движение начнется здесь, на Западе, то оно получит отклик в виде неоконфуцианского движения в Китае — конфуцианства, которое будет отделено от всех схоластических и формалистических наростов, которыми оно было перегружено за столетия. В любом случае решающая битва между гуманистами с одной стороны, и утилитаристами и сентименталистами — с другой, разыграется в Китае и на Западе на поле образования»⁸.

Ирвинг Бэббит обоснованно предвидел появление в Китае течения культурного консерватизма и, в частности, нового конфуцианства, основными фигурами которого в республиканский период стали Лян Шумин, Фэн Юлань, Хэ Линь. Попытки обновления конфуцианства с использованием интеллектуальных ресурсов западной цивилизации были нацелены на поиск ответа на вызовы со стороны сциентизма и антитрадиционализма, распространившихся в Китае на волне популярности Движения за новую культуру.

Через несколько лет в книге «Демократия и руководство» Бэббит развил тему соотношения традиций Европы и Азии, посвятив ей отдельную главу⁹. Он отметил, что в прошлом существовали две Азии — цивилизованная и варварская, видимым символом разделения между которыми служила Великая Китайская стена. Азия Аттилы, Тамерлана и Чингисхана отличается от Азии Христа, Будды и Конфуция.

Бэббит развил свою схему рассмотрения разных культурных традиций, опирающуюся на сравнение учений Будды, Христа, Конфуция и Аристотеля как четырех наиболее выдающихся фигур в духовной истории человечества. По его мнению, «мудрость веков», выступающую как ядро человеческого опыта, на религиозном уровне можно найти у Будды и Христа, на уровне гуманизма — у Конфуция и Аристотеля.

Мыслитель признавал, что Аристотель и Конфуций сходятся в доктрине срединности, но при этом их подходы к жизни раскрывают различия европейского и азиатского темперамента. В частности, Аристотель интересовался биологией и жизнью рыб. Трудно представить себе подобные устремления в сочетании со смирением, которое так подчеркивали Конфуций и другие восточные наставники. По словам Бэббита, храм Аристотеля был бы неуместен, но не храм Конфуция — в отличие от обладавшего знаниями Аристотеля, это был учитель, который обладал волей. Этикет, или принципы внутреннего контроля, позволяющие человеку сдерживать экспансию своих желаний, являются качествами воли.

Бэббит посетовал, что Запад, освободивший себя от восточного акцента на первичности воли в ее христианской форме, со времени Просвещения все больше посвящает себя не сократическому тезису «знание — добродетель», но бэконовскому тезису «знание — сила». Критический дух способствовал подрыву авторитета религиозных доктрин грехопадения и божественной благодати, что привело к упадку смирения на Западе. Раскрепощение интеллекта человека в эпоху Просвещения позволило людям опереться на собственные силы. Подобно древним грекам, они смотрели на жизнь как на проблему знания, однако они искали не этическое знание, на которое был нацелен Сократ, а естественные познания. В результате в сердцах людей возник острый конфликт между старым смирением и новым духом интеллектуального постижения.

Чтобы найти возможность совместить опору человека на собственные силы со смирением, нужно найти новое понимание благодати. Бэббит отметил, что в ходе этих усилий следует принимать во внимание опыт Азии. «Хотя ни один разумный человек

не станет заявлять об этическом превосходстве Дальнего Востока над Западом, у Дальнего Востока есть сравнительный иммунитет от великой болезни западной культуры — войны между разумом и верой. Будда и Конфуций оба смогли сочетать смирение с опорой на себя и культивированием критического духа. Они могут быть полезны тем, кто хочет возродить свою жизнь в современном русле с элементами, за которые Азия выступала в прошлом и без восстановления которых на Западе существует опасность сойти с ума из-за жажды скорости и власти»¹⁰.

Мыслитель сделал оговорку, что характеристика душевного мира как азиатского элемента не содержит в себе географического предопределения. Под давлением Запада Китай может решиться на проведение промышленной революции. «Ханькоу уже обретает черты восточного Питтсбурга». Вероятнее всего, эта революция будет сопровождаться сравнительно быстрым разрушением китайского традиционного характера и нарастающим угрозой соскальзывания в настоящий моральный хаос. С другой стороны, Запад имеет возможность не только заново утвердить истины этической воли, но и сделать это соответствующим современности образом и по-иному, чем этой было на Востоке.

Исследователи обоснованно отмечают, что трактовка Бэббитом конфуцианства, буддизма и даосизма была ограничена пределами его познаний восточных культур и подчинена стратегии культурной реконструкции американской идентичности. Фундаментальной основой нового гуманизма выступает греческая философия, тогда как конфуцианство и буддизм служат полезными дополнениями при ее интерпретации¹¹.

Работающий в США ученый китайского происхождения Цзе-ки Хон (Хань Цзыци) справедливо напоминает о том, что новый гуманизм Бэббита был нацелен прежде всего против изменений в системе высшего образования США. Мыслитель осуждал подъем «плутократии и материализма» за счет подавления постоянных гуманистических ценностей, он подчеркивал, что огромные социально-экономические изменения в США имели большую человеческую цену. Критика массового общества, популистской демократии и функционального сциентизма не позволила Ирвингу Бэббиту завоевать весомую поддержку среди соотечественников. И все же ему удалось предложить своим последователям альтернативное видение модерна. Бэббит предлагал противопоставить индустриальной эпохе «воспитание руководителей» на основе изучения классики, философии и литературы, что позволило бы воспитать «аристократию характера и интеллекта», которая, в отличие от «аристократии по рождению» и «аристократии денег», обладала бы необходимыми навыками и моральной миссией управлять миром в общих интересах¹².

Идеи защиты культурной традиции, настороженного отношения к сциентизму и массовой культуре, призывы к интеллигенции поставить свой талант на службу обществу в качестве руководителей и проводников перемен были с энтузиазмом восприняты китайскими учениками Бэббита. Благодаря их культурному посредничеству и созвучности идей Бэббита китайским проблемам первой половины XX века, его влияние в Китае оказалось весьма существенным. Бэббита можно поставить в один ряд с Джоном Дьюи и Бертраном Расселом, обретшими влияние в китайских интеллектуальных кругах после чтения лекций в Китае в 1919–1921 гг. Популяризацией идей Бэббита занимались его китайские последователи.

Новый гуманизм и консерватизм журнала «Сюэчэн»

Группа «Сюэчэн», созданная в начале 1920-х годов получившими образование в США преподавателями Юго-Восточного университета в Нанкине, разрабатывала альтернативу радикальному вестернизаторству Движения за новую культуру, базой которого в те времена был Пекинский университет. Группа провозглашала цель прояснить «национальную сущность» (*го цуй*) и впитать «новые знания». Печатной трибуной стал журнал «Сюэчэн» (английское название — *Critical review*). В промежутке между 1922 и 1933 го-

дами вышло 79 номеров: основная часть (60 выпусков) опубликована с 1922 по 1926 г., когда издание журнала было непрерывным.

Опыт восприятия американской идеологии нового гуманизма последователями группы «Сюэхэн» опровергает тезис о закрытости китайского консерватизма от внешних воздействий. Китайские консерваторы не были антизападно настроенным монолитом. Более того, представители группы «Сюэхэн» не считали, что китайская культура превосходит западную. Они также не делали своей исходной предпосылкой тезис о фундаментальном различии культур Востока и Запада¹³.

В качестве подтверждения этого тезиса можно указать на изложенные в редакционном предисловии к первому номеру журнала «Сюэхэн» четыре руководящих принципа деятельности издания. «Через изложение утонченных слов древних мудрецов Китая и Запада продвигать учебу. Выявлять общность великих мировых трудов, чтобы продвигать мысль. Все тексты должны быть написаны классическим стилем, чтобы отдать должное культуре. Поддерживать объективность в словах и избегать ссор, чтобы культивировать обычаи»¹⁴.

Вместе с тем журнал «Сюэхэн» был погружен в общественные и культурные споры, которые развернулись в Китае в 1920-е годы. Позаимствованный в Америке новый гуманизм стал инструментом борьбы с влиянием Движения за новую культуру, выступавшим с нападками на китайскую традицию. Разработанная Бэббитом схема борьбы гуманизма с натурализмом была перенесена на китайскую почву. Журнал «Сюэхэн» не только отстаивал конфуцианское наследие, но и пытался сохранить внешние формы традиции, публикуя материалы на классическом китайском языке.

Поражение китайских консерваторов в XX веке в споре со сторонниками радикальной модернизации привело к тому, что наследие группы «Сюэхэн» долгое время рассматривали в негативном ключе как свидетельство устремленности части китайской интеллигенции в прошлое. Лишь в 1990-е годы на волне консервативного поворота в китайской идеологии и пересмотра в позитивную сторону отношения к традиционной культуре отношение к китайскому консерватизму республиканского периода стало сочувственным и заинтересованным.

После того, как журнал «Сюэхэн» начали изучать как конструктивную альтернативу в понимании китайского модерна, стало ясно, что авторы журнала были не менее космополитичны, прогрессивны и мыслящими о современности, чем деятели Движения за новую культуру, выступавшие с нападками на традицию. Сторонники группы «Сюэхэн» рассматривали современность не как полный разрыв с традицией, а как динамический процесс, в котором следует избегать не критического восприятия превосходства индустриального Запада. Фактически они поддерживали идею равноправного диалога культур¹⁵.

Главным редактором «Сюэхэн» был литературовед У Ми (1894–1978), учившийся у Бэббита в Гарвардском университете. Ведущие авторы журнала получили образование на Западе и были хорошо информированы о современной научной жизни в Европе и в США. Цзе-ки Хон обратил внимание на то, что многие из них использовали западные знания в качестве «культурного капитала», который давал им возможность быть легитимными игроками в интеллектуальных дебатах. В этом они были похожи на деятелей Движения за новую культуру, которые использовали прагматизм Джона Дьюи для продвижения своей социально-политической повестки дня. Деятели «Сюэхэн» использовали западные подходы, такие, как сравнительное изучение культур, чтобы укрепить свои позиции в ходе обсуждения проблем модернизации Китая. У Ми приложил значительные усилия для перевода работ Бэббита на китайский язык и популяризации его идей в качестве противовеса распространению в Китае прагматизма Дьюи. Эти процессы привели к тому, что в восприятии китайской аудитории Бэббит из американского теоретика литературы превратился в квазикитайского мыслителя по имени «Бай Бидэ» («Добродетель белой яшмы»)

Исследователи отмечают, что китайские ученики Бэббита стали важными участниками процесса обновления китайской культуры. Вместе с тем в китайских интеллектуальных кругах сложилась ассоциация между идеями Бэббита и консервативным стилем журнала «Сюэхэн», что создало во многом искаженное представление о сути американского нового гуманизма и ограничило пределы его влияния¹⁶.

Первым у Ирвинга Бэббита начал учиться Мэй Гуанди (1890–1945), проникшийся большим уважением к весомости морального учения американского профессора. Как и У Ми, он поддерживал связи с Бэббитом и после окончания учебы в Гарвардском университете. Влияние Бэббита испытали Тан Юнтун, ставший впоследствии выдающимся ученым-буддологом, а также историк Чэнь Инькэ.

Огромное влияние идеи и личность Бэббита оказали на воззрения литературоведа Лян Шицю (1902–1987), который поначалу был сторонником Движения за новую культуру. Под влиянием Бэббита в 1930-е годы он утверждал, что литература никогда не принадлежала большинству, а в центре литературного творчества находится гуманизм. На фоне революционных процессов в китайском обществе эти взгляды вызвали резкое отторжение у представителей левого крыла китайской интеллигенции. Полемика принадлежавшего к литературному обществу «Новолуние» Лян Шицю с известным писателем Лу Синем способствовала накоплению в Китае искаженных толкований взглядов Бэббита. Лу Синь называл Лян Шицю «китайским Бэббитом» и упрекал его за поверхностное и фрагментарное восприятие иностранного учения.

Стремление журнала «Сюэхэн» способствовать унаследованию традиционной культуры с помощью публикации статей на классическом литературном языке также помогло формированию и восприятию образа Бэббита как части идеологии и практики китайского консерватизма. Это было особенно заметно в условиях повсеместного распространения сторонниками Движения за новую культуру практики использования разговорного языка. Китайская левая интеллигенция видела тот образ Бэббита, который нарисовали его китайские ученики — «хитрого и непреклонного старого консерватора»¹⁷.

Ученик Бэббита У Ми опубликовал на страницах журнала «Сюэхэн» восемь материалов, связанных с американским мыслителем — шесть переводов текстов Бэббита и две обзорные статьи о новом гуманизме: одну написал Мэй Гуанди, другая была переводом текста французского автора Луи Мерсье.

В своем предисловии к выполненному Ху Сяньсу переводу выступления Бэббита на собрании Ассоциации китайских студентов в США, У Ми стремился показать важность идей американского гуманиста для Китая¹⁸. Он практически не касался связи идей Бэббита со спорами о путях развития высшего образования в США. На первое место вышли тезисы о внимании американского мыслителя к китайским вопросам и его способности предложить на них ответы. Ведущий американский литературный критик предложил существенно иное понимание общества. Пока другие мыслители подчеркивали выгоды сциентизма и материализма в производстве большого количества потребительских товаров, Бэббит акцентировал роль религии и морали в формировании индивидуальной духовной жизни. Пока другие западные интеллектуалы видели в современной Европе вершину человеческого развития, Бэббит соединял учения Востока и Запада. Эти трактовки превращали Бэббита в духовного оппонента китайского Движения за новую культуру¹⁹.

Китайские консерваторы были увлечены новым гуманизмом, поскольку он позволял им обсуждать проблемы Китая в глобальном контексте. Попытки Бэббита соединить Будду и Христа, Конфуция и Аристотеля выходили за рамки европоцентризма и позволяли трактовать китайскую традицию как один из неотъемлемых компонентов будущей мировой гуманистической культуры. Призывы Бэббита к освоению опыта культур стран Дальнего Востока в интересах противодействия материализму и сциентизму нашли заинтересованный отклик среди части китайской интеллигенции.

Цзе-ки Хон привлек внимание к тому, что внутри течения «Сюэхэн» существовали разные трактовки идей Бэббита. У Ми подчеркивал эстетический вкус и философский глобализм нового гуманизма. Другие авторы «Сюэхэн» более всего были увлечены аристократической демократией. Бэббит был встревожен перспективой разрушения американской демократии под ударами неограниченной свободы и безудержного индивидуализма. Чтобы не допустить этого, он предлагал создать систему гуманистического образования руководящей элиты.

Хотя Китай в то время находился на ином уровне экономического и политического развития, проблемы США в толковании Бэббита нашли отклик среди представителей консервативного течения. Сходным образом они тревожились по поводу сохранения стабильности и порядка в китайском обществе в период быстрых перемен. Не отвергая цели движения к демократии, они поддерживали идею подготовки группы образованных лидеров, способных возглавить организованное продвижение к демократии для всего народа. Мэй Гуанди в опубликованной в 1922 г. статье «Гуманизм современного Запада» указывал на значение нового гуманизма для Китая. Он подчеркивал, что Бэббит выступал против популизма, отстаивал необходимость дисциплины, самоограничения и руководства. Поскольку популизм стал «течением эпохи», лишь хорошо образованные элиты в состоянии оценить «постоянную истину» человечества и обеспечить сохранение моральных стандартов общества, выступая примером для сограждан.

Сходные идеи «аристократической демократии» можно было найти у Лю Бомина (1887–1923), указывавшего, что демократия означает не только свободу от диктатуры и угнетения, но и свободу принятия долга и ответственности гражданина. Революция 1911 провалилась потому, что в Китае создали республику без республиканского духа и механизмов его воспитания. Цель не в том, чтобы распространять патернализм, иерархию и элитарность прошлого, а в создании элиты, способной взять на себя ответственность за укрепление республиканского строя путем образования граждан. Китаю нужна не политическая революция, а революция в школьном образовании и общественной жизни. Пока всеобщее бесплатное образование неосуществимо, следует сосредоточить усилия на подготовке учителей. Мотив использования подготовленной элиты в качестве «учителя нации» обусловил приверженность журнала «Сюэхэн» классическому китайскому языку в качестве выражения миссии образованных людей²⁰.

Новый гуманизм Бэббита был попыткой ответить на вызовы времени, создать в образовании и морали убедительную альтернативу разрушительным последствиям индустриального развития общества. Конкретные рекомендации Бэббита в сфере образования были мало связаны с китайской реальностью 1920-х годов, однако сами по себе идеи важности гуманитарного духа вкупе с признанием американским мыслителем важности конфуцианской традиции встретили заинтересованный отклик. Участники группы «Сюэхэн» полагали, что образованная элита сможет сыграть роль лидера, обеспечивающего стабильность и преемственность развития в период больших изменений.

Наследие группы «Сюэхэн» можно оценить скорее как попытку адаптации к китайским условиям западных консервативных идей, а не как тотальное противодействие обновлению китайской культуры. Восхваление нового гуманизма Ирвинга Бэббита было нацелено прежде всего на противодействие распространению в Китае сторонниками Движения за новую культуру американской идеологии прагматизма. Акцент на культурной преемственности, на уважении к традиционному учению о ритуале и высокая оценка исторической роли Конфуция отличали группу «Сюэхэн» от Движения за новую культуру.

Группа «Сюэхэн» подчеркивала непреходящую важность для китайской культуры этических воззрений и образа идеальной человеческой личности. Ее сторонники призывали брать «мораль в качестве основы (*ти*), науку — для применения (*юи*)», их беспокоила перспектива утраты духовных ценностей в процессе быстрого прогресса материальной стороны жизни людей. Они хотели восстановить чувство национального самоува-

жения китайцев, развить их национальный дух, надеясь с помощью совершенствования индивидуальных качеств повышать уровень государства в целом.

Течение «Сюэжэн» не отвергало западную культуру и видело в ней ресурс для трансформации и обновления культуры Китая. Представители этого течения ориентировались на перспективу взаимного соединения Китая и Запада в форме новой всемирной культуры. Они были противниками вестернизации китайской культуры, их интересовала возможность объединения гуманистических и моральных аспектов двух культурных традиций. Опыт этих интеллектуальных поисков показал, что китайское стремление к модернизации могло сочетать критику Запада и восприятие его идей.

1. *Babbitt I. The Dhammapada. Translated from the Pali with an Essay on Buddha and the Occident.* New York — London: Oxford University Press, 1936.
2. *Babbitt I. Rousseau and Romanticism.* Boston and New York: Houghton Mifflin, 1919.
3. *Ibid.* P. xix.
4. *Ibid.* P. 396.
5. *Ibid.* P. 398.
6. *Babbitt I. Humanistic education in China and the West // Chinese Students' Monthly.* 1921. Vol. 17. No. 2. P. 85–91.
7. *Ibid.* P. 91.
8. *Ibidem.*
9. *Babbitt I. Democracy and Leadership.* Boston and New York: Houghton Mifflin, 1924. P. 158–185.
10. *Ibid.* P. 184.
11. *Duan Junhui. Irving Babbitt's Neo-humanism and Eastern Thoughts // Comparative Literature: East & West.* 2007. Vol. 8. No. 1. P. 111–118.
12. *Hon Tze-ki. The Allure of the Nation: The Cultural and Historical Debates in Late Qing and Republican China.* Leiden — Boston: Brill, 2015. P. 117–118.
13. *Ong Chang Woei. 'Which West Are You Talking About?' Critical Review: A Unique Model of Conservatism in Modern China // Humanitas.* 2004. Vol. 17. No. 1–2. P. 69–82.
14. Бяньянь: [Предисловие] // Сюэжэн. 1922. № 1. С. 1.
15. *Hon Tze-ki.* *Op. cit.* P. 114.
16. *Zhu Shoutong. Chinese Reactions to Babbitt: Admiration, Encumbrance, Vilification // Humanitas.* 2004. Vol. 17. No. 1–2. P. 26–45.
17. *Ibid.* P. 32.
18. Байбиндэ Чжун Си жэньвэнь цзяюй тань: [Разговор Бэббита о гуманистическом образовании в Китае и на Западе] // Сюэжэн. 1922. № 3. С. 1–12.
19. *Hon Tze-ki.* *Op. cit.* P. 120.
20. *Ibid.* P. 124–125.

О концепциях китайской «новой исторической прозы»

© 2018

А.Ю. Сидоренко

В статье рассматриваются концепции «новой исторической прозы», предлагаемые ведущими китайскими, российскими и западными литературоведами. Представлен сопоставительный обзор основных черт «новой исторической прозы» 1990–2000 гг. в сравнении с литературой предшествующих периодов. Проведенный анализ показывает, что «новая историческая проза» является прямым отражением влияния новых тенденций в культурной динамике постсоциалистической эпохи на китайский литературный процесс.

Ключевые слова: Китай, современная литература, литература 1980-х, литература 1990-х, теория литературы.

DOI: 10.31857/S013128120002698-8

«Новой исторической прозой» (*xin lishi xiaoshuo*, далее — НИП) называют направление в китайской литературе, которое начало формироваться во второй половине 1980-х годов, и продолжило пополняться новыми произведениями в 1990-е — 2000-е годы. На сегодняшний день оно представлено как большим числом значимых произведений, среди которых романы Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя» (Bailuyuan, 1993), Юй Хуа «Братя» (Xiongdi, 2005–2006), Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (Shengsi pilao, 2006) и другие, так и собственной концептуальной базой. Рассмотрение концепций НИП представляется особенно актуальным в контексте текущей культурной динамики КНР, в которой меняется место, роль и характер влияния социалистической идеологии. НИП стала предметом внимания таких ведущих китайских литературоведов, как Чэнь Сыхэ, Куан Синьнянь, Хун Цзычэн.

Характерной особенностью НИП является обращение к китайской истории XX века, которая при этом освещается с «изнаночной стороны», нивелируя характерную для 1950-х — 1970-х годов марксистскую телеологию и темпоральную логику. Как нам представляется, такой деконструктивистский интерес именно к этому периоду многотысячелетней китайской истории обусловлен тем, что он представляет собой идеологически значимое «актуальное прошлое», так как именно XX век связан с приходом КПК к власти и формированием нынешней социально-политической системы Китая. Авторы

НИП обратились к истории не как к декорации, история в НИП — ключ к пониманию и основа творческого осмысления настоящего. НИП возникла, с одной стороны, как отклик на кризис социалистической системы и культурной парадигмы 1950-х — 1970-х годов, а с другой — в ней отразилось растущее влияние рыночных процессов на китайский литературный процесс.

Кроме того, в расцвете НИП сыграл заметную роль и экономический фактор, точнее, готовность писателей — авторов НИП принять его во внимание. Наряду с возрождением и бурным развитием литературы в 1980-х годах, в культурной динамике Китая наметились новые тенденции. Помимо вышеуказанного кризиса социалистического дискурса, имело место усиление влияния рынка на литературу, особенно проявившееся в 1990-х годах, писателям приходилось напряженно бороться за внимание потребителя «культурной продукции» с кино и телевидением. Писатели, вышедшие на литературную арену как авангардисты, поняли, что освоение ранее недоступных китайскому литературному процессу новых, модных в 1980-е годы техник, с одной стороны, в 1990-е стало терять свою новизну, а с другой, — что они теряют аудиторию и «остаются не у дел» на новом этапе развития литературного процесса. В результате такие писатели, как, например, Юй Хуа и Гэ Фэй, скорректировали творчество таким образом, чтобы сделать свои произведения более доступными широкому читателю. Тем не менее нельзя сказать, что НИП «произрастает» из китайского авангарда. Например, Чэнь Чжунши, внесший заметный вклад в НИП своим романом «Равнина белого оленя», на протяжении предшествующего творческого пути не выходил за рамки реализма.

Применительно к китайской литературе термин «новая историческая проза», или «новый исторический роман», начал появляться в конце 1980-х годов. Большинство китайских исследователей, например, Ван Бяо, Хун Чжиган, Хун Цзычэн и ряд других¹, сходятся во мнении, что предпосылки появления НИП дали наработки «литературы поиска корней» (*xungen wenxue*) и «неореализма» (*xin xieshi*). Самые ранние произведения, относимые критикой к НИП, — роман Цяо Ляна «Победоносное знамя» (Lingqi, 1986), повести Мо Яня «Красный гаолян» (Hong gaoliang, 1986), Гэ Фэя «Новый год» (Danian, 1988), Су Туна «Жены и наложницы» (Qiqie chengqun, 1989) и др.

В 1990-х годах термин НИП применяли к «современным эпopeям» таких авторов, как Мо Янь, Ван Аньян, Су Тун, Гэ Фэй, Юй Хуа, Ли Жуй, Чэнь Чжунши, Чжан Вэй и пр. Эти произведения объединяла историческая тематика, но все критики указывают на ряд их принципиальных отличий от прежде существовавшей китайской исторической прозы² — отсюда и возник термин «новая историческая проза».

Китайский исследователь Чжао Сифан считает, что «изменения в концепции исторического нарратива оказали глубокое влияние на литературное творчество нового периода, в особенности на историческую литературу»³.

Чжао Сифан отмечает, что «новизна» таких романов, как «Победоносное знамя» Цяо Ляна и «Инцидент в Ваньнани» (Wannan shibian, 1987) Ли Жуцина, заключается в том, что их авторы вторглись на «запретные территории», которые литераторы прежде обходили стороной, в них отображалась «темная сторона «революционной истории»⁴. «Революционная история» (*geming shi*) — это гранднарратив, служащий обоснованием легитимности и закономерности прихода к власти в Китае коммунистов и определяющий выбор исторических тем и ракурсов их освещения.

Чэнь Сыхэ, один из ведущих исследователей современной китайской литературы, в своей статье «О «новой исторической прозе»⁵ определяет НИП как прозу, представляющую собой ответвление от «неореализма», с которым его роднит беспристрастное, неприукрашенное отражение хода событий, приблизительно ограниченную по временным рамкам «периодом Республики» (поздняя Цин — конец 1940-х годов) и характеризующуюся отличной от официальной точкой зрения на важные вехи китайской революционной истории⁶.

Как отмечает Линь Цзиньшэнь, такое излишне формализующее ограничение по временным рамкам повествования приводит нас к невозможности рассмотрения достаточного большого количества произведений, которые, безусловно, по прочим характеристикам вполне поддаются прочтению в рамках концепции НИП⁷.

Однако, не считая временных ограничений, Чэнь Сыхэ одним из первых в китайском литературоведении обратил внимание на основную интенцию НИП — это формирование альтернативного (добавим от себя — нетоталитарного) исторического дискурса и «другой точки зрения» на историю.

Важной вехой в становлении НИП как направления современной китайской прозы Чэнь Сыхэ считает повесть Мо Яня «Красный гаолян»⁸. По его мнению, Мо Янь, обратившись к «народному» (*minjian*) восприятию истории, сумел освободиться от абстрактных определений, которые дают учебники истории и литература китайского социализма. Чэнь Сыхэ отмечает также, что такая «народная» перспектива имеет глубокие корни в китайской литературной традиции, и писатели, чье творчество классифицируется как НИП, осуществили в некотором роде «возврат к истокам», отказавшись от той политической телеологизации повествования, которая имела место в рамках социалистической системы китайской литературы⁹.

Еще одно важное замечание Чэнь Сыхэ относится к развитию исторической темы в современной китайской литературе в целом. Исследователь обращает внимание на два направления: «партийная история» (*dangshi*) и «беспартийная (не-партийная) история» (*feidangshi*), которые отличаются не столько содержанием, сколько подходом к творчеству, точкой зрения на происходящее. В качестве примера таких разных взглядов на одни и те же события Чэнь Сыхэ приводит, с одной стороны, романы Мао Дуня «Тронуты инеем, листья алеют, словно цветы весной» (*Shuangye hongshi eryue hua*, 1942) и «Распад» (*Fushi*, 1941), а с другой — романы Ли Цзежэня, написанные в 1930-х, в частности, «Рябь на болоте» (*Sishui weilan*, 1936). В романах Мао Дуня исторически значимые события хронологически изложены в соответствии с четко определенной политической идеологией, здесь описываются типичные герои в типичных обстоятельствах. У Ли Цзежэня исторический период от первой японо-китайской войны (1894–1895) до Синьхайской революции (1911) раскрывается в судьбах разных людей — старых и новых чиновников, крестьян-налогоплательщиков, интеллигенции, религиозных деятелей, членов тайного общества и т.д. Таким образом, история «распадается» на множество судеб, из которых Ли Цзежэнь тклет полотно «народной» жизни, закладывая предпосылки появления той «народной» точки зрения, создающей гетероглоссию, характерную для большинства произведений НИП¹⁰. То есть, хотя вышеуказанный пример и не прямое сравнение, творчество Ли Цзежэня, по словам Чэнь Сыхэ, показывает, что «народная» перспектива исторического развития не является свойством исключительно НИП, и произведения, обладающие такой же «новизной», были уже в 1930-х годах.

Основной вклад Чэнь Сыхэ в концепцию НИП состоит, на наш взгляд, в том, что исследователь ставит историю Китая первой половины XX века, воспринятую через призму «народной» жизни, в основу идейно-художественного наполнения этого направления.

Другой китайский исследователь, Сунь Сянькэ, в своей статье «Нарративная специфика и формирование тематических концепций “новой исторической прозы”» (1995) высказывает схожую точку зрения. Он считает, что «новизна» НИП состоит главным образом не в выборе тематики, а в освещении «беспартийной (или не-партийной) истории», дающей платформу для нового восприятия истории как таковой. Политическая история в «новых исторических романах» заменяется частной, семейной историей¹¹.

Сунь Сянькэ также утверждает, что «история» в НИП — это не история как наука, претендующая на достоверность, объективность и универсальность, а история, кото-

рую один человек рассказывает другому, — то есть то, как художественную литературу воспринимали в старом Китае (*xiaoshuo*)¹².

Интересно также мнение Хун Чжигана о том, что в рамках НИП писатели предпринимают «попытку завершения борьбы, принадлежащей как истории, так и конкретному человеку»¹³. Благодаря этому история поворачивается от абстракций к конкретике, конкретному человеку, который из «статиста» превращается в действующее лицо. Хун Чжиган утверждает: «Чтобы писать об истории правдиво, она должна восприниматься с позиций эстетического опыта писателя — в этом состоит вопрос субъективизации истории»¹⁴.

Профессор университета Цинхуа Куан Синьянь, рассматривая повесть Мо Яня «Красный гаолян» в контексте НИП, отмечает, что «новизна» новой исторической прозы — это новый взгляд на «революционную» историю, которая, по словам Хуан Цзыпина, была заложена в основу идеологии нового Китая и подводила рациональную основу под действительность в КНР до 1976 г.¹⁵

Кроме того, в статье выдвигается тезис о том, что авторы НИП — не участники и даже не свидетели описываемых событий, так как НИП для Куан Синьяня — литература только о «революционной истории», а ее основные авторы — 1950-х—1960-х годов рождения.

Куан Синьянь отмечает также, что, с одной стороны, сомнение и агностицизм, присущие авангардной литературе 1980-х, стали основой для осмысления истории в НИП, с другой стороны, «новый реализм» сделал движущей силой истории в НИП первобытные инстинкты и слепое насилие¹⁶.

Самое раннее полноформатное исследование НИП из известных нам — диссертация Линь Цинсиня «Чесать историю против шерсти»¹⁷: концепция китайской новой исторической прозы как оппозиционного дискурса (Brushing history against the grain: constructing the Chinese new historical fiction as an oppositional discourse), защищенная в Гонконге в 2001 г. Позже, в 2005 г. в КНР на ее основе была опубликована одноименная монография.

Основным тезисом исследования Линь Цинсиня является то, что «новая историческая проза создает оппозиционный дискурс, который отрицает китайскую современность»¹⁸.

По утверждению Линь Цинсиня, НИП «вышла на литературную арену как ряд альтернативных историй, которые бросают вызов официальной «революционной истории». В них авторы предпринимают попытку деконструировать революционную мифологию, совершая нападки на источники революции и нивелируя концепцию классовой борьбы, почитаемую ортодоксальными марксистами за главную движущую силу истории»¹⁹.

В своем исследовании Линь Цинсинь подразделяет произведения НИП на два подвида — *альтернативные истории* и *историко-графическую метапрозу*, которые, по его мнению, создают *гетероглоссию*, бросая вызов гранднарративу, представляющему историю как телесологически обоснованное поступательное движение²⁰. Линь Цинсинь иллюстрирует свою концепцию через развернутый анализ нескольких произведений.

Линь Цинсинь также говорит о гибридном характере *модернити*²¹ постмаоистского Китая. Исследователь отмечает, что сочетая социалистическую и буржуазную модернити²², китайская модернити совмещает и их темпоральные логики, которые телесологизированы схожим образом. Обе телесологии предполагают осмысление общества через призму идей прогресса и развития. НИП, в свою очередь, через отрицание идей прогресса как объективных сущностей подрывает суть китайской модернити²³.

НИП касается и профессор Пекинского университета Хун Цзычэн в своей широко известной «Истории современной китайской литературы», который очень точно подмечает, что ряд писателей, чье творчество во второй половине 1980-х годов относили к так называемому неореализму (дословно по-китайски — «новому реализму»), в 1990-е

обратились к исторической тематике, чем обрадовали критиков, дав им возможность упреждать термин «новая историческая проза»²⁴.

Говоря о прозе 1990-х годов, Хун Цзычэн отмечает, что после появления «нереализма» критики выделили ряд литературных течений, таких, как «новая историческая проза», «проза нового состояния» (*xin zhuangtai xiaoshuo*), «проза нового опыта» (*xin tiyan xiaoshuo*), «индивидуалистическая проза» (*geren xiaoshuo*), «личная проза» (*si xiaoshuo*) и др. Однако эти термины, в том числе и НИП, по мнению исследователя, не получили широкого распространения ввиду того, что писатели утратили интерес к созданию новых литературных течений. Кроме того, в обществе 1990-х годов, которое стремительно теряло «общий знаменатель», связывавший его в 1950-е — 1980-е годы, литературный процесс также стал стремиться к многополярности и фрагментарности. Рыночные запросы и потребности, ставшие заметным фактором литературного процесса в 1990-х, нарушили поступательное, «историческое» развитие литературного процесса²⁵.

Хун Цзычэн также отмечает, что для НИП 1990-х характерен «лиризм», описывающий человека как бессильную жертву «большой истории», что формирует новый этап после эпичности прозы 1950-х — 1960-х и политического переосмысления истории в прозе 1980-х годов²⁶.

Вышеперечисленными источниками перечень сведений далеко не исчерпывается, число статей о НИП на китайском языке весьма велико.

Об отечественных исследованиях, целиком посвященных НИП как самостоятельному литературному направлению, нам не известно. НИП как феномен упоминается в контексте рассмотрения творчества Юй Хуа в диссертации Ю.А. Дрейзис²⁷, а также в ее же статье «Разработка культурной парадигмы постмодерна в произведениях китайских авангардистов». В диссертации Е.А. Завидовской²⁸ НИП как таковая не упоминается, однако произведения, относимые к ней, рассматриваются как историческая проза в контексте постмодернизма. Кроме того, произведения, относимые к НИП, например, роман Мо Яня «Большая грудь, широкий зад», рассматриваются в диссертации А.А. Никитиной в контексте эволюции персониферы в китайской художественной прозе второй половины XX века²⁹. В связи с НИП следует также упомянуть статью О.Н. Борох и А.В. Ломанова об официальной точке зрения китайских властей на историю³⁰. В контексте официальной критики переосмысления истории как маски для «исторического нигилизма» в статье упоминается запрещенная в Китае «черная» кинокомедия об антияпонской войне «Дьяволы на пороге» (*Guizi laile*, 2000), снятая на основе повести «Выживание» (*Shengcun*, 1996) Ю Фэнвэя, чье творчество относят к НИП.

Говард Чой в своем полноформатном обзоре исторической прозы в Китае после смерти Мао, озаглавленном «Remapping the Past: Fictions of History in Deng's China, 1979–1997»³¹, делает важное замечание об унифицированной интерпретации истории периода республики (1910-е — 1940-е годы) как платформе для построения дискурса соцреализма в китайской литературе «семнадцати лет» (1949–1966). Исследователь, ссылаясь на американскую исследовательницу китайского происхождения, профессора Калифорнийского университета Ху Ин, отмечает, что период республики — один из наиболее освещаемых в исторической литературе (как художественной, так и научной), и вместе с тем имеет наименьшую вариативность трактовок³².

Г. Чой, ссылаясь труды на китайских литературоведов, определяет НИП как одно из течений китайской литературы, направленных на переосмысление и переписывание истории в соответствии с культурной динамикой второй половины 1980-х — начала 1990-х годов³³.

В выводах своего исследования Г. Чой сводит корпус рассмотренных произведений (большую часть которых другие исследователи относят к НИП) к ретропрозе (*retrofiction*), которая вступает в диалог с официальным историческим дискурсом. Более того,

разнородность «голосов» такой ретропрозы создаст уже не просто диалог с официальной историей, а *гетероглоссию*.

Говард Чой также отмечает, что новая модификация исторической прозы к середине 1990-х годов сменила свою основную направленность с «просветительской деятельности» на создание развлекательной продукции, с одной стороны, под давлением рыночной конкуренции, а с другой — под официальным руководством КПК. Результатом такой смены направленности стало появление ряда произведений в жанре «костюмированного исторического спектакля» о средневековом Китае, где внешняя, «визуальная» составляющая стала доминировать над художественным осмыслением истории³⁴.

Мы не согласны с этим утверждением и считаем весьма важным отметить, что принципы творческого и философского осмысления истории, разрабатывавшиеся писателями в рамках НИП второй половины 1980-х—начала 1990-х годов и далее, воплощались в художественном осмыслении актуального прошлого, заметной составляющей которого является жизненный опыт китайского социализма 1960-х — 1970-х годов, воспринятый и творчески осмысленный писателями уже как собственное прошлое, а не мифологизированный нарратив. Наиболее яркие примеры — романы Мо Яня «Большая грудь, широкий зад», «Устал рождаться и умирать», Юй Хуа «Братья», Ван Аньи «Песня о вечной печали» (1995), Чжан Вэя «Старый корабль» (1987). На наш взгляд, НИП как «серьезная историческая литература» не исчезла и не сошла на нет, а заняла нишу на современном китайском культурном рынке, и поэтому не стоит сожалеть об утрате литературы, как призывает нас Г. Чой.

Еще одно полноформатное исследование НИП — диссертация британского исследователя Алистера Моррисона «Прощание с историей: альтернативное отображение истории Китая XX в. в «новой исторической прозе» (2012)³⁵. В нем подробно рассматриваются романы Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя», Лю Чжэньюня «Желтые цветы в родных краях» (Guxiang tianxia huanghua, 1991), Ли Эра «Колоратура» (Huaqiang, 2002), трилогия Ван Сяобо «Эпохи» (Shidai sanbuqu, 1994–1997).

Диссертация А. Моррисона, как нам показалось, продолжает теоретическую установку на освещение НИП как оппозиционного дискурса, взятую Линь Цинсинем и в общих чертах опирается на изыскания китайских критиков рубежа 1980-х — 1990-х, рассмотренные нами ранее. Как и Линь Цинсинь, А. Моррисон сводит воедино историографическую и собственно историческую прозу, что, с нашей точки зрения, наносит урон четкости формальной делинеации НИП.

Важным достоинством исследования А. Моррисона, на наш взгляд, является сравнительный анализ творческого осмысления земельной реформы в романах Лю Чжэньюня «Желтые цветы в родных краях» и Чжоу Либо «Ураган» (1948). Как нам кажется, рассмотрение исторической прозы в сравнении с литературой периода «семнадцати лет» (1949–1966) дает прекрасную возможность целостной характеристики стадийности развития китайского литературного процесса второй половины XX века.

Американский исследователь Джеффри Кинкли, автор книги «Антиутопия в китайском новом историческом романе» (2014), употребление термина НИП, несмотря на его несовершенство с формальной точки зрения, объясняет наличием стилистических параллелей между латиноамериканским и китайскими «новыми историческими романами». Он предлагает следующие характеристики латиноамериканского «нового исторического романа»:

- 1) Философские идеи.
- 2) Осознанное искажение истории.
- 3) Использование известных исторических личностей в качестве персонажей.
- 4) Метапрозрачность.
- 5) Интертекстуальность.

б) Концепции диалогичности, карнавализации, пародии и гетероглоссии, предлагаемые Бахтиным³⁶.

Действительно, те или иные характеристики из этого списка легко обнаруживаются в китайских «новых исторических романах».

В своем исследовании Кинкли подразумевает под НИП «исторические романы... которые отвергают и бросают вызов предыдущим национальным историческим нарративам, как правило с политической окраской, с тяжелыми последствиями для настоящего или будущего, и в которых также отражено знакомство [авторов. — А. С.], даже при разочаровании в них, с магическим реализмом, сюрреализмом, фэнтези, аллегорией, метансторическим сомнением, пародией, самопародией, пастишем, абсурдом, и различными экспериментальными, разрозненными и нелинейными репрезентациями времени и сюжета, которые были в авангарде [литературы. — А. С.] в Китае 1980-х»³⁷.

Кроме того, Кинкли отмечает, что проследить связь между «новой исторической прозой» и дискурсом «нового историзма», как это делают некоторые китайские исследователи, «проблематично», вероятно, ввиду того, что последний является прежде всего литературно-критическим дискурсом³⁸.

Кинкли считает, что антиутопичность романов 1990-х — 2000-х годов — это попытка осмысления предыдущего маоистского (утопического) этапа китайской истории³⁹. Предмет исследования Кинкли — антиутопия — это достаточно четкий «общий знаменатель», дающий ключ к целостной характеристике этапа литературы после 1989 г.

Принимая во внимание вышесказанное, можно увидеть, что большинство исследователей, несмотря на различия в подходах к формальной делинеации, характеризуют НИП как новый этап в развитии «серьезной», чистой литературы, своего рода следующий за «литературой нового периода». Термин НИП удобен прежде всего тем, что он имеет достаточно широкое хождение в литературно-критических кругах. Однако он не лишен недостатков. Первый из них заключается в расплывчатости термина «новый», который к тому же употребляется достаточно часто («Новый Китай», «литература нового периода», «новый реализм», «движение за новую культуру» и т. д.), что может ввести в заблуждение тех, кто не близко знаком с концепциями истории новейшей китайской литературы.

Второй момент, который может ввести в заблуждение — слово «исторический». Широко известно, что основа фактуры классического исторического романа (например, у В. Скотта) — достоверное воссоздание давно минувших эпох. Если взглянуть на большинство романов НИП, то, на наш взгляд, основу их идейного наполнения составляет не осмысление каких-либо давних исторических периодов, а переосмысление недавних событий, имеющих идеологическое и политическое значение для современности. Кроме того, прошлое в НИП часто смыкается с настоящим, как в романах Юй Хуа, Мо Яня, Чжан Вэя, Ван Аньи и т.д. Конкретно-историческая фактура НИП, как нам кажется, берется не для подробной детализации, а для того, чтобы поставить ценностные установки, постулируемые «красной классикой», в центр внимания и сделать процесс их переосмысления более эксплицитным. Получается, что мы имеем дело, скорее, с де-историзацией недавних событий, «историзованных» социалистической идеологией, а НИП в пору называть если не «антиисторической» или «постисторической», то исторнософской, а не «исторической» прозой, дабы не вводить читателя в заблуждение.

Наше видение романов на актуальную историческую тематику, появившихся в 1990-е годы, в основном совпадает с точкой зрения китайских литературоведов начала 1990-х, определяющих ее как не-партийную историю, осмысленную через призму народной перспективы. Мы рассматриваем НИП прежде всего как субверсию китайского социализма. Кроме того, если слово «новая» в словосочетании НИП означает субверсию социализма, то не точнее было бы назвать эту прозу постсоциалистическим реализмом?

Мы не готовы разделить и точку зрения Линь Цзинся и А. Моррисона, приписывающих к НИП и историографическую метапрозу. Как нам представляется, в не-партийных историях объектом субверсии выступает *партийная (революционная) история*, а в историографической метапрозе — исторический дискурс как таковой. Против сведения историографической метапрозы и не-партийных субъективных историй в один корпус, на наш взгляд, выступает и разный источник, мотив субверсии. Если для историографической метапрозы таким мотивом служит восприятие западных постмодернистских концепций, то для не-партийных историй подоплекой служит предшествующее развитие литературного процесса в КНР.

Так, романы «Равнина белого оленя», «Большая грудь, широкий зад», «Устал родиться и умирать», в основе которых лежит не-партийная история, на наш взгляд, нельзя назвать метапрозаическими. Незначительное исключение здесь составляет лишь роман Чэнь Чжунши, в котором упоминается составление учеными уездной хроники (*xiangzhi*), однако повествовательная фактура произведения в целом не связана и, тем более, не взаимообусловлена процессом написания и содержанием этого труда. Нам кажется, что метапрозаический компонент не является обязательной предпосылкой для субверсии гранднарратива.

Итак, несмотря на то, что концепции НИП не дают нам строгой формальной делинеации, применимой к самому китайскому литературному процессу, они представляются удобными при рассмотрении текущего этапа в развитии китайской исторической прозы хотя бы тем, что позволяют держать в поле зрения широкий круг исследований в этой области.

1. См.: Ван Бяо. Юй лишн дуйхуа — синь лишн сяошо лунь: [Диалог с историей — о новой исторической прозе] // Вэнь пишунь. 1992. № 4. С. 26–32; Хун Чжиган (см. сноску 13); Хун Цзычэн (см. сноску 24) и др.
2. Здесь имеется в виду китайская историко-революционная проза 1950-х — 1970-х годов, в которой описываемые события укладываются в схему поступательного развития классовой борьбы как движения к «светлому будущему», то есть к победе КПК и образованию КНР. Наиболее известные романы — «Хроники красного знамени» Лян Биша (1958), «Красный утес» Ло Гуанбиня (1961), «Песня молодости» Ян Мо (1958), и др. В общих чертах произведения этой эпохи можно назвать китайским социалистическим реализмом. По словам Куан Синьяня, «задача историко-революционной прозы (*geming lishi xiaoshuo*) состоит в том, чтобы свести личный бунт отдельного человека к осознанной и организованной революционной борьбе» (см. сноску 15).
3. Чжао Сифан. Дандай вэньсюэчжундэ лишн сюйшу: [Изложение истории в современной литературе] // Дуннань сюэшу. Фучжоу. 2003. № 4. С. 125.
4. Там же.
5. Чэнь Сыхэ. Люэ тань “синь лишн сяошо”: [О «новой исторической прозе»] // Вэньхуэйбао. Шанхай. 02.09.1992.
6. Там же, С. 46, 49.
7. Там же.
8. Там же. С. 47.
9. Там же.
10. Там же. С. 46.
11. Сунь Сянькэ. Идеологические особенности «новой исторической прозы» // Дандай вэньтань. Чэнду. 1995. № 6. С. 33.
12. Там же. С. 41.
13. Хун Чжиган. Синь лишн сяошо лунь: [О новой исторической прозе] // Вестник Чжэцзянского педагогического университета (общественные науки). Цзиньхуа. 1991. № 4. С. 22.
14. Там же.

15. *Кван Синьянь*. Мо Янь дэ «Хун гаолян» юй синь лини сяошо: [«Красный гаолян» Мо Яня и «новая историческая проза»] // Вестник Ханчжоуского педагогического института: общественные науки. Ханчжоу. 2006. № 4. С. 99.
16. Там же. С. 100.
17. Отсылка к В. Беньямину и его известной работе «“Тезисы по философии истории”», или “О понятии истории”» (1940).
18. *Lin Qingxin*. Brushing History Against the Grain: Constructing the Chinese New Historical Fiction as an Oppositional Discourse”. [PhD thesis] Hong Kong. 2001. P. 19–20.
19. Ibid. P. 21.
20. Ibid. P. 1–2.
21. От англ. *modernity*.
22. Здесь имеется в виду «социализм с китайской спецификой».
23. *Lin Qingxin*. Op. cit. P. 44–45.
24. *Хун Цзычэн*. Чжунго дандай вэньсюэши: [История современной китайской литературы]. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2015. С. 373.
25. Там же. С. 415.
26. Там же. С. 418.
27. *Дрейзис Ю. А.* Художественные концепты прозы Юй Хуа: дис.... канд. филол. наук. М., 2013.
28. *Завидовская Е. А.* Постмодернизм в современной прозе Китая: дис.... канд. филол. наук. М., 2005.
29. *Никитина А. А.* Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века: дис.... канд. филол. наук. СПб., 2017.
30. *Борох О.Н., Лоианов А.В.* Возвращение небесного повеления // Pro et Contra. М. 2009. № 3–4. С. 65–88.
31. Автор исследования имеет китайское происхождение, однако эта книга, основанная на диссертации, защищенной в 2004 г. в США, вышла в Лейдене, соответственно мы относим ее к западным исследованиям.
32. *Choy H. Y. F.* Remapping the Past: Fictions of History in Deng's China, 1979 -1997. Leiden: Brill, 2008. P. 233.
33. Там же. P. 12.
34. Там же. P. 236.
35. *Morrison A.* Farewell to 'history': New Historical Fiction's Alternative Visions of 20th Century China. PhD Thesis. London, 2012.
36. *Kinkley J.* Visions of Dystopia in China's New Historical Novels (E-book). New York: Columbia University Press. 2014. P. 297.
37. Ibid. P. 28–29.
38. Ibid. P. 27.
39. Ibid. P. 24.

Религия

Русский храм на Янцзы

© 2018

В.Г. Шаронова

В статье рассматриваются вопросы истории православия в Китае. Большую роль в строительстве храмов играло русское купечество, считавшее своим долгом укрепление духовной веры среди русского населения, проживающего вдали от родины. Одним из важных пунктов русско-китайской чайной торговли с середины XIX века являлся г. Ханькоу, современный г. Ухань. Здесь в 1884 г. на средства русского купечества был построен православный храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского.

Ключевые слова: Ханькоу, храм, православие, купцы, чайная торговля, российско-китайские отношения.

DOI: 10.31857/S013128120002801-2

(Окончание. Начало в ПДВ №5, 2018 г.)

После отъезда будущего российского императора жизнь русской колонии в Ханькоу вернулась в свое привычное русло. Вдохновленные визитом наследника купцы укрепили свои коммерческие позиции на ханькоусском рынке и с еще большим рвением стали служить во благо своей родины. Являясь, по сути, народными дипломатами, они несли в юго-восточные районы Китая свою культуру, традиции и веру. Их заслуги на этом поприще не остались незамеченными: многие были удостоены звания почетных граждан Российской империи, получили государственные награды.

Вместе с ними в далекой стране несли свою службу и кадровые дипломаты, стараясь помочь русским торговцам в их деятельности. Не случайно их связь была крепкая искренняя дружба. Новые назначения на должности консулов воспринимались с настороженностью и сожалением по поводу отъезда ставшего уже близким мидовского чиновника.

Назначенный в 1889 г. консулом в Тяньцзинь, Павел Андреевич Дмитревский продолжал свою дипломатическую деятельность и в Ханькоу. Однако предложенная ему в 1891 г. должность главы российского дипломатического представительства в Сеуле, потребовала оставить привычные ханькоусские заботы. Новое назначение свидетельствовало о том, что Павел Андреевич имел к тому времени заслуженный авторитет в Министерстве. Учитывая его дипломатические достижения в Китае, выбор руководства внешнеполитического ведомства был не случайным.

В 1892 г. в Ханькоу прибыл новый консул Александр Степанович Вахович¹, окончивший в 1882 г. Санкт-Петербургский университет и имевший опыт работы в Китае (в Пекине, Урге и Тяньцзине). О нем было известно, что это сын бывшего униатского священника из Варшавы, принявшего православие.

Приезд молодого энергичного дипломата был встречен в Ханькоу очень тепло. В то время в городе уже имелись британская и французская концессии. Узнав о том, что немцы недавно получили территорию под собственную концессию, А.С. Вахович направляет в посольство в Пекине ряд служебных писем, в которых убеждает начальство в необходимости создания в Ханькоу русской концессии, которая бы способствовала росту торговли и укреплению позиций России в этом регионе. Он занимается многочисленными вопросами по учреждению нового коммерческого банка и созданию здесь русского пароходства. Его деятельная натура была постоянно занята новыми проектами по продвижению интересов русских предпринимателей и расширению сфер их влияния в торговом мире города-порта.

Кадровые изменения коснулись и церковной жизни. В апреле 1892 г. для пасхального богослужения в Ханькоу был командирован член Пекинской духовной миссии иеромонах Иннокентий (Александр Ольховский). Вскоре после его возвращения в Пекин купцами было подано прошение об оставлении его в Ханькоу в качестве постоянного священника: «В продолжении многих лет на добровольные пожертвования ханькоусских русских фирм и московских чаоторговцев здесь постепенно был выстроен православный храм во имя Великого Князя Александра Невского, который и был освящен в 1885 г. с разрешения Его Высокопреосвященства Митрополита Петербургского Исидора. На поддержание храма русские фирмы здесь постановили жертвовать по 1/2 фына с каждого отправляемого ими чая. Но этих средств до сих пор еще недостаточно для содержания постоянного священнослужителя, и эти последние приглашались сюда только в большие праздники из Пекинской Духовной Миссии. Остальное время церковь наша оставалась без пастыря.

Между тем, во время чайного сезона здесь бывают много русских судов и пассажиров, часто является потребность в священнике и неоднократно приходилось обращаться к католическим миссионерам, чтобы совершить некоторые церковные требы.

В прошлом году Его Императорское Величество Государь Наследник Цесаревич изволил выразить в то время в Ханькоу бывшему Начальнику Пекинской Духовной Миссии свое сожаление, что церковь не имеет пастыря. Ввиду всего выше изложенного, ...мы решились Всепокорнейше просить Вас, Святейший Правительствующий Синод, остаться здесь постоянным священнослужителем иеромонаху Иннокентию, который временно командирован сюда из Пекинской Духовной Миссии для совершения Пасхального Богослужения и, который в настоящее время находится здесь, при чем он, иеромонах Иннокентий ввиду недостаточности средств нашей церкви сохранил все свои права члена Пекинской Духовной Миссии.

Мы же обязуемся дать ему помещение с необходимой обстановкой и т.к. необходимые предметы жизни здесь дороже, чем в Пекине, мы будем доплачивать в содержание, которое он будет получать от Пекинской Духовной Миссии по 1 тысяче ханькоусских лан серебра ежегодно.

Подписи:

- «Токмаков, Молотков и К» — компаньон оного Семен Васильевич Литвиннов
 - Высочайше Утвержденное Товарищество «Братья К. и С. Поповы» — по доверенности С.Е. Сорокин
 - Торговый Дом «Чирков, Панов и К» — подписал компаньон Я.К. Панов
 - Торговый Дом С.И. Спешилов и К» — компаньон С.И. Спешилов
 - Торговый Дом «Молчанов, Печатнов и К» — компаньон Молчанов Н.М.
- Ханькоу, 28 апреля/10 мая 1892»².

Прошение купечества было удовлетворено, и 23 июня 1892 г. иеромонах Иннокентий вновь прибыл в Ханькоу, но уже как постоянный священник храма Святого благоверного князя Александра Невского. Молодой настоятель являлся выпускником Холмской духовной семинарии, которую окончил в 1888 г., членом 17-й Пекинской духовной миссии. «При приезде в Пекин усердно занялся китайским языком, в котором делал заметные успехи. Это была даровитая, но неуравновешенная натура», — писал о нем архимандрит Авраамий³. С его прибытием в Ханькоу начинается долгожданный ремонт храма, во время которого предполагалось заменить износившиеся в жарком климате деревянные части на каменные, а также починить крышу.

Деятельность двух лидеров русской колонии, духовного и официального, была очень разнообразной и многогранной. Иеромонах Иннокентий был занят окормлением паствы, тесным сотрудничеством с местным купечеством, пробовал себя в миссионерстве. А.С. Вахович, усиленно отстаивавший интересы Российского государства, продвигал проекты создания концессии, совершал поездки на плантации в Янлоудун, способствовал развитию чаеводства на родине. Казалось, что оба они были заняты важными делами, требующими постоянного внимания и забот. Тем не менее многие русские жители замечали, что между ними существует какая-то неприязнь, хотя оба были из Варшавы и имели много общего до приезда в Китай. Консульство, как и при П.А. Дмитревском, располагалось в церковном доме, и вопрос постройки отдельного консульского здания также поднимался Ваховичем.

К середине 1890-х годов увеличение количества торговых домов в Ханькоу, как русских, так и иностранных, способствовало росту международной торговли, главным товаром которой был чай. В Ханькоу вели дела несколько русских торговых домов, главными из которых были «Молчанов, Печатнов и К», «Токмаков, Молотков и К», «Чирков, Панов и К», имелись представительства фирм «Братьев К. и С. Поповых» и «Высоцкого и К». Успешно функционировали русские фабрики по производству чая, находившиеся как на территории британской концессии, так и за ее пределами. Кроме торговли, русские купцы открывали кирпичные заводы и строили из красного кирпича различные здания. Каждое воскресенье православные жители собирались в храм и после службы направлялись или в близлежащий дом купца Н.М. Молчанова, или в дом купца С.А. Чиркова, стоявший неподалеку, на набережной. Такие беседы за самоваром способствовали сплочению людей, позволяли им обсудить насущные проблемы, как в торговых делах, так и в быту. Ханькоу становился центром русско-китайской торговли, и это накладывало отпечаток на жизненный ритм российских подданных. Отношения между служащими различных фирм были дружеские, все они старались помочь друг другу несмотря на конкуренцию.

Многие общественные дела, в том числе и церковные, коммерсанты решали сообща. Однако их отношения с иеромонахом Иннокентием постепенно разладились. Все, проводимые в Российской империи изменения по управлению церковным имуществом, осуществлялись в Ханькоу с трудом, поскольку купцы считали, что построенный за их счет храм и хранящийся в консульстве церковный капитал принадлежит только им, и никто не вправе вмешиваться в вопрос его расходования. Только после того, как к вопросу подключился консул Вахович, эта сложная проблема была решена.

Согласно распоряжению Святейшего синода, в апреле 1895 г. в Ханькоу при Александро-Невском храме был избран церковный комитет из представителей 4 русских компаний по 3 года, в числе, 7 человек:

- от фирмы «Братья К. и С. Поповы и К» — московский мещанин Василий Александрович Васильев;
- от фирмы «Токмаков, Молотков и К» — нарымский купец 1-й гильдии Семен Васильевич Литвинов и сселенгинский купец 1-й гильдии Алексей Петрович Малыгин;

– от фирмы «Молчанов, Печатнов и К» — кяхтинский купец 1-й гильдии Никита Матвеевич Молчанов и московский купец 1-й гильдии Сергей Акиндинович Печатнов;

– от фирмы «Чирков, Панов и К» — туринский 1-й гильдии купец Семен Андреевич Чирков и кяхтинский 1-й гильдии купец Яков Кириллович Панов.

Сравнительно большое число членов комитета было избрано ввиду того, что некоторые из них отсутствовали в Ханькоу по несколько месяцев, поэтому в случае их временного выезда в Россию в комитете оставалось не менее 3 членов. Созданный комитет под председательством настоятеля церкви «постановил собираться раз в 3 месяца и на заседаниях своих обсуждать нужды церкви, утверждать производственные расходы и составлять смету новым порядком, в экстренных же случаях настоятель сможет собирать комитет и чаще, т.к. весь капитал церкви в количестве 17 994,48 лан вложен в банк на годичный депозит и лишь расписки банка хранятся в консульстве. На текущем же счету церкви нет никаких денег, а ежегодные пожертвования 4-х здешних торговых домов вносятся только в конце года, по выяснении результата торговых операций, то комитет просил туринаского 1-й гильдии купца Семена Александровича Чиркова и кяхтинского 1-й гильдии купца Якова Панова произвести жалование священнику и прислуге и мелкие платежи в размере, утвержденном комитетом; равным образом на г.г. Чиркова и Панова возложена Комитетом в нынешнем году ближайшая помощь настоятелю по заведению церковью как-то: выписка вина, свечей, украшений церкви в большие праздники, присылка певчих из числа служащих и иных. Имущество церкви, капитал ее и поступающие ежегодные пожертвования равным образом и расходы церкви будут вноситься комитетом в кассовую приходно-расходные шнуровые книги церкви, о высылке которых из Пекинской Духовной Миссии настоятель церкви войдет с особым ходатайством»⁴.

Будучи человеком неуравновешенным, о. Иннокентий все чаще обрушивал вспышки гнева то на прихожан, то на молодого Ваховича. Все эти небольшие разногласия и стычки между настоятелем и дипломатом вылились в серьезный конфликт, который произошел в мае 1894 г. Посланник в Пекине граф А.П. Кассини секретной телеграммой от 19.05.1894 уведомил МИД о недоразумении, произошедшем в Ханькоу между тамошним русским консулом коллежским ассессором Ваховичем и командированным в названный город для отправления церковных служб при тамошней церкви чином Пекинской духовной миссии иеромонахом Иннокентием, «который выгнал из церковного дома консула в коем помещении находится консульство и запретил пускать консула в ворота дома и что опасаясь дальнейших недоразумений, компрометирующих наше консульство и усматривая из этого донесения коллежского ассессора Ваховича, что виновником их является иеромонах, посланник пригласил последнего сдать церковь и суммы старосте и немедленно прибыть в Пекин для объяснений»⁵. Очевидцы рассказывали, что вслед за консулом были выброшены его вещи и архив консульства. Такое серьезное недоразумение было большим ударом для авторитета нашей колонии. Иеромонах написал рапорт, в котором полностью признал свою вину и обвинил во всем свой неуживчивый характер и сложность проживания в Ханькоу, вызвавшие обострение чувств тоски и одиночества. Между тем пребывание его в Ханькоу в качестве постоянного священника «по причине значительности местного русского населения и производящихся работ по ремонту церкви, оказывался безотлагательно необходимым, Святейший Синод определением от 24.08/5.09.1896 г. оставил иеромонаха Иннокентия для продолжения служения при Миссии в Пекине, а архимандриту Амфилохию поручил командировать в Ханькоу для совершения богослужений и треб иеромонаха Амфилохия (младшего)»⁶.

Вскоре в Ханькоу был временно командирован иеромонах Амфилохий (Шипунов), окончивший духовную семинарию и являющийся членом Пекинской духовной миссии. Консульство было перенесено в дом чаоторговцев Поповых.

Учитывая создавшуюся неприятную ситуацию, русское купечество обратилось в Синод с просьбой прислать в качестве постоянного настоятеля храма в Ханькоу семей-

ного священника. Обер-секретарь Святейшего синода в своей справке от 23.10.1895 указывал, что в рапорте начальника Пекинской духовной миссии, с донесением о состоянии Миссии в 1894 г., говорилось, что жители г. Ханькоу пожелали иметь семейного священника и, что «в настоящее время о том, какую сумму определят на содержание причта и на нужды священника и псаломщика из Санкт-Петербурга, сведений не имеется»⁷.

Временный священник пробыл в Ханькоу совсем недолго, менее двух месяцев, но оставил о себе добрую память. Тем временем поиски нового, уже семейного священника, были успешны. На это место был назначен священник ургинской Свято-Троицкой церкви протонерей Николай Петрович Шастин: «Постановлением 1895 г. По Указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод имеет суждения об увольнении иеромонаха Иннокентия, члена Пекинской Духовной Миссии и о назначении на его место священника Николая Шастина.

ПРИКАЗАЛИ:

Уволить иеромонаха Иннокентия от должности члена Пекинской Духовной Миссии с обращением его в распоряжение Преосвященного Холмско-Варшавского Архиепископа Флавиана (с 1873–1884 член и начальник Пекинской Духовной Миссии), а на его место назначить священника Ургинской церкви Николая Шастина, с определением его к Ханькоусской церкви в виду полученных в Святейшем Синоде сведений о желании православных жителей иметь у себя семейного священника и о согласии Шастина на перемещение его в названный город, а также не имеется на то и препятствий со стороны Преосвященного Иркутского, в ведение которого входит Ургинская церковь;

Предоставить Преосвященному Иркутскому озаботиться назначенным к Ургинской церкви священником Шастиным в Ханькоу, выдать ему прогонные и подъемные о расстоянии между Ургою и Ханькоу для всей семьи. Подписано членами Синода к исполнению. 6.11.1895. Исполнено 8.11.1895»⁸.

О новом настоятеле было известно, что он происходил из семьи протоиерея, родился в 1863 г. в г. Балаганске Иркутской губернии, обучался в Иркутской духовной семинарии. По окончании курса в звании студента в 1885 г. рукоположен в сан дьякона, и затем в сан священника с назначением в Цакирскую (Бурятия) миссионерскую Никольскую церковь. Указом Читинского духовного правления ему была объявлена благодарность за точное исполнение поручений по делам миссии. Позже за отличную и полезную службу был награжден епископом Селенгинским Макарием за назидание прихожан словом Божиим, имел благодарности епархиального начальства. Архиепископом Иркутским Тихоном с 1 ноября 1893 г. был определен на должность священника при православной Свято-Троицкой церкви в Урге (Улан-Батор) и назначен законоучителем при ургинской школе толмачей и переводчиков. Получив назначение в Ханькоу, отец Николай вместе с женой Елизаветой Иннокентьевной и дочерью Людмилой отправился в долгий путь. В марте 1896 г. он принял Александро-Невскую церковь в Ханькоу от иеромонаха Амфилохия, после чего последний вернулся в Пекинскую миссию.

Новый священник оказался очень деятельным человеком. Затянувшийся ремонт храма был быстро завершен. На освящении обновленного храма, собравшим все местное русское население, особое место во время праздничной службы занимала икона Николая Мирликийского, подаренная наследником.

Верующие продолжали помогать и жертвовали крупные суммы как на содержание церкви, так и в пользу Пекинской духовной миссии. Например, селенгинский купец 1-й гильдии, служащий компании «Токмаков, Молотков и К» А.П. Малыгин пожертвовал три небольших участка земли с горячими ключами вверх по реке Янцзы близ деревни Ланькоубао для устройства санатория для прокаженных.

С раннего утра до позднего вечера о. Николай занимался не только многочисленными церковными делами, встречами с паствой, но и выезжал за пределы Ханькоу в китайские деревни для создания миссионерских станов. К его талантам можно было

отнести «хозяйственную жилку», которая помогала в решении различных вопросов по поддержанию прихода в достойном состоянии. Многие жители отмечали деловитость и умения о. Николая. Однако его неприязнь к консулу Ваховичу вскоре стала заметна. Видимо, он считал виновником недоразумения между дипломатом и о. Иннокентием не только последнего.

Сам консул А.С. Вахович был занят вопросами приобретения земли для основания Русской концессии, и его усилия увенчались успехом. В конце мая 1896 г. между китайской и русской сторонами было подписано Положение о Русской концессии в Ханькоу.

Концессии отводилась площадь в 26 десятин на западном берегу Янцзы, вдоль реки до местечка Тунцзымынь. На севере к ней соседствовала французская концессия, на востоке — американская. Вся эта земля была передана в вечную аренду Российскому государству и находилась в ведении русского консула. Новая территория управлялась общественным советом на основании Устава, принятого общим собранием. Совету подчинялись все проживающие на территории концессии, независимо от гражданства⁹. В общественном совете участвовали как частные лица, так и компании. В него также входили представители генерального консульства, церкви, банка, почтовой конторы, коммерсанты, юристы, врачи, духовенство.

Выкуп земли, выделенной китайским правительством под Русскую концессию, начался в марте 1897 г., одновременно со строительством набережной, получившей название Николаевская. День закладки первого камня был обставлен очень торжественно. На будущей строительной площадке собралась вся местная китайская и иностранная знать, многочисленные жители. Около места закладки была построена красивая беседка, украшенная цветами и гирляндами, а также лентами с цветами российского флага. После торжественного молебна консул Вахович произнес речь, зачитал поздравления официальных лиц и заложил первый камень.

Концессия быстро застраивалась. Это было не по душе иностранцам, особенно британцам, которые чинили всяческие препятствия и мешали этому, боясь, что придет время, когда их исключительное господство в важном торговом порту будет утеряно. Ежедневно возникали различные вопросы по благоустройству территории, выкупу земли, компенсациям китайскому населению. А.С. Вахович наряду с обычными консульскими обязанностями должен был решать и эти проблемы. В одном из своих писем он писал: «Помимо обычных консульских действий, которых здесь в чайный сезон гораздо больше, чем в других консульствах, злосчастная концессия отнимает много сил, день, в который явилась у меня мысль о ее взятии, я не благословляю, а затем постройка набережной доставила мне столько хлопот, неприятностей и работы, что и сказать не умею. Я вложил всю душу в эту концессию, всю свою энергию, как в свое детище — она же меня за это съела и высосала все силы. Я никогда не думал, что встречу столько злой воли, столько мелких, но чувствительных укулов, столько разных придинок и препятствий со стороны иностранцев и столько равнодушия, а подчас даже недоброжелательности со стороны соотечественников. Постройка набережной обошлась около 205.000 лан»¹⁰.

Государственные проблемы перемешивались с личным горем. Александр Степанович потерял молодую жену-японку, скончавшуюся в родах в Японии в 1894 г. В Ханькоу вместе с ним проживал малолетний сын Оидзуми Кокусуги, носивший фамилию матери. Консул снимал квартиру у польки Марии Доманской, ставшей впоследствии его гражданской женой. Факт отсутствия законного брака вызывал осуждение о. Николая, что способствовало духовному отдалению Александра Степановича от священника. Однако их деловые отношения приносили пользу всей русской колонии.

Благодаря усилиям о. Николая Шастина и помощи, оказанной ему консулом Ваховичем, китайское правительство пошло на уступки в продаже новых земельных участков России. Речь шла о прекрасной дачной местности, находившейся в горном местечке Лушань соседней провинции Цзянси. Летом 1898 г. Пекинская духовная миссия приоб-

рела в полное неограниченное владение земельный участок, получивший название Лулин и расположенный около дачного поселка, построенного европейскими предпринимателями. Территория была поделена на участки, которые сдавались в аренду. Распоряжался недвижимостью консул А.С. Вахович, а доходы поступали в церковную казну. Предполагалось, что получаемые от аренды средства будут идти на развитие миссионерской деятельности в Китае. Для священников был построен дом в 4 комнаты и служебные помещения; рядом расположились дачи часторговцев. В Лулине под наблюдением монаха Ионы по лесным просекам прокладывались дороги, строились мосты через горные ручьи — велось активное благоустройство территории.

Приобретение земли в провинции Цзянси положило начало политике расширения миссионерского служения в Китае, проводимой начальником 18-й миссии, архимандритом Иннокентием Фигуровским¹¹, который уделял большое внимание созданию миссионерских станов в китайских провинциях. Он возлагал в этом вопросе большие надежды на ханькоуского настоятеля, поскольку ранее в этом районе работа с коренным населением велась слабо.

Овладевший китайским языком о. Николай обращал в православную веру китайцев близлежащих сельских поселений провинции Хубэй. В 1902 г. стараниями и усердием жителей в деревне Юаньдзякоу была сооружена русская часовня и принято решение открыть миссионерский стан. Вскоре туда был отправлен для проповеди дьякон Сергей Чан, китаец по национальности. Однако в 1904 г. по наущению приверженцев других христианских конфессий часовня была разрушена. Это не ослабило желания части жителей быть в лоне православной церкви: продолжали поступать пожертвования и прошения с ходатайством об открытии миссионерских станов, однако недовольных оказалось больше, и вскоре проповедники были вынуждены уехать оттуда. О необходимости направлять более опытных миссионеров писали в мае 1906 г. «Известия Братства Православной церкви в Китае»¹²

Заслуги ханькоуского протонеря были высоко оценены: в 1904 г. он был переведен в Пекин и возглавил типографию Миссии.

К началу XX века православный храм на реке Янцзы насчитывал более 50 верующих, преимущественно служащих часторговых фирм: церковная служба совершалась в нем по праздничным и воскресным дням.

В 1900 г. в Ханькоу в качестве секретаря консульства прибыл молодой дипломат Андрей Терентьевич Бельченко¹³, ставший впоследствии известным общественным деятелем и проживший в Ханькоу в общей сложности около 40 лет. Но тогда консульский чиновник только знакомился с местными жителями, узнавал принятые в колонии обычаи. Поработав в консульстве несколько месяцев, он вернулся в Пекин. Во второй раз он прибыл в Ханькоу в связи с печальными событиями, связанными с тяжелой болезнью и кончиной А.С. Ваховича, окончательно подорвавшего здоровье на строительстве и благоустройстве Русской концессии. Незадолго до смерти консул обратился к о. Николаю с просьбой отправить в Пекинскую миссию письмо, в котором просил разрешения на брак с Марией Доманской. Спустя несколько дней о. Николай сообщил, что из Миссии пришел отрицательный ответ, однако письмо не показал. Это породило различные слухи в местном русском обществе, многие испытывали чувства искреннего сострадания к умирающему консулу. Вскоре в МИДе была получена телеграмма, что «в ночь с 11 на 12 февраля 1904 г. наступила смерть консула в Ханькоу статского советника Ваховича. По приказу Императорского посланника молодой Бельченко вступил в управление консульством»¹⁴.

Похороны А.С. Ваховича отличались особой торжественностью, в русской церкви на отпевании присутствовали иностранные консулы и командиры военных кораблей, одетые в парадную форму, которые затем прошествовали на иностранное кладбище, провожая в последний путь доблестного российского дипломата. Как писал о нем известный

библиофил Л.Н. Павленков: «Государство лишилось в нем способного энергичного труженика и горячего патриота, который упорно отстаивал права России и высоко держал ее знамя»¹⁵. Спустя несколько лет Мария Доманская добилась разрешения перенести прах А.С. Ваховича на православное кладбище в Седанке около Владивостока. 22 февраля 1911 г. владыка Евсевий, архиепископ Приморский, освятил небольшую каменную часовню, возведенную на его могиле М. Доманской. Покойный А.С. Вахович пользовался большой любовью и уважением у всей русской колонии, поэтому одна из улиц Русской концессии носила его имя — улица Ваховича.

Вскоре в Ханькоу прибыл новый консул А.Н. Тимченко-Острроверхов, опытный дипломат, хорошо известный на Дальнем Востоке. Вместо отправившегося в долгосрочный отпуск священника Шастина, в Ханькоу был назначен новый настоятель о. Ксенофонт Кондратский (1852–1908), переведенный сюда из Даляня. Он был сыном священника, воспитывался в Каменец-Подольской духовной семинарии. История его жизни очень интересна. В июне 1876 г. он был арестован по обвинению в распространении среди семинаристов запрещенных изданий, полученных от товарища. Более семи месяцев содержался в одиночном заключении. 24 февраля 1877 г. «дело о нем [было] разрешено в административном порядке с вменением в наказание предварительного содержания под стражей и с учреждением негласного надзора полиции»¹⁶. В дальнейшем подобных случаев с ним не происходило, и по окончании семинарии он был направлен священником в с. Серебринец Подольской епархии Могилевского уезда (ныне Винницкая область Украины). В июле 1900 г. о. Ксенофонт получил назначение в церковь г. Дальнего (Даляня) с окладом 1980 руб.¹⁷. Спустя год священник подал просьбу и был переведен в Ханькоу на должность настоятеля местной церкви. Он также стал преподавать Закон Божий в русской школе. Однако отношения между о. Ксенофонтом и местной русской диаспорой не сложились. Его считали странным, «не в себе», так как свободное от службы время он посвящал созданию летательной машины, выпрашивая у прихожан деньги на покупку деталей для ее постройки. Он был отстранен от ведения службы в Китае за свои «чуждачества» и получил предписание вернуться на Родину¹⁸. Однако вернуться в Россию ему было не суждено. В донесении управляющего российским консульством в Ханькоу в 1-й Департамент МИД от 28.08.1908 сообщалось, что «проживающий в Ханькоу бывший священнослужитель при местной православной церкви, священник Подольской Епархии о. Ксенофонт Кондратский скончался в частном госпитале доктора Роуз от холеры, и в тот же день похоронен на местном кладбище»¹⁹.

С 1905 по 1916 г. в Ханькоу служил иеромонах Симон Виноградов²⁰, прибывший непосредственно из Пекинской духовной миссии. Псаломщиком в июне 1905 г. был назначен А.Ф. Гертович, бывший редактор «Известий Братства Православной церкви в Пекине». Он прожил в Ханькоу до своей кончины в 1934 г., являясь активным членом русской колонии, состоя на должности библиотекаря и секретаря в Русском клубе, а также работая редактором местной русской газеты.

26 апреля 1906 г. состоялась поездка епископа Переяславского в Лулин и Ханькоу по делам Миссии, где он был тепло принят членами русской колонии. Несмотря на то, что участок в Лулине был приобретен еще в 1898 г., такая поездка была совершена начальником духовной миссии впервые. Во время поездки он ознакомился с территорией в Лулине, принадлежавшей церкви. Здесь уже были построены дачи членов русской колонии, в том числе и на участках, арендованных у Миссии. 19 мая он прибыл в Ханькоу, откуда по готовому участку строящейся французско-китайской железной дороги вернулся в Пекин.

12 октября 1906 г. был утвержден хозяйственный комитет при Александро-Невском храме в Ханькоу, в состав которого вошли С. Турицын («Кузнецов и Ко»), С. Унженнин («С.В. Литвинов и Ко»), Я. Панов («Молчанов, Печатнов и Ко»), Д. Наквасин («Д. Наквасин, А. Вершинин и Ко»).

Александро-Невский храм в Ханькоу. 1934 г.

ся им с малолетним ребенком было негде. Многие семьи разместились в церковном доме и были обеспечены всем необходимым русскими коммерсантами-чаоторговцами. Из Ханькоу их путь продолжался в разные китайские города: Шанхай, Циндао, Пекин и др. Русская колония в Ханькоу в течение многих лет стала единой семьей для прибывающих сюда бывших поданных Российской империи, у которых начиналась новая страница в их эмигрантской жизни.

Начиналась и новая страница в жизни ханькоусского храма, ставшего духовным приютом потерявшим родину русским людям...

В конце 1907 г. настоятелем храма был назначен член Пекинской духовной миссии протоиерей Адриан Турчинский (1883–1928), прослуживший в Ханькоу около 16 лет. В декабре 1924 г. он с семьей переехал в Австралию. Отъезд священника был вызван теми трагическими событиями, которые произошли в России во время его служения.

После 1917 года, переломного для истории России, в Китай эмигрировало большое количество беженцев, получивших здесь временное пристанище. В Ханькоу также оказались изгнанники, не имевшие ни малейшего представления о своем будущем. Проживающий ныне в США русский «шанхаец» А.Д. Кочнев вспоминал, как его родителей пустил на ночь в тюремную камеру знакомый казак, поскольку остановить

1. Вахович Александр Степанович (1858–1904), дипломат; окончил Санкт-Петербургский университет в 1882 г.; в 1882–1904 гг. — на службе в МИД.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 173. Д. 2709. Л. 3.
3. Бэй-гуань: краткая история Российской духовной миссии в Китае / [сост. Б.Г. Александров]. М.; СПб: Альянс-Архео, 2006. С. 128.
4. Архив внешней политики императорской России (АВПРИ). Ф. 188. Оп. 761. Д. 905. Л. 19–20.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3551. Л. 30.
6. Там же.
7. Там же. Л. 2.
8. Там же. Л. 9.
9. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века / ред., предисл. В.С. Мясникова. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб: Университетская книга, 2015. С. 20.
10. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. С. 13. об.
11. Архимандрит Иннокентий (Иоанн Аполлонович Фигуровский, 1863–1931), сын священника Енисейской епархии, епископ Русской православной церкви.

12. Известия Братства Православной церкви в Китае. Пекин: Типография Успенского Монастыря при Русской Духовной Миссии. 15 мая 1906 г. Выпуск 27–28. С 31.
13. Бельченко Андрей Терентьевич (1875–1958). Окончил Санкт-Петербургский университет. Дипломат, на службе в МИД с 1901 г.: секретарь-драгоман российского консульства в Ханькоу (1901); 2-й драгоман Посольства в Пекине (1902–1906); консул в Фучжоу (1910); Генеральный консул в Кантоне (1913–1914); Генеральный консул в Ханькоу (1914–1916). Эмигрировал в США.
14. АВПРИ. Ф. 143.О.491. Д. 392. Л. 27.
15. *Павленков Л.Н.* Памяти Александра Степановича Ваховича: (Рус. консул в Ханькоу) СПб: тип. А.С. Суворина, 1904. С. 4.
16. URL: [www. http://glossword.info](http://www.glossword.info).
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 185. Д. 5779. Л. 1.
18. Там же. Л. 8.
19. АВПРИ. Картон 115. Л. 35.
20. Архиепископ Симон (Сергей Андреевич Виноградов, 1876–1933) — архиерей Русской православной церкви за границей, архиепископ Пекинский и Китайский, начальник 19-й Русской духовной миссии в Пекине.

Рецензии

Развенчание мифа о Вьетнаме. Факты, фикция, вымыслы /
ред. Катрин Эрл. Копенгаген, 2018.
Mythbusting Vietnam. Facts, Fictions, Fantasies / ed. by Catherine Earl.
Copenhagen: NIAS Press, 2018. 234 p.

Роль ученого в том, чтобы стремиться к правде. Тот, кто занимается международными отношениями, знает, что международная обстановка быстро меняется. Вместе с ней подвергаются постоянным изменениям факторы, определяющие данное явление, а также обстоятельства, в которых они проявляются. Однако, даже отдавая себе в этом отчет, мы часто приступаем к новым исследованиям с багажом своего прежнего опыта и с устоявшимися взглядами. Не мыслим ли мы в таком случае шаблонно, даже если сами решительно осуждаем стереотипное мышление? Не умножаем ли мифы, без проверки и без сколько-нибудь глубокой рефлексии? С этих замечаний хотелось бы начать рецензию на коллективную монографию под редакцией Катрин Эрл «Развенчание мифа о Вьетнаме. Факты, фикция, вымыслы». Книга посвящена разоблачению мифов и стереотипов, тяготеющих над исследованиями современного Вьетнама. Это необыкновенно интересный и деловой подход, поскольку авторы руководствуются идеей не открыть абсолютную «правду», а изболочить ложные представления, выйти из скорлупы широко распространенных взглядов, свернуть с пути привычных слоганов, то есть по-настоящему научно подойти к проблеме.

Во вступлении к книге Катрин Эрл называет ее целью: показать Вьетнам сквозь призму мифов, создаваемых при описании этого государства и его народа. С мыслью редактора нельзя не согласиться — наука не является и не может быть представлением единственной и неоспоримой правды, но может и должна быть предметом дискуссии и, как уже было отмечено, следует стремиться к ее демифологизации. Разнообразие интерпретаций может быть связано с различными взглядами на один и тот же вопрос в рамках постмодернизма, метанар-

ратива, фрагментарного взгляда, а также с точки зрения разных дисциплин и парадигм.

Катрин Эрл обращает внимание на то, что Вьетнам неоднороден, а наши о нем знания часто носят фрагментарный характер. В книге представляются различные образы Вьетнама, цель же авторов отнюдь не в том, чтобы их обобщить. Превалирует антропологический подход. По утверждению Катрин Эрл, антропологи концептуализируют знания не в виде ряда дат и событий — особую важность они придают контексту. К соавторству были приглашены исследователи, многие годы занимающиеся вьетнамской проблематикой, эксперты в данной области, обладающие различным опытом и подходом к вопросу. В книге три тематических раздела. Раздел I под названием «Факты: умножая знание о Вьетнаме» и раздел II «Фикция: интерпретируя свидетельства при извлечении знания» содержат по три главы, а раздел III «Вымыслы: определяя интересы и тактику извлечения знания» — одну.

Каждый раздел монографии открывается введением, а вся она в целом заканчивается выводами. Книга снабжена приложениями в виде списков использованных в тексте фотографий и таблиц.

Первая глава, авторства Мари Гилберт, называется «Стирание границ. Новое осмысление публичного пространства улиц и переулков города Хошимин». Мари Гилберт обращает внимание на факт, что в настоящее время ввиду глобализационных процессов пространство города изменяется, причем не только в архитектурном, но также в экономическом и социальном планах. Объясняя понятие public space, — «публичное пространство» — она приводит наиболее распространенную в западной литературе дефиницию, отсылающую нас к демократическим процессам и нормам пове-

дения, характерным, например, для древнегреческой агоры. Автор ставит вопрос: что означает public space при вьетнамском авторитарном однопартийном режиме? Каким образом с таким понятием идентифицируют себя хозяева частных магазинчиков или баров?

Для решения основной задачи, выраженной понятием «демифологизация», автор сопоставляет западный взгляд на public space с эмпирическим подходом, т.е. намеревается показать постколониальную картину города Хошимин. В рамках эмпирических исследований она присматривается к улицам, переулкам и магазинчикам. Проводит беседы с более 300 респондентами, в том числе с 30 молодыми (в возрасте 25–30 лет). Расспрашивает их о реформах «Доймой» и сопутствующих им процессах модернизации. После анализа проведенных интервью и наблюдений автор приходит к выводу, что public space в г. Хошимин — это смесь глобальных и локальных особенностей поведения, межличностного общения и других процессов. В такой перспективе представляется сегодняшний образ публичного пространства в условиях авторитарного режима.

Публичное пространство Хошимина связано с колониальным периодом. Центр города — это Опера Плаза, Парк 30-го апреля, кафедральный собор. В старый колониальный пейзаж вписывается новое назначение этих мест, например, студенческие пикники или спонтанные антикитайские протесты. Историческое public space не является во Вьетнаме урбанистической категорией.

Что касается торгового пространства, рынков, то они, как и в других больших городах, связаны с глобальной метрополией. Из 24 торговых центров половина открылась за последние 5 лет. Это не только торговое пространство, но также обычное «пространство», регулируемое режимом общественных и поведенческих норм. В 2015 и 2016 г. автор провела 60 интервью в Vincom Center и Vivo City mall. Она отмечает, что в Хошимине официальные общественные места контролируются государством и его чиновниками, зато в частных торговых центрах и на прилегающих к ним участках течет оживленная традиционная коллективная жизнь.

Автор заново, очень скрупулезно, представляет нам понятие публичного пространства с перспективы узких улочек Хошимина, обращает внимание на интегрирующие общественность городские практики и одновременно использует понятие глобального Юга. Не хватает здесь лишь ответа на вопрос,

каким образом входят и входят ли вообще в это публичное пространство храмы и другие места культа? Что объединяет в пространстве колониальное и вьетнамское?

Вторая глава, написанная Минной Хаккарайнен, называется «Новое прочтение конфуцианства. Проект гендерного феминизма». Следует сразу отметить, что Вьетнам был одним из данников Среднего государства, где и родилось конфуцианство. Такой статус обуславливал тесные политические, хозяйственные и культурные связи с Китаем. Однако это не означало, что Вьетнам все заимствовал от Китая. Наряду с конфуцианством влияние на формирование вьетнамской культуры оказывали также буддизм и даосизм. Часто эти доктрины взаимопроникали, образуя синкретическую систему верований и норм общественного поведения. Буддизм толковал о духовной сфере. Даосизм хвалил естественный миропорядок, но впитал и вьетнамские поверья, анимизм и мистицизм. Конфуцианство, прежде всего, регулировало вопросы государственного управления и общественных отношений. В первый период китайского владычества (III в. до н.э. — середина X в.) среди элементов китайской цивилизации, проникших в дельту р. Хонгха, наиболее привлекательными для вьетнамской культуры оказались принципы конфуцианства — доктрины, опирающейся на правило непосредственного подчинения, четкое разделение обязанностей, лояльность к правителю и иерархическую структуру общественных отношений. В Китае конфуцианство превратилось в государственную доктрину во времена династии Хань, а Вьетнам принял ее во всей полноте. Установление протектората Франции над индокитайскими государствами во второй половине XIX века окончательно положило конец влиянию конфуцианской философии и мандаринской бюрократии на Вьетнам. Последняя стала обличаться как анахронизм, парализующий реформы и препятствующий созданию эффективной обороны страны. Вина за упадок государства частично возлагалась на закостенелую конфуцианскую систему общественных отношений.

Автор статьи поставила перед собой и другую цель, чем только описание влияния конфуцианства на структуру вьетнамского общества. Прежде всего, она сосредоточилась на представлении неравенства между мужщиной и женщиной, а именно подчиненности женщины мужчине, вытекающей из заповедей конфуцианства. Вторая задача — это реконструкция образа идеальной вьетнамской женщины.

Минна Хаккарайнен обращается к ранним, классическим конфуцианским текстам. Лояльность к семье находится в центре конфуцианского мировоззрения и предлагаемых им поведенческих норм. После анализа текстов автор утверждает, что нормы позднего конфуцианства во Вьетнаме значительно отличаются от идей раннего. Раннее конфуцианство предлагает альтернативную основу текстов, иное прочтение этого учения. Позднейшие модификации оказали влияние на восприятие социальной роли женщины. В конфуцианстве есть и ортодоксальные тексты. Нельзя не согласиться с автором, что вьетнамское конфуцианство отличалось от его китайского прообраза. Во Вьетнаме роль и права женщины все же были больше, включая право наследования. Именно позднее конфуцианство принесло с собой дискриминацию по половому признаку.

Третья глава авторства Филипа Мартина касается изменений в роли вьетнамского мужчины и понятия «мужественности» в период «Доймой». Данная глава является дополнением предыдущей. Свой анализ автор также строит, отталкиваясь от идей Конфуция и опираясь на полевые исследования, проведенные им во Вьетнаме. В статье приведены обширные цитаты из подробных интервью и бесед. Многие респонденты обращают внимание на конфликт между идеями и практикой социальной роли мужчины во время реформ «Доймой». Филип Мартин предупреждает, что в его задачи не входит анализ общественных реформ, связанных с «Доймой». Ценность статьи заключается в показе того, каким образом молодые вьетнамцы приспосабливаются к новой действительности. Особое внимание Мартин уделяет мифу о том, что молодые мужчины в период «Доймой» меняют отношения в семье.

Четвертая глава под названием «Советское влияние на развитие Вьетнама — некоторые мифы» — результат дискуссии двух авторов: Владимира Мазырина и Адама Ффорде. Это, пожалуй, самая обширная глава. Она носит политологический характер и обращается к истории взаимоотношений между Вьетнамом и СССР (РФ). Владимир Мазырин старается разоблачить бытующие в научном мире мифы, касающиеся принципов построения взаимоотношений, пользуясь доступными первоисточниками и свидетельства очевидцев. В создание статьи, кроме авторов, внесли свой вклад Евгений Глазунов, Евгений Кобелев и Григорий Локшин. Статья возникла как результат дискуссии между ее авторами и российскими экспертами, занимающимися вьетнамской проблематикой.

В статье рассматриваются 5 мифов:

1. «Доймой» пользуется опытом и является следствием перестройки Горбачева.
2. Хо Ши Мин был кремлевским агентом.
3. ДРВ (до объединения) вводила экономический сталинизм.
4. Сталинская модель во Вьетнаме существовала еще в 1960–1970 гг.
5. Социалистические государства, в том числе Вьетнам, не могли вводить локальные модели администрирования и управления без согласия КПСС.

Мазырин опровергает первый миф. Он доказывает, что реформы «Доймой» не опираются на советский опыт, и даже наоборот, что вьетнамцы поступали вопреки принятым в СССР правилам. Реформы в большой степени заимствовали образцы из международного опыта, в частности у Восточной Азии и Китая этого периода. В группе партийных деятелей, оказавших влияние на направление развития государства, многие демонстрировали прокитайские настроения. Следовательно (с чем мы лично согласны), влияние СССР было значительным, но не определяющим для реформ, носящих в литературе вопроса название «Доймой». Тут следует подчеркнуть, что влияние на инициацию вьетнамских реформ оказали как международные, так и внутренние факторы. Не стоит забывать, что это вьетнамское общество, оказавшись в трудной ситуации, добилось перемен.

Рассматривая второй миф, касающийся Хо Ши Минна и его «агентурности», Мазырин указывает на способ функционирования южновьетнамского режима, который на самом деле целиком и полностью был зависим от Соединенных Штатов. Это, по его мнению, может направить по ложному пути ученых, занимающихся вьетнамской проблематикой. Автор подробно разъясняет другие обвинения, касающиеся влияния СССР. Например, он напоминает, что в начале 1950-х годов среди руководства ПТВ (Партии трудящихся Вьетнама) не могло быть русских экспертов, потому что первым учить вьетнамский язык стал лишь в 1957 г. Евгений Кобелев. Анализ проведен предметно, содержит много подробностей. Некоторые из них касаются аграрных реформ, которые абсолютно точно не опирались на советские образцы. Мазырин приходит к заключению, что в западной историографии влияние СССР на вьетнамскую политику преувеличивается. В какой степени — это вопрос для дальнейших исследований.

Пятая глава, написанная Нгуен Тхи Хун-Сюань и Катрин Эрл, называется «Ограни-

ченный выбор. Исследования условий трудоустройства, проживания и состояния здоровья неофициальных трудовых мигрантов в г. Хошимин». Авторы пытаются опровергнуть миф о том, будто бы неофициальные рабочие мигранты представляют для города реальную социальную проблему. Они провели многочисленные антропологические исследования, посетили небольшие фирмы, мастерские и цеха, которые чаще всего принимают на работу выходцев из деревень. В книге размещены фотографии и цитаты из проведенных бесед, а также таблицы и многочисленные сводки статистических данных, характеризующие ситуацию. Исследование показывает, что молодые мигранты редко принимают участие в формальных организациях и организованных общественных мероприятиях. Отношения среди молодежи чаще всего строятся на неформальных контактах; молодым мигрантам, поселившимся вдалеке от дома, чаще всего помогали друзья. Согласно результатам исследования, состояние здоровья молодых мигрантов в целом было хорошим. Проведенный анализ помогает лучше понять явление трудовой миграции, ее социальную структуру, планировать инфраструктуру, социальную политику. Авторы статьи сформулировали три основных вывода:

- резкий и спонтанный рост урбанизации может создавать определенные проблемы в системе здравоохранения;
- в некоторых общественных секторах отсутствуют регуляции;
- нет доступа к информации о возможностях в области здравоохранения и медицинского обслуживания.

Шестая глава — «О мифе про «нецивилизованных» сельских жителей в городе» написана Эшли Карратерс и Дан Дин Чунг. Миф, с которым приходится бороться авторам, связан с убеждением, что трудовые мигранты из деревень представляют большую проблему. Данная статья тематически связана с предыдущей и дополняет ее. Принято считать, что мигранты из сельской местности — отсталые, нецивилизованные, не понимающие современный мир. Второй миф: деревни являются «традиционными», а города «современными». Третий миф — лучше быть без средств к существованию в городе, чем богачом в деревне. Авторы провели полевые исследования и сделали собственные выводы. Они полностью разоблачили миф, что в города прибывают нецивилизованные и несовременные люди, что деревенские жители являются отсталыми, а городские — современными и прогрессивными.

III раздел книги открывает статья Адама Ффорде под названием «Мифы в понимании процесса «Доймой»». «Доймой» чаще всего связывают с деятельностью Коммунистической партии Вьетнама, которая на VI съезде в 1986 г. дала старт этой реформе. Адам Ффорде продолжает рассуждения, начатые в статье с Владимиром Мазыриным. В данной главе автор самостоятельно расправляется со следующими мифами:

1. Все началось в 1986 г. с VI съезда КПВ.
2. Вьетнам применил китайскую модель.
3. Вьетнам является примером успеха реформ «Большого взрыва» (Big Bang).
4. В старой системе не было индивидуального предпринимательства и частной собственности.

В доказательство своих тезисов автор использовал данные многочисленных исследований других экспертов (среди прочих исследования Д. Дж. Марра и К. Пелцер Уайта). Он анализирует декреты, реформирующие систему. По его мнению, основы реформы были заложены ранее VI съезда, на котором они были провозглашены. Автор приводит ряд объяснений и не соглашается с интерпретацией, что начало реформе положил один-единственный акт. Также и в отношении второго мифа автор приводит множество исследований, которые явно указывают на то, что вьетнамские реформы не являются простой калькой реформ китайских. Автор цитирует исследования журнала *The Economist*, книг С. Муканда и Д. Родрика, Дж. Доша и А.Л. Вуинга. Китайская модель применяется в ряде развивающихся государств, Вьетнам воспользовался данным опытом, но стал ли он от этого «маленьким Китаем»? Ответ на этот вопрос неочевиден. Наконец, четвертый миф основывается на убеждении, что вьетнамская экономическая система копировала сталинский образец, и в ней не существовали какие-либо проявления частной собственности. Автор описывает ситуации, из которых следует, что возможность продажи сельскохозяйственных продуктов на свободном рынке во Вьетнаме существовала. Этот «свободный» рынок был довольно ограниченным, предпочтение отдавалось коллективной собственности, но он все-таки существовал. Из сделанных автором статьи обобщений хочется привести одно: во всех книгах могут содержаться ошибки, могущие ввести читателя в заблуждение. Эти ошибки и явные мифы следует рассматривать и даже изыскивать из них выгоду, которая заключается в новом взгляде на, казалось бы, уже известные темы. Однако словом необходимо пользоваться с осторожностью. Ес-

ли в тексте содержатся рассуждения идеологического, гомофобного, расистского или сексистского характера, то политики охотно ими воспользуются, а если в наших исследованиях такого контента не будет, то и они не смогут взять его на вооружение.

В разделе «Пути к познанию сегодняшнего Вьетнама» Катрин Эрл разместила выводы. Книга касается стереотипов о Вьетнаме, но в ней содержатся и более широкие обобщения и размышления, например, о том, что процесс извлечения знания глубоко контекстуален. Иногда в рассматриваемых исследованиях ощущается влияние различных сил и интересов, политической игры, ведущих к созданию «заказных текстов». Знания формируются в контексте общественных наук и служат интересам тех, кто эти знания производит и потребляет. Книга в целом дает возможность понять силу контекстуальных факторов, влияющих на формирование науки. Предложенный подход к исследованиям современного Вьетнама позволяет ввести альтернативный взгляд на проблему. Использование методологии различных научных дисциплин обогащает интерпретацию и расширяет наши знания о Вьетнаме. Цель книги — разоблачение мифов. Благодаря полевым исследованиям, их междисциплинарному характеру, с помощью создания диалектических конструкторов монография даст возможность обобщить региональ-

ные исследования, помогает подвести под них общую теоретическую базу. Разные контексты — западный, советский, азиатский — дают модель, которую Вьетнам трансформирует и употребляет в своих целях. Каким образом Вьетнам использовал идеи, почерпнутые извне? Такую перспективу предлагает статья о влиянии французского колониализма на публичное пространство. Знания — это не только продукт, но и потребитель в особых социальных условиях. Потребители научного знания могут также его репродуцировать, воссоздавать, в результате чего возникает явление, отличающееся от своего прообраза, как, например, вьетнамское конфуцианство отличается от своего китайского образца. Междисциплинарность, которой характеризуется данная монография, дает возможность делать широкие обобщения.

Рецензируемая книга рекомендуется к прочтению не только специалистам, занимающимся вьетнамской тематикой. Она может быть полезна для исследования уже, казалось бы, изученных тем, ведь всегда можно предложить новый взгляд на проблему, свободный от стереотипов и ошибочных суждений. Важное значение имеет также призыв «не писать научных работ по политическому заказу», стараться раскрыть правду искренне и по существу, действовать наперекор мифам, даже если те кажутся окончательно укоренившимися.

© 2018

*Малгожата Петрасяк,
профессор Лодзинского университета (Польша)*

Алимов И.А. Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяшо VII—X вв. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2017.

Рецензируемая монография представляет собой продолжение (фактически второй том) фундаментального проекта — истории китайской сюжетной прозы, начатой автором в «Саде удивительного», который был издан в 2014 г. тем же издательством. Если «Сад удивительного» (подзаголовок «Краткая история китайской прозы сяшо I—VI вв.») обязан названием сборнику сяшо «И юань» (V век), составленному Лю Цзиншу, то «Записи о сокровенных чудесах» отсылают читателя к одноименной книге Ню Сэнжу (IX век). С начала VII по начало X века в Китае правила династия Тан, таким образом, по большей части книга посвящена танской сюжетной прозе: как новеллам *чуаньци*, так и сборникам волшебных (*чжигуай*) и биографических (*чжижэнь*) рассказов. Вместе с описаниями новелл и сборников автор приводит также краткие биографии танских прозаиков (тех, о которых известно что-либо, кроме имени и должности). Выборочные комментированные переводы обогащают текст и облегчают его восприятие.

Как существенное дополнение к второму тому проекта «Краткая история сяшо» можно рассматривать книгу «Проза Тан и Сун», вышедшую в «Петербургском востоковедении» в 2015 г. (ответственный редактор и составитель — И.А. Алимов): ее первый раздел содержит старые и современные переводы двадцати трех танских новелл, а также извлечения из шестнадцати сборников *чжигуай*. (Интересно, что этой части «Прозы Тан и Сун» частично вторит американское издание 2017 г. «Tales from Tang Dynasty China: Selections from the Taiping Guangji», вышедшее под редакцией А.К. Диттера, Дж. Чу и Сары М. Аллен).

Первым наброском будущей книги можно считать главу, посвященную танской прозе в двухтомной «Истории китайской прозы» М.Е. Кравцовой и И.А. Алимова (СПб: Петербургское востоковедение, 2014. Т. 2. Гл. 20. С. 1007–1222). Уже сам этот раздел «Истории китайской прозы» был в своем роде пионерским для изучения танской литературы в России. Рецензируемую книгу уверенно можно назвать первой крупномасштабной об-

зорной работой о танской сюжетной прозе в отечественной Китаеведческой филологии.

В течение последнего столетия на русский язык были переведены десятки танских новелл и рассказов. О танской сюжетной прозе писали Л.Д. Позднесва, О.Л. Фишман, А.Н. Желуховцев, ей посвящена диссертация И.И. Соколовой «Танские сяшо» (1966), часть книги К.И. Гольгиной «Новелла средневекового Китая» (М.: Наука, 1980) и другие работы. Богатство танских *чжигуай* и *чуаньци*, однако, таково, что большая их часть остается неизученной и даже неописанной не только в отечественной, но и в мировой синологии; этого материала на долгие годы хватит и нашим современникам, и потомкам. Симптоматично, что и в том же энциклопедии «Духовная культура Китая», посвященном литературе, языку и письменности, не нашлось места отдельным статьям о *чуаньци* или *сяшо* вообще, о них говорится только *passim*. Стоит признать, что в настоящее время мы находимся только на первых подступах к исследованию танской сюжетной прозы.

А это обширное междисциплинарное поле, на котором в перспективе должны работать историки, филологи, культурные антропологи, историки философии и многие другие специалисты. Но ряд важнейших задач, необходимых для того, чтобы это поле обрело минимальную доступность, достается филологам. Среди этих задач в первую очередь можно назвать описание и характеристики наличных источников, оценку их датировки и степени сохранности. Такие задачи и выполняет рецензируемая книга, изданием которой автор оказал неоценимую услугу своим российским коллегам — филологам и всем остальным специалистам, изучающим китайское средневековье.

Еще одна задача, которая ложится на плечи филологов как первопроходцев поля сюжетной прозы, — это приведение текстов в читаемый вид, составление их критических изданий и ознакомление с таковыми коллег. Очень многие танские сборники дошли до нас в наилучшем состоянии, и, конечно, чтобы оперировать содержащейся в них информацией, нужна сверка сохранившихся вариантов (при их наличии). В этой ситуации проведенная ранее фило-

логическая работа по составлению, вычитке и комментированию текста оказывается неопценной. Далекое не каждому сборнику повезло с критическим изданием; тем более следует ценить те, которые существуют. В число приоритетов для любого исследователя танских *сяошо* входит знакомство с современными критическими изданиями прозаических сборников и новелл. К сожалению, не всегда ученые опираются на лучшие издания изучаемых текстов. Теперь, когда появился второй том «Краткой истории сяошо», можно сэкономить немало сил и времени, ориентируясь на указанные в книге авторитетные издания. Эта обзорная работа дает исчерпывающее представление о существующем положении дел в области текстологии и критических изданий сборников танской прозы и отдельных *чуньци*.

Данной книгой можно пользоваться и как справочнику благодаря ее справочно-библиографическому аппарату, а также ее структуре: автор последовательно описывает основные произведения танской сюжетной прозы, разделив их на две части: новеллы/*чуньци* и «сяошо об удивительном» (это отступление от хронологического принципа оговорено во введении). Внутри же этих разделов сохранен условный хронологический порядок. Условный — потому, что однозначная датировка той или иной новеллы или сборника возможны не всегда. Как оговорено во вступлении, сборники, от которых до наших дней дошли только названия, а также сборники, объем сохранившихся фрагментов которых слишком мал, отдельно в книге не рассматриваются (с. 14). В принципе, оба тома «Краткой истории сяошо» (наряду с упомянутой выше «Историей китайской прозы») с их логичным структурированным изложением материала и скрупулезным анализом жанровых особенностей разбираемых произведений прекрасно подходят и на роль учебников и, пожалуй, должны использоваться именно таким образом, особенно если учесть, что подробных современных учебных пособий по истории китайской литературы практически не существует.

Отдельную ценность представляет представленный в книге обзор научной литера-

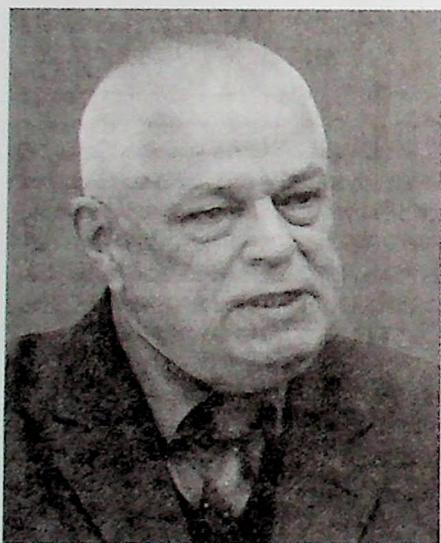
туры. Наиболее подробно описана история изучения танской повествовательной прозы в Китае, но западные исследования и переводы представлены также достаточно полно. Случилось так, что ряд значительных китайских и западных исследований, посвященных танской прозе, прошел незамеченным для отечественного китаеведения. Это касается не только статей и монографий, созданных и напечатанных до середины 1980-х годов (что было бы вполне объяснимо), но и современных публикаций. К сожалению, и сейчас появляются работы современных отечественных исследователей китайской прозы, которые находятся в некотором библиографическом вакууме. Приведу только два примера. У нас практически не цитируются работы Г. Дадбриджа (1938–2017): ни его монография, посвященная «Гуан и цзи» Дай Фу и культурному контексту, в котором создавался этот сборник (1995), ни книга о красавице Ли (1983), ни другие его многочисленные работы. Удивительным образом, «заговор молчания» сложился и вокруг трудов Ли Цзяньго (р. 1943), ведущего исследователя танских и сунских *сяошо*. Стоит надеяться, что появление «Краткой истории сяошо» обратит, наконец, более пристальное внимание ученых на труды их зарубежных коллег.

Рецензируемая книга, как и все остальное в нашем мире, несовершенна. Можно пожалеть, что «судебным новеллам» — *чуньци* — в ней уделено буквально несколько строк, тогда как они повлияли на становление одной из разновидностей городской повести *хуибэнь*, а через нее — на возникновение судебных и авантурных романов. Что касается исследовательской литературы, использованной в ходе работы над изданием, то незамеченной осталась интересная монография Дэниела Се, где большая часть посвящена танским *чуньци*, разбору их сюжетов и мотивов («Love and Women in Early Chinese Fiction», 2008).

На наших глазах появляется полноценная история классической сюжетной китайской прозы. Ни студент-классик, ни специалист в области древней и средневековой китайской литературы не обойдутся без этих книг.

Юбилей ученого

Анатолию Евгеньевичу Лукьянову — 70 лет

28 октября 2018 г. исполнилось 70 лет доктору философских наук, профессору Анатолию Евгеньевичу Лукьянову — руководителю Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН, Центра изучения русской и китайской культур ИДВ РАН и Сычуаньского университета, заместителю председателя Международной конфуцианской ассоциации, члену правления Международной ассоциации ицинистики, заместителю председателя Общества российско-китайской дружбы.

Анатолий Евгеньевич закончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, преподавал на кафедре философии в Российском университете дружбы народов. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление древнекитайской философии», а в 1991 г. — докторскую («Дао и дэ: философия раннего даосизма»). С 1997 г. А.Е. Лукьянов — главный научный сотрудник ИДВ РАН.

А.Е. Лукьяновым опубликовано более 20 монографий и учебников для университетов и Институтов Конфуция, он автор научных и публицистических статей в журналах, сборниках, энциклопедиях, впервые представивших культурогенную концепцию китайской философии. Он предложил современную концепцию выявления структурно-функциональных архетипов культуры Дао, занимается сравнительным изучением древнего и современного конфуцианства, а также исследованием конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу»).

В настоящее время Анатолий Евгеньевич разрабатывает темы новой методологии мировой синологии, пути взаимопроникновения и взаимопонимания русской и китайской культур (Конфуций, Лао-цзы — Пушкин, Толстой). Труды проф. А.Е. Лукьянова, результаты исследований, поиск и открытие новых направлений в синологии получают признание в отечественных и зарубежных научных кругах. В сотрудничестве с коллегами ИДВ РАН, организующими совместные научно-учебные центры с вузами страны, профессор А.Е. Лукьянов прилагает значительные усилия к созданию российской китаеведческой философской школы. Результаты научных исследований нашли отражение в ряде лекций по духовной культуре Китая.

Ответственное отношение к слову, неизменная принципиальность и требовательность, корректность по отношению к коллегам по работе помогают Анатолию Евгеньевичу в решении самых непростых задач. Отдавая все свои силы и опыт изучению культуры Китая, он вносит уникальный вклад в дело укрепления дружбы между народами России и Китая, в развитие отечественной синологии. Научные труды А.Е. Лукьянова по достоинству оценены международным сообществом и российским правительством. Он является лауреатом международной премии «Специальная Книга-Награда Китая» Генеральной администрации прессы и публикаций (Пекин, 2006); лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий (Москва, 2010) как редактор шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая»; лауреатом Пятого международного конкурса «Награда Бокуня» за перевод «Канона перемен» (Пекин 2012). Желание Анатолия Евгеньевича щедро делиться своими знаниями с людьми, его профессионализм, трудолюбие и неиссякаемая творческая энергия вызывают искреннее восхищение.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Анатолию Евгеньевичу Лукьянову доброго здоровья, счастья, долголетия и дальнейших успехов во всех начинаниях.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2018 год

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА С.Л. ТИХВИНСКОГО

Памяти академика С.Л. Тихвинского	№ 2
От главного редактора	№ 5
[Соболезнование Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова]	№ 5
<i>А.С. Ипатова.</i> О Сергее Леонидовиче Тихвинском.....	№ 5
<i>К.Ш. Хафизова.</i> Востоковеды Казахстана вспоминают академика Тихвинского.....	№ 5

ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики	№ 4
Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества.....	№ 4

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Участникам и гостям торжественного заседания по случаю 60-летия Общества российско-китайской дружбы. [Приветственное послание Президента РФ В.В. Путина]	№ 1
Поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина по случаю 60-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы	№ 1
<i>Г.В. Куликова.</i> К 60-летию Общества российско-китайской дружбы	№ 1

ХІХ СЪЕЗД КПК

Круглый стол в ИДВ РАН «ХІХ съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения»	№ 1
<i>А.В. Виноградов.</i> ХІХ съезд КПК: великий поход к возрождению.....	№ 1
<i>И.В. Ушаков.</i> Экологическая повестка ХІХ съезда КПК.....	№ 1

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>О.Н. Борох.</i> Дун Шицзинь о проблемах аграрной экономики республиканского Китая.....	№ 6
<i>Л.И. Кондрашова.</i> Китай строит свой социализм	№ 4
<i>Э.П. Пивоварова.</i> Что нового внес ХІХ съезд КПК в стратегию социально-экономического развития КНР.....	№ 3
<i>К.А. Санин.</i> История и культура в китайской инициативе «Один пояс, один путь»	№ 4
<i>Чжан Шухуа.</i> Перемены в мировой политике и новая эпоха Китая.....	№ 3

ПОЛИТИКА

<i>Л.Е. Васильев, А.Ф. Клименко.</i> ШОС: правда и вымыслы.....	№ 6
---	-----

<i>А.В. Виноградов, П.В. Трощинский.</i> Первая сессия ВСНП 13-го созыва и конституционные поправки.....	№ 2
<i>А.В. Виноградов, Д.А. Дегтерев, Д.В. Спирина, А.А. Трусова.</i> «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе.....	№ 3
<i>А.З. Жебин.</i> Корейский конандрум.....	№ 2
<i>В.О. Кистанов.</i> Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая.....	№ 2
<i>Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй.</i> Основа китайско-российского сотрудничества в Арктике.....	№ 2
<i>В.В. Кузьминков.</i> Россия — Япония: асимметрия интересов.....	№ 6
<i>А.В. Курриянов.</i> Мальдивский кризис в китайско-индийских отношениях: причины и последствия.....	№ 4
<i>Г.М. Локиши.</i> Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии.....	№ 3
<i>Ю.В. Морозов.</i> Россия, Китай и северокорейская ядерная проблема.....	№ 3
<i>Е.И. Нархова.</i> О современных подходах Вьетнама к урегулированию споров в Южно-Китайском море.....	№ 6
<i>В.А. Перминова.</i> Законодательное реформирование и правовой статус Тайваня в составе Японской империи в 1895–1945 гг.....	№ 1
<i>В.Е. Петровский.</i> Контур безопасности для Большого евразийского партнерства.....	№ 4
<i>В.Я. Портяков.</i> К 40-летию начала экономической реформы в Китае (краткий экскурс).....	№ 5
<i>Е.И. Сафронова.</i> Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии.....	№ 4
<i>Д.В. Стрельцов.</i> Парламентские выборы в Японии 2017 года: возвращение «на круги своя» или новый этап политического развития?.....	№ 1
<i>С.В. Уянаев.</i> Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогом 16-й трехсторонней академической конференции.....	№ 4
<i>А.С. Шенин, С.Ю. Шенин.</i> После саммита в Сингапуре: американские стратегии денуклеаризации Северной Кореи.....	№ 5

ЭКОНОМИКА

<i>М.В. Александрова.</i> Особенности сибирского экспорта в КНР: современное состояние и «узкие места».....	№ 3
<i>В.Д. Андрианов.</i> Роль международных и региональных банков развития в индустриализации и модернизации стран Юго-Восточной Азии.....	№ 5
<i>А.В. Афонасьева.</i> О развитии и роли инновационного бизнеса вернувшихся специалистов (<i>хайгуэй</i>) в Пекине.....	№ 6
<i>Л.Д. Бони.</i> Новая аграрная стратегия XIX съезда КПК: цели и проблемы.....	№ 5
<i>Л.Б. Вардомский.</i> Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов.....	№ 6
<i>Р.А. Варфаловская.</i> Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США.....	№ 6
<i>Вэй Лянь, Лю Яши.</i> Особая экономическая зона Сямэнь: успехи, уроки, прогнозы.....	№ 6
<i>Доу Пэн.</i> Рынок ценных бумаг Китая: пути интернационализации.....	№ 3
<i>М.В. Жариков.</i> Потенциальные варианты перехода БРИКС к согласованной экономической политике.....	№ 3
<i>П.Б. Каменнов.</i> Российско-китайское научно-техническое сотрудничество.....	№ 5
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Основные направления и приоритеты развития машиностроительного комплекса КНР.....	№ 1

<i>Н.Н. Котляров, А.В. Островский.</i> Иностранные инвестиции в КНР: место и роль в экономической реформе.....	№ 1
<i>И.А. Макаров, И.А. Степанов.</i> Китай: эволюция спроса в контексте трансформации модели социально-экономического развития.....	№ 2
<i>В.А. Матвеев.</i> Переоценка роли центральноазиатских ресурсов в современной энергетической стратегии Китая.....	№ 4
<i>В.Я. Портяков.</i> Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае.....	№ 2
<i>С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо.</i> Китай: приоритет «зеленых» и «умных» автомобилей.....	№ 3
<i>Тань Сюэзе, Ю.В. Кулинецв.</i> Трансазиатско-европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.....	№ 2

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>А.В. Макаров.</i> Проблемы и перспективы российско-монгольского сотрудничества в контексте охраны озера Байкал.....	№ 2
--	-----

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>П.А. Балыкин.</i> Проблемы рыбопромыслового районирования в Тихом и Северном Ледовитом океанах.....	№ 6
--	-----

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» В ПДВ

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике.....	№ 6
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>В.И. Балакин.</i> Диалектика восточноазиатской интеграции.....	№ 3
<i>М.С. Михалев.</i> Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты.....	№ 6
<i>В.С. Морозова, К.С. Дубровская.</i> Трансформация социокультурных пространств России и Китая в условиях приграничья: современные реалии, тенденции, перспективы.....	№ 6

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>М.Г. Евтодьева.</i> Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая.....	№ 4
<i>П.Б. Каменов.</i> КНР: военно-гражданская интеграция.....	№ 5
<i>В.Б. Кашин, Л.С. Крашенинникова.</i> Китайская академия инженерной физики — создатель китайского ядерного оружия.....	№ 5
<i>А.А. Храпчихин.</i> Новый облик НОАК.....	№ 2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>В.И. Волощак.</i> Проблемы развития национальной системы кибербезопасности Республики Корея.....	№ 3
<i>Е.А. Горячева.</i> Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии.....	№ 5
<i>Д.Б. Графов.</i> Экономическая модель гуаньси в Китае: сравнительный анализ.....	№ 5
<i>Н.Н. Ким.</i> Эволюция гендерной политики в КНДР.....	№ 4
<i>Ю.В. Магдалинская.</i> Правовые основы деятельности институциональных инвесторов в России, Китае и США.....	№ 4
<i>Р.У. Ульмасов, Н.Х. Курбанов.</i> «Миграция объединяет мир».....	№ 3

ИСТОРИЯ

- В.Л. Бронников.* Китай и Александр Невский: по следам загадочной экспедиции 1261 г. № 4
- А.Л. Верченко.* Советско-китайское сотрудничество в архитектуре и строительстве в Китае в 1950-е годы № 4
- И.Р. Гарри.* История происхождения Хорских княжеств в Восточном Тибете № 1
- Е.Г. Калкаев.* «Гоминданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов № 2
- А.В. Ломанов.* Американский гуманизм в контексте китайского консерватизма 1920-х годов № 6
- Е.И. Нестерова.* Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) № 5
- Н.А. Потапова.* Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий № 3

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- В.С. Мясников.* Первый в России научно-исследовательский Институт по Китаю. (Посвящается 400-летию установления дипломатических связей России с Китаем) № 3

ОБРАЗОВАНИЕ

- Т.С. Мозоль.* Интернационализация высшего образования Республики Корея: от Пак Чон Хи до Пак Кын Хе № 4

РЕЛИГИЯ

- Л.А. Афонина.* «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР № 5
- Ван Шуй.* Современное состояние православия в Китае и размышления о его будущем № 2
- В.Г. Шаронова.* Русский храм на Янцзы № 5–6

КУЛЬТУРА

- Т.Л. Гурулева.* Разработка компетенций владения китайским языком как иностранным: элемент политики по распространению китайской культуры № 5
- О.И. Завьялова.* Инновационные технологии в языковой политике Китая № 4
- Е.А. Иконникова.* Сахалин и Курильские острова в литературном наследии русских священников конца XIX — начала XX века № 3
- А.Ю. Сидоренко.* О концепциях китайской «новой исторической прозы» № 6
- О.Н. Труевцева.* Проблемы сохранения культурного наследия на примере буддийских монастырей Центральной Монголии № 2
- Е.А. Хохлова.* Концепция пейзажа *чингёнсансухва* Кёмджэ Чон Сона № 2

ФИЛОСОФИЯ

- А.А. Крушинский.* Логика китайского стратегического мышления № 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.В. Волошина.* О книге Курта М. Кэмпбелла «Поворот. Будущее американской дипломатии в Азии» (Campbell K.M. The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia) № 5
- Н.Ю. Демидо.* «Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК». Ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН № 4

<i>Л.В. Захарова, Ю.В. Кулинецв, А.Ч. Мокрецкий.</i> «Восточная Азия и изменение глобального миропорядка». 5-я международная научная конференция молодых востоковедов.....	№ 2
<i>Е.И. Кранина.</i> Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН	№ 4
<i>Я.В. Лексютина, А.С. Пятчкова.</i> 3-я ежегодная международная конференция «Диалог Райсина» («The Raisina Dialogue»).....	№ 2
<i>А.Е. Лукьянов.</i> Диалог китайской и русской культур. Международная конференция, март 2018 г., Сычуаньский университет, г. Чэнду	№ 4
<i>В.М. Мазырин.</i> Обзор материалов Круглого стола в ИДВ РАН «Форум АТЭС 2017 во Вьетнаме: возможности регионального развития».....	№ 1
<i>О.Н. Попова.</i> Синологической библиотеке — 60 лет	№ 1

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.В. Афонасьева.</i> Портяков В.Я. Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня	№ 2
<i>А.К. Камалов.</i> Хафизова К. Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты).....	№ 4
<i>В.О. Кистанов.</i> Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов.....	№ 1
<i>А.В. Ломанов.</i> История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009).....	№ 4
<i>К.К. Меркулов.</i> Стейнберг Д., О'Хэнлон М.Е. Взаимное стратегическое заверение и решимость. Отношения США и Китая в XXI веке	№ 3
<i>М. Петрасяк.</i> Развенчание мифа о Вьетнаме. Факты, фикция, вымыслы	№ 6
<i>И.Е. Пожилов.</i> История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976)	№ 3
<i>М.А. Потапов.</i> Когда юань станет мировой валютой?	№ 2
<i>А.А. Слободенюк.</i> Белов А.В. Япония: экономика и бизнес	№ 5
<i>Д.А. Смирнов.</i> Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути.	№ 2
<i>А.Б. Старостина.</i> Алимов И.А. Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII—X вв.	№ 6

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Аллы Леонидовны Верченко	№ 5
Борису Григорьевичу Доронину — 90	№ 5
Юбилей Александра Захаровича Жебина	№ 2
Юбилей Ольги Исааковны Завьяловой	№ 1
Евгению Васильевичу Кобелеву — 80 лет.....	№ 3
Григорию Михайловичу Локшину — 80 лет	№ 3
Анатолию Евгеньевичу Лукьянову — 70 лет	№ 6
Юбилей Елены Ильиничны Сафроновой	№ 1

НАШ ЮБИЛЯР

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 85 лет.....	№ 3
---	-----

Contents	№ 1–6
----------------	-------

Summary.....	№ 1–6
--------------	-------

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2018 год	№ 6
--	-----

Contents

ROUND TABLE IN THE FEA

The 40th Anniversary of the Economic Reforms in the People's Republic of China

POLITICS

L. Vasiliev, A. Klimenko. SCO: the Truth and the Fiction

V. Kuzminkov. Russia – Japan: the Asymmetry of Interests

E. Narkhova. Modern Approaches of Vietnam to Dispute Resolution in the South China Sea

ECONOMY

L. Vardomsky. Trade Relations with the PRC and Economic Development of Russian Regions

A. Afonasiyeva. The Development and the Role of Innovative Business of Returned Specialists (Haigui) in Beijing

R. Varfalovskaya. Development of China's Foreign Trade in the Context of Globalization and "Trade Wars" of the USA

Wei Liyan, Liu Yaping. Xiamen Special Economic Zone: Successes, Lessons, Forecasts

RUSSIAN FAR EAST

P. Balykin. Problems of Fishery Zoning in the Pacific and Arctic Oceans

THEORY AND METHODOLOGY

O. Borokh. Dong Shijin on the Problems of Agricultural Economics in Republican China

VIEW POINT

M. Mikhalev. Russia-China Transborder Area: Ethno-Social Aspects

V. Morozova, K. Dubrovskaya. Transformation of Russia-China Sociocultural Spaces in the Conditions of Borderland: Modern Realities, Trends, Prospects

HISTORY

A. Lomanov. American Humanism in the Context of Chinese Conservatism of the 1920s

CULTURE

A. Sidorenko. The Conceptions of the Chinese New Historical Fiction

RELIGION

V. Sharonova. Russian Temple on the Yangtze River (continued)

BOOK REVIEW

M. Petrasyak. Mythbusting Vietnam. Facts, Fictions, Fantasies

A. Starostina. I.A. Alimov. The Notes of Innermost Miracles. A Concise History of the VII–Xth Century Chinese Xiaoshuo Prose.

SCHOLAR JUBILEE

Anatoly Yevgenievich Lukyanov — 70 Years

Far Eastern Affairs Contents for 2018

Contents

Summary

В № 5 2018 г. на с. 2 следует читать:

Т.Л. Гурулева. Разработка компетенций владения китайским языком как иностранным: элемент политики по распространению китайской культуры

Summary

L. Vasiliev, A. Klimenko. SCO: the Truth and the Fiction

The article continues polemics about the mission and purpose of the Shanghai Cooperation Organization its role and place in the system of international relations. The authors offer their own vision of the problem, make suggestions concerning further improvement of Organization.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, security on the Eurasian continent, terrorism, SCO summit.

V. Kuzminkov. Russia — Japan: the Asymmetry of Interests

The article analyzes the prospects for the development of relations between Russia and Japan in the context of the activation of Japanese diplomacy in the Russian direction. In May of 2016 Prime Minister Abe proposed an eight point cooperation programme. More than a hundred of economic agreements were signed within the framework of it, but most of them have not yet been implemented. The author explores the reasons of slippage in the development of bilateral relations.

Key words: Russia, Japan, new approach, cooperation, interests, sanctions, territorial problem.

E. Narkhova. Modern Approaches of Vietnam to Dispute Resolution in the South China Sea

The article is devoted to the analysis of the current approaches and practise that are employed in a foreign policy of the Socialist Republic of Vietnam which is one of the most active participants in the South China Sea (SCS) territorial disputes. Being confident in the inviolability of its own rights for the part of SCS areas, archipelagos and islands Hanoi is searching for diplomatic, political and military instruments to face its key antagonist in SCS — the Peoples` Republic of China. At the same time Vietnam tries not to damage relations with China that is its crucial economic and trade partner.

Key words: South China Sea, territorial disputes, China, Vietnam, ASEAN, USA, Japan, international relations.

L. Vardomsky. Trade Relations with the PRC and Economic Development of Russian Regions

The dynamic development of Russian-Chinese trade ties is based on a small number of Russian regions. The concentration of trade turnover reflects China's priorities among them. On the top is a group of regions located in the East of Russia — suppliers of fuel and raw materials — and regions in its European part, characterized by a large consumer capacity. Generally, remote but consumer capacious European regions led by Moscow are dominated in both imports and exports. But the situation can be changed by activation of China's investment activities in Russia, as well as by implementation of a number of major transport projects and development of logistics providing mutual trade ties.

Key words: Russia, China, trade relations, spatial structure, infrastructure, regional economy, development.

A. Afonasiyeva. The Development and the Role of Innovative Business of Returned Specialists (Haigui) in Beijing

The article discusses the main city-level, district-level, university-level and h-tech park-level measures taken by Beijing government for return of talented Chinese professionals from overseas. It analyses some startups and top-companies of returned specialists, quantifies the place of returnee's companies in the innovative development of Beijing.

Key words: the PRC, returned specialists (haigui), programs for recruiting overseas talents, business incubators, startups, innovative companies.

R. Varfalovskaya. Development of China's Foreign Trade in the Context of Globalization and "Trade Wars" of the USA

According to the China's customs statistics, PRC foreign trade increased in 2010–2017 by 1.4 times (from 2974 billion to 4105 billion dollars). The countries located along the Silk Road Economic Belt and Maritime Silk Road of the XXI Century now account for more than ¼ of China's foreign trade turnover. This means that despite the US sanctions China has prospects for expanding and deepening trade and economic ties on all countries.

Key words: foreign trade policy, globalization, Silk Road Economic Belt, Maritime Silk Road of the XXI Century, Eurasian Economic Union (EAEU), new investment bank of BRICS, de-dollarization, "trade wars".

Wei Liyan, Liu Yaping. Xiamen Special Economic Zone: Successes, Lessons, Forecasts

The Xiamen SEZ, which has been playing the role of China's "window" to the outside world for 37 years, an "experimental field" of reforms and openness, has made a significant contribution to economic restructuring and socialist modernization of the country. Xiamen's practical activities deserve generalization and consistent, in-depth study. Based on the facts presented in the article and their analysis, the authors attempt to assess the future development of the Xiamen SEZ.

Key words: China, Xiamen, Fujian Province, reform and openness policy, special economic zones, the Taiwan Strait, free trade area (FTA), Deng Xiaoping, Xi Jinping.

P. Balykin. Problems of Fishery Zoning in the Pacific and Arctic Oceans

The article notes the importance of the supply of seafood for country's food security, and serious backlog of the industry by comparison with the last decades of the XX Century. This is largely due to miscalculations in the current scheme of fishery zoning. The article proposes to update fishery zoning with the use of modern methods of marine spatial planning. The problems of international rivalry and interaction in this field are also discussed.

Key words: fishing, fishing zoning, Arctic, Far East, Northern Sea route, aquaculture, hydrocarbon reserves, marine spatial planning.

O. Borokh. Dong Shijin on the Problems of Agricultural Economics in Republican China

The process of formation of agricultural economics in China in the first half of the XX Century is analyzed on the example of the academic legacy of Dong Shijin who emphasized the comparative advantages of the agricultural development model. An attempt to build an "ideal large agricultural State of East Asia" was combined with the idea of bringing Chinese agriculture into profitable production and transforming farmers into entrepreneurs. Dong Shijin's approaches to the role of education in changing the way of life in Chinese countryside and his views on the problems of employment of rural population and land reform are analyzed.

Key words: China, economics, agriculture, industrialization, comparative advantages, rural education, land reform.

M. Mikhalev. Russia-China Transborder Area: Ethno-Social Aspects

The paper attempts to comprehend the Russia-China transborder area as a separate entity with its own characteristics. It defines it as a sequence of buffer zones that have either been created along the separation line by one of the States on purpose or came into being beyond their will as the result of activities of the borderland population. They can't be called no-man's lands, as they are still populated by the indigenous peoples, who fill them in with cultural and social meanings and work as mediators between two Eurasia's superpowers safeguarding their peaceful coexistence.

Key words: China, state border, transborder regions, indigenous people, buffer zones.

V. Morozova, K. Dubrovskaya. Transformation of Russia-China Sociocultural Spaces in the Conditions of Borderland: Modern Realities, Trends, Prospects

The article analyzes the process of Russia-China borderland sociocultural spaces transformation on the example of regional pair: Trans-Baikal region (Russia) and North-East of China (Dongbei). The authors describe their functioning in three dimensions — local, national and other-cultural. In this context, it seems relevant to appeal to the special practice of developing border areas, which are today not only outposts, but also can be viewed as a place for active interaction between countries, cultures, and

civilizations. They draw a conclusion about one-sided vector in the path of the cultural elements dissemination, that dictates the necessity to find incentives to further qualitative development of interregional cooperation between Russia and China, determining the place of border regions cultural policy in the overall strategy for the development of national culture.

Key words: sociocultural space of Russia-China cross border cooperation, regional culture, sociocultural identity, Trans-Baikal region (Russia), North-East China (Dongbei).

A. Lomanov. American Humanism in the Context of Chinese Conservatism of the 1920s

The article is focused in the influences of the ideas of the new humanism by Irving Babbitt on the formation of Chinese cultural conservatism. Babbitt considered the humanistic teachings of Confucius and Aristotle as equally important components of world culture. He called for caution in the process of modernization of China in order to prevent the destruction of moral foundations of the Chinese tradition. Chinese students transformed these ideas into arguments in controversy with the New Culture Movement. The experience of the assimilation of the ideology of the new humanism by the followers of the Xueheng group refutes the thesis about the insulation of Chinese conservatism from external influences.

Key words: China, West, modernization, tradition, Confucianism.

A. Sidorenko. The Conceptions of the Chinese New Historical Fiction

The article deals with the conceptions of "new historical fiction" put forward by the leading Chinese, Russian and Western researchers. A comparative analysis of the main traits defined by the scholars is presented. The conducted research shows that the "new historical fiction" is a direct projection of the post-socialist cultural dynamics on the contemporary Chinese literary scene.

Key words: China, contemporary literature, 1980s literature, 1990s literature, literary theory.

V. Sharonova. Russian Temple on the Yangtze River (continued)

The article deals with the history of Orthodoxy in China. An important role in the construction of churches was played by Russian merchants, who considered it their duty to strengthen the faith among the Russian population living far from home. One of the important points of the Russian-Chinese tea trade since the middle of the XIX century was the city of Hankou (now part of Wuhan). Here, in 1884, at the expense of Russian merchants, an Orthodox Church was built in the name of St. Alexander Nevsky.

Key words: Hankou, Church, Orthodoxy, merchants, tea trade, Russian-Chinese relations.

Шлындов Александр Васильевич
15.06.1948 — 22.09.2018

22 сентября 2018 г. после тяжелой болезни скончался Александр Васильевич Шлындов, многие годы проработавший в Институте Дальнего Востока РАН и в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока».

По образованию и основному опыту работы А.В. Шлындов являлся специалистом-японоведом. В 1972 г. он окончил Восточный факультет Ленинградского госуниверситета, в 1977 г. — аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Влияние США на развитие отношений между Японией и КНР (1945–1979 гг.)».

В 1985–1998 гг. А.В. Шлындов работал в структурах Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, а затем Российской Федерации. Вышел в отставку в звании полковника. Занимался вопросами обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С февраля 1998 г. по март 2018 г. А.В. Шлындов трудился в ИДВ РАН в Центре японских исследований, затем в Центре изучения стратегических проблем США и ШОС. Специализировался на изучении вооруженных сил Японии и Китая, опубликовал десятки высококачественных научных работ по этой тематике, в том числе в журнале «Проблемы Дальнего Востока», где в течение 15 лет работал научным редактором.

А.В. Шлындов неизменно пользовался уважением в коллективах, в которых ему довелось трудиться.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким А.В. Шлындова. Добрая память об Александре Васильевиче навеки останется в наших сердцах.

*Коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

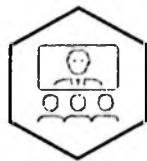
Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах «Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки. Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru
Оригинал-макет © 2018 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 30.11.2018 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 420 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 31/6а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+